

НОРО ZEN 1001 ТЕХНОФИЛЬСКАЯ ЕРЕСЬ

Пролог

«Так мы вступили в новое средневековье. Всеобщим актом воли свобода мышления изъята из употребления, потому что миллионы индивидов отказываются от права на мышление и во всем руководствуются только принадлежностью к корпорации...» (Альберт Швейцер)

**«ВНИМАНИЕ, ШЕСТИЧАСОВАЯ
ГОТОВНОСТЬ!**

**ВНИМАНИЕ, ШЕСТИЧАСОВАЯ
ГОТОВНОСТЬ!**

**ВНИМАНИЕ, ШЕСТИЧАСОВАЯ
ГОТОВНОСТЬ!**

**ПРОВЕРКА СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ
ОБЪЕКТОВ В ЛАБОРАТОРНОМ СЕКТОРЕ
ТРЕТЬЕЙ ПАЛУБЫ!**

— Научному персоналу подготовиться к выходу в квадрат испытательных воздействий! — объявил в микрофон худощавый учёный, закрыл глаза, улыбнулся и прибавил громкости. Вслед за его расширенным сознанием по серебристым коридорам лаборатории помчались рваные

электронные звуки. Музыка, доносящаяся из громкоговорителей, вначале заставила вздрогнуть огромную флуоресцентную вывеску, украшающую крышу здания, в результате чего в лучах вечернего солнца блеснуло слово «ДЕПАРТАМЕНТ». Дрожь низкочастотных басовых линий передалась верхним этажам, затем устремилась вниз по винтовым лестницам, звуковые волны огибали статуи умиротворённого Будды и многорукой Шивы, мягко скользили по бархатным подушечкам для медитации в просторных аудиториях, пронзали фантастические голограммы, проецируемые над преподавательской кафедрой. Мелодии проникли в актёрский зал, напоминающий футуристический храм и, отразившись от огромного натянутого полотна, освещённого ультрафиолетом, взмыли по винтовым лестницам обратно на крышу. В этот раз они нарушили покой второй части вывески, и теперь красками засверкало слово «ПСИХОДЕЛИЧЕСКИХ». Словно боясь наказания, озорные звуки бросились наутёк, задев по пути белое полотенце, по странному обычаю повязанное вокруг дверной ручки кабинета Руководителя департамента. В холле первого этажа их ожидал другой сюрприз — нелепая глыба Советского союза, памятник Владимиру Ленину, расположенный в центре просторного зала, остановил хулиганов и уверенным жестом руки

указал верную дорогу — на крышу, где своей очереди покорно ждала последняя треть вывески со словом «ИССЛЕДОВАНИЙ».

— Научному персоналу подготовиться к выходу в квадрат испытательных воздействий! — повторил Руководитель и потеревил тонкую бородку. Пока персонал, состоящий по большей части из несмышлёных студентов, шурша цветастыми халатами, собирался в секторе для испытаний, учёный прокрутился на кресле, пробежался по струнам лежащей на коленях балалайки и с молодецкой прытью подъехал к стенду с фотографиями.

— М-дя... — блаженно проямлил он, разглядывая свои достижения. Да уж, тут было на что посмотреть. Можно было без лишней скромности заявить, что перед его глазами находилась вся история психоделической эволюции в лицах — вот его юношеские снимки, изображающие двух молодых парней с отсутствующим взглядом. Один из них, несмотря на юный возраст, сверкал обширной лысиной. Ребята были одеты в белые кимоно и восседали на выцветшем ковре, скрестив ноги. Вот групповое фото участников пресс-конференции, повсюду счастливые физиономии и красочные логотипы «Human_ver.2.0». Здесь и знаменитое фото с Далай-ламой: загадочно улыбающийся старик

по-дружески обнимает двух европеоидов, на нём надета подаренная гостями футболка с эмблемой «Stirol». По центру стенда расположен другой снимок, гордость Департамента — Руководитель выступает перед многотысячной аудиторией на всемирной конференции по изучению изменённых состояний сознания. И пусть злые языки поговаривают, что подобные мероприятия являются всего лишь способом отдохнуть в Индии за казённые средства, учёный муж на снимке держит микрофон уверенно, спина его гордо распрямлена, а взгляд устремляется поверх голов слушателей к светлому будущему свободного от предрассудков человечества.

— М-дя! — подытожила знаменитость, провожая окончание трека костлявым пальцем. Прихватив со стола печенье, он облизнул сахарную пудру и вышел из кабинета, хлопнув дверью. От удара табличка на двери покосилась. Она гласила:

«Руководитель
Департамента
психоделических
исследований ДОКТОР
ЯМАК»

— Полдень, XXI век! — укоризненно произнёс я, глядя на часы.

— Бобр, успокойся, ведёшь себя как офисный планктон! — перед моим лицом материализовался человек в ковбойской шляпе. Перекрикивая рёв двигателя, он высунулся из шикарного красного авто почти по пояс. — Тупо слышать какие-то претензии от человека, определяющего время по страному браслету с изображением танцующего человечка.

— Какого...??? — я проглотил слово, замешкавшись. Вместе с шумом мой старый приятель Ли привёз с собой запах горелых покрышек.

— Не утруждайся оправданиями! — заявил он категорично. — Я же знаю, что ты никогда не просишь подкинуть тебя без особой на то причины... — его чрезмерное дружелюбие и приветливость стала меня настораживать. — И какими же вы с Доком исследованиями занимались на этот раз? Чердак, как я вижу, разобран основательно! — он прищурил глаза по привычке, напоминая мне весёлого азиата.

— Я был у Пашки...

— Это ещё хуже, товарищи! — ораторствовал Ли, обращаясь в неизвестность. — Опять нажрались экспериментальной дряни, не

прошедшей испытаний в Департаменте!
Возмутительно!

Я подошёл ближе, взял оратора за шляпу и усадил обратно за руль.

— Что за показуху ты тут устраиваешь...? — рассеивая подозрения, я заглянул в салон и к своему ужасу узрел двух малолетних красоток в высоких кожаных сапогах. — ПРИВЯУ-У-У! — пропищали они в один голос.

— Разве не уважительная причина для опоздания? — опередил меня Ли, надеясь, что я не стану поднимать бурю при посторонних.

— Очаровашки... — выдавил я, постеснявшись упомянуть о том, что после вчерашнего вечера едва могу разобрать их лица. Медленно и неуверенно обойдя старинный Dodge Challenger, я присел на переднее сиденье. Шестилитровый мотор загрел, стоило водителю коснуться педали газа.

— Yeah-h-!!! Бензиновые тачки — это улёт! — педаль опустилась в пол, пассажиры влипли в кожаные кресла. Мой запас терпения стремительно иссякал. Мало того, что мой друг опоздал на целый час, оставив меня наедине с назойливыми галлюцинациями, теперь он гоняет на моей машине как слабоумный, зная, что бензиновое авто, ещё и такое раритетное, в наше время невозможно достать даже ему — человеку, мягко

говоря, не бедному. Я повернулся и заглянул в его глаза, отчего тот мгновенно опомнился и сбавил скорость. Это были глаза счастливого человека. Человека, который, несмотря на небольшой по современным меркам возраст, успел реализовать все свои нездоровые мечты. Но что же таилось в глубине этих широких от удовольствия зрачков? Что за существо поселилось в этом атлетическом теле?

— Пустота... — прошептал я. Ли вздрогнул, как будто что-то постороннее и холодное лизнуло его внутренности. — Все твои достижения — это пус...

«Итак, мы продолжаем нашу передачу «Рептилии Юрского периода!» Минутка рекламы, не переключайтесь!» — коротенький палец Ли коснулся сенсорного дисплея, мой голос прервала радиотрансляция. Над передней торпедой Челленджера появилась миниатюрная голограмма, изображающая интерьер небольшой квартирki. Камера приблизилась к старому окну, покрытому облупившейся краской. Крупным планом — ветхая деревянная рама. Послышались завывания ветра.

«Раньше у меня были большие проблемы», — сообщил приятный голосок. За окном пошёл дождь, объёмные капли возникали из пустоты и исчезали в сером пластике торпеды. Вода стала проникать сквозь оконные щели и растекаться по

подоконнику. Заиграла приятная музыка, обстановка в квартирке сменилась, теперь перед камерой была добротная пластиковая рама, надёжно защищающая от пыли, грязи и шума. Рама распахнулась, на подоконник запрыгнул человек и с дикими воплями выбросился из окна. На торпеду с грохотом упала рекламная вывеска:

«ДХМ ОТ ЛИДЕРА
НА РЫНКЕ
ПСИХОДЕЛИЧЕСКИХ
ВЕЩЕСТВ —
КОНЦЕРНА «STIROL»!!
НОВАЯ, УЛУЧШЕННАЯ
ФОРМУЛА!! ТЕПЕРЬ
ШАНС
САМОУБИЙСТВА —
76 % УЖЕ ПОСЛЕ
ПЕРВОГО ПРИЁМА!!»

В салоне повисла угнетающая тишина.

«Бры-ы-ынь!» — рука одной из красоток непроизвольно опустилась на струны балалайки, валяющейся на заднем сидении.

— Всё ещё заказываешь рекламу у этих ребят? — я обратился к владельцу концерна.

Ли почесал щетину, обгоняя очередной электромобиль.

— Sick, sick, sick! Don't resist! Sick, sick, sick! — подпевал он, вслед за вокалистом.

— «Era vulgaris»? — протянул я и увеличил громкость; говорить стало невозможно. Да и стоило ли? Мой друг растворился в родной стихии рок-н-ролла. Немногие знали, что эта комбинация из двух слагаемых порождала собой разрушительную и одновременно созидающую силу, стихию, перед которой, как показала жизнь, сокрушаются любые препятствия.

Гитары взяли последние аккорды, музыка стихла, машина припарковалась у входа в офис.

— Спасибо, дружище! — я хлопнул Ли по его цветастой рубашке, попрощался с попутчицами и вышел на улицу.

Ли подал знак подружкам и выскочил вслед за мной.

— Бобрик, постой! — подойдя ближе, он наклонился к моему уху и прошептал:

— Я почувствовал...

Мои брови приподнялись в недоумении.

— Я почувствовал, как ты проник в суть...

— Что?

— Когда ты заглянул мне в глаза... Я знаю, что ты можешь видеть... душу... что ты увидел во мне? — Ли было неловко, он теребил пуговицу на рубашке.

— Тебе ведь плохо, не так ли?

— Немного...грустно... Не знаю почему... у меня всё есть...

— Заткнись, ради бога. Не позволяй себе хныкать! — я играл свою роль, зная, каких струн нужно коснуться, чтобы настроить эту гитару. — Потерял немного драйва из-за того, что твоё хобби стало легальным?

— Возможно...

— Иди к своим цыпочкам, пока они не увидели, как их кумир распускает сопли!

— Слышь, не ори! — прошипел он, прикладывая палец к губам. Неожиданно он ударил меня в пресс.

— Вот это другое дело! — прохрипел я, держась за живот. — Не забывай, что твоя голова идеальна для ношения шляпы, а не тупых размышлений!

— Бог мой... — Ли махнул своей пухлой рукой и зашагал в сторону припаркованного «Доджа». Не успел он сесть за руль, как его телефон завибрировал.

«Береги машину!»

— гласило сообщение, адресованное от меня.

— Береги свою крышу... — пробормотал лихач, завёл мотор и оглушил улицу раскатами красного американского чудовища.

— Я вижу, ты близок, — ловко увернувшись от блевотины, доктор Ямак похлопал молодого человека по плечу. Двое послушников выносили беднягу на свежий воздух, спустившись с крыльца, они усадили его на нижнюю ступеньку в аккурат под вывеской:

Школа просветления

«Вафля»

Оставив учеников проветриваться, Доктор прошёл по коридору, распахнул высокие двери и остановился на пороге аудитории. В помещении находилось около сотни человек, одетых в одинаковые белые робы, на их головах были выстрижены странные залысины. Под громкую музыку люди повторяли непонятные действия. Одни, изолировавшись от окружающих с помощью наушников, практиковали медитацию, скрестив ноги, другие придавались празднованию, снуя взад-вперёд, танцуя и периодически совершая священное паломничество к стойке бара.

Увидев вошедшего Учителя, послушники прекратили всякую деятельность, бармен наклонился над пультом и приглушил музыку.

Доктор прошёл через весь зал, осмотрел обстановку и заступил на расположенный в центре постамент.

— Граждане Земли! — обратился он. — Всем вам посчастливилось жить в светлом времени, когда глупости побеждены, а коррупция и любые преступления стали бессмысленными! Что и говорить, человечество неудержимо движется к просветлению. Просветлению душ и умов. А вы, граждане, могу заявить вам с полной ответственностью, находитесь, таксказать, в авангарде этого движения!

— УРРА!! — воскликнул перевозбуждённый послушник и принялся хлопать в ладоши, обливаясь пивом.

— М-дя... — лектор потрогал лысину и продолжил. — Просветление — это длительный и нелёгкий путь, все вы это уже успели ощутить на себе, — Доктор обвёл глазами публику, одобрительно кивающую в ответ. — Но стоит ли умышленно усложнять его ещё больше? Разве может нормальный человек разобраться в этих ужасных терминах — муладхара, дхарма, санкхья, мокша? А главное — зачем? Ведь наша с вами родная славянская традиция содержит в себе абсолютно идентичные понятия! Так, например, мат является универсальной мантрой, произнося которую мы выражаем те или иные духовные состояния. Главнейшим из них, граждане, является

состояние безмятежности, отрешённости от мирских забот и безразличия к материальным ценностям иллюзорного мира. Состояние абсолютного равновесия, именуемое ПО.

Руководитель Департамента перевёл дыхание и повернул голову к большому окну на всю стену. Солнце спряталось за плотным грозovým облаком, и все объекты в помещении отразились в окне, словно в зеркале. Его взгляд дрогнул — неожиданно для себя он обнаружил, что выступает перед аудиторией в белом лабораторном халате.

— Вот, например, многие из вас сейчас наверняка задумываются, почему я прибыл из Департамента в этом... ммм... комичном наряде? Может, я слишком увлёкся исследованиями или наконец-то съехал с катушек? Мыслить подобным образом было бы большим заблуждением! — заверил Док, вознося указательный палец. — На этом примере, дорогие мои, вы можете убедиться в необходимости постоянной работы над собой. Мой ум твердит, что я одет неподобающим образом, но справиться с назойливым раздражителем мне помогает сильнейшая мантра — стоит лишь закрыть глаза и медленно произнести: «П-О-О-О-О-О-О-О!»

Довольный своей находчивостью, Док потеревил бородку и поднял руки.

— Переходим к практической части! Пожалуйста, усаживайтесь поудобнее и закрывайте глаза, — Доктор жестами усадил учеников и убедился, что все сомкнули веки. — Отлично, теперь давайте вспомним о том, что мешает нам быть счастливыми, о том, что принято называть «проблемами». Не хватает денег до конца месяца? Ваша спутница требует от вас, сама не знает чего? Работа не приносит удовольствия? Тогда повторяйте за мной: «П-О-О-О-О-О-О-О-О-О-О-О!»

— П-О-О-О-О-О-О-О-О-О-О-О-О-О-О-О-О-О!.. —
загудел зал.

— Почувствуйте, как состояние ПО проникает в каждую клетку вашего тела. Ощутите, как ПО расслабляет ум, делая вас мудрыми и отрешёнными. ПО — это секретное оружие славянского народа, благодаря нему мы победили монголо-татар, Наполеона, Гитлера, советскую власть, затем победили её ещё раз, но уже в виде восставшего из могилы зомби. «У нас лучшая армия!» — утверждали наши враги. — «Самые тренированные солдаты, самая продвинутая на континенте экипировка и техника!» — Док выдержал паузу. — И они были правы! Наши предки тоже не стали спорить, в ответ, они произнесли лишь одно слово — ПО. Захватчики не могли понять, что значит ПО, они разрушали

города и деревни, разбивали наши армии и сжигали столицы. «Сдавайтесь, у вас нет ни единого шанса победить!» — призывали они. — «Мы разрушили всё, что у вас есть!» И они ошибались. Потому что существует нечто, что нельзя уничтожить, — Док сделал паузу, — это душа, друзья мои. Дух, если хотите. Не забывайте, что человек — это не тело, а дух, находящийся в нём, и отсутствие духовности — это наша гибель. Конец духовности станет концом человечества, осознание этого, я надеюсь, заставило всех нас собраться в нашей уютной школе просветления.

Аудитория замерла. Спины учеников распрямились, праздные лица стали более серьёзными и одухотворёнными. Каждый ощутил внутри себя какое-то движение — это подавал знаки тот самый дух. Док продолжал:

— Истина, граждане, состоит в том, что не сами трудности, проблемы и препятствия заставляют наш дух съёживаться, как...м-м-м... пенис под холодным душем. Настоящий враг прячется там, где никто не станет искать — он скрывается в нашем уме. Да-да, граждане, в уме! Именно он называет рядовую ситуацию проблемой, внушает страх перед будущим, и не найдя ответа, вселяет панику. Вспомните, сколько раз с вами такое происходило? — спросил Доктор и,

предоставив слушателям время для размышлений, спустился к бару промочить горло.

— К счастью, наш человек редко руководствовался умом при выходе из затруднительных положений, — заметил доктор Ямак, вытирая с губы пивную пену. — Он произносил заветное ПО и побеждал. Побеждал, ибо сила ПО воистину безгранична! Она поможет вам не только в повседневной жизни, но и в ваших духовных практиках, главнейшей целью которых, напомню, является достижение состояния Вафли — высшего состояния, на которое способно человеческое существо!

Закончив выступление, Доктор спустился с постамента и направился к маленькой двери в конце зала.

— Сегодняшнее занятие не должно пройти для вас даром, граждане, — огласил он по дороге. — Сейчас вы должны произнести мантру ровно сто раз. Я хочу, чтоб слово «ПО» отпечталось у вас на лбу, словно это результат резьбы по... м-м-м... дереву. Поверьте, это не пустое слово — это оружие, искусно владея которым, вы... — Доктор опустил взгляд и оторопел — вместо нормальной обуви на его ногах красовались серые стоптанные тапки, — вы... ну вы поняли! — кивнул он и, споткнувшись о балалайку, шмыгнул за спасительную дверь.

* * *

Я стоял на мраморном крыльце новомодного офиса, глядя на красный шлейф, оставшийся от машины. Благословив своего друга крепким словом, я сосредоточился на вывеске за спиной:

«MOVIE LLC»

Хорошенько потеряв глаза основаниями кистей, я вновь обернулся к месту, откуда минуту назад умчался мой друг Ли — шлейф по-прежнему висел в воздухе. Немного огорчал тот факт, что кроме меня, шлейфа никто не видел. Чуть больше огорчала вполне очевидная мысль о том, что на самом деле его там вообще не было. В полное же огорчение меня приводило осознание того, что кроме паршивого состояния, моё появление на работе омрачалось значительным опозданием. Я сделал глубокий вдох, поправил галстук и собрал русые волосы в аккуратный хвост.

— Не самое худшее самочувствие как для понедельника, — подбодрил я себя шёпотом и сделал уверенный шаг, стеклянные двери офиса раздвинулись.

«Жаль только, что сегодня пятница» — язвительно сообщил внутренний голос, отчего моя

выжатая из последних сил улыбка в последний момент предательски исказилась. Робко поздоровавшись с охранником, я подошёл к турникету и щёлкнул замком дипломата. Стоило мне провести извлечённой из кейса пластиковой картой по считывающему устройству, как на дисплее под потолком холла появилась надпись: «*Bodhisattva 13:20 — 25C superconductor*». Помещение вздрогнуло от нахлынувших отовсюду электронных звуков.

— Отличный трек, господин директор! — похвалил музыку охранник. Вежливо улыбнувшись в ответ, я проследовал по коридору. Музыка разносилась по всем этажам административного здания. Я позаботился о том, чтобы мощная акустика была вмонтирована в каждом кабинете, в каждом проходе — спасения не было даже в туалетах.

«Зато мои сотрудники знают о прибытии руководства», — мысленно оправдывал я свою прихоть, поднимаясь в стеклянном лифте.

Мой кабинет был расположен над верхним этажом и представлял собой прозрачную башню, коими с недавних пор стало модно украшать крыши новостроек. Зайдя внутрь, я поставил кейс на длинный стол для совещаний и плюхнулся в кожаное кресло, прищурившись от яркого солнечного света. Погружаться в работу в таком

состоянии я посчитал чрезмерным стрессом для организма, поэтому подходящим альтернативным занятием стал просмотр свежих новостей в интернете. Лениво перебирая пальцами по дисплею, я неожиданно наткнулся на статью о своей компании, о детище, на создание которого ушла масса времени и стараний. Заголовок гласил:

«Калигула_ver.2.0»

Далее следовал текст следующего содержания:

«В наше время едва ли найдётся человек, хотя бы единожды не посетивший или, по крайней мере, не слышавший о крупнейшем и, пожалуй, наиболее выдающемся ночном клубе столицы. Клуб «Movie» по праву прославился изысканной музыкой, новаторским подходом к дизайну и эксцентричными мероприятиями, каждое из которых норовит переплюнуть предыдущее по красоте, масштабу и... дерзости. При всём желании удержаться от оценочных суждений по поводу вкусов и нравов современного общества, нам кажется, как минимум удивительным открытое восхищение такими «креативными находками» как сношающиеся лилипуты в костюмах полицейских или сотни подвешенных на резинках белых кроликов, раскачивающихся над танцполом», —

прочитав последние строки я ухмыльнулся и потрогал светлую голову, родившую столь замечательные идеи.

«Уставшая от подобных выходов публика, давным-давно отказалась бы терпеть столь бесцеремонные нападки на общественную мораль, не имей владелец «Movie» связей в Департаменте психоделических исследований, позволяющих распространять во время вечеринок эксклюзивные вещества, представляющие посетителям заведения заманчивую возможность с каждым разом испытывать всё новые и новые ощущения. В данной статье, однако, речь пойдёт не об этом. Благодаря тщательно законспирированному журналистскому расследованию, мы можем рассказать о том, что происходит за фасадом процветающего развлекательного заведения, приоткрыть занавес, скрывающий особенности управления компанией.

На протяжении длительного времени любая информация, касающаяся организации работы гиганта развлекательной индустрии, скрывалась от общественной огласки. Казалось бы, причины этому вполне очевидны — мы говорим о секретах бизнеса и коммерческой тайне. Однако год от года распространяются слухи о другой стороне медали, слухи противоречивые и зачастую слишком фантастические, чтобы претендовать хотя бы на

долю реалистичности. Действительно, некоторые факты, с которыми нам довелось столкнуться в ходе собственного расследования, не поддаются рациональному объяснению. Так, например, зная о ярко выраженных склонностях владельца компании к бесконечным развлечениям, сексу, вечеринкам и употреблению всех видов психоделических веществ, логично было бы предположить, что сотрудники отбираются с учётом психической зрелости, раскованности и, возможно, какой-то степени аморальности. Тем не менее, успешно пройти собеседование удалось лишь самому консервативному и чопорному журналисту, такому, каких за глаза принято называть различными оскорбительными словечками.

Здесь мы не можем не упомянуть о более чем загадочном принципе отбора кандидатов. После первого интервью с HR-менеджером, соискатель, в случае заинтересованности компании, приглашается на личную беседу с собственником, человеком, который, как полагается, и принимает окончательное решение. Вполне стандартная процедура, если бы не одна загвоздка — в ходе встречи, господин Генеральный директор... не произносит ни слова. Вместо привычного интервью он в течение нескольких минут бурлит взглядом растерянного кандидата, после чего немедленно сообщает ему о его дальнейшей судьбе в «Movie

LLC». При положительном результате будущему работнику оглашается его заработная плата, к слову, превышающая ставки на аналогичных должностях в других компаниях в несколько раз.

Пройдя это не вполне обычное собеседование, наш счастливчик мчится на свою новую работу, ещё не подозревая о том, через что ему очень скоро придётся пройти. Сюрпризы случаются с самого утра. Точнее полудня, когда, собственно, и начинается рабочий день. Не успевает новый работник обустроиться на месте и перевести дух, как офис буквально разрывается от громкой музыки, доносящейся прямо из стен ультрасовременного здания. Если вы думаете, что утром в «Movie LLC» звучат умиротворяющие мелодии, настраивающие сотрудников на продуктивный рабочий день, смеем вас разуверить — в момент прибытия директора играет абсолютно невыносимый для психически здорового человека Dark psychedelic trance. Разумеется, о таких подводных камнях заранее никто не предупреждает, а ведь пережитый стресс может быть смертельно опасен для людей со слабым здоровьем! Даже с нашим коллегой, несмотря на профессиональную закалку и крепкие нервы, случился обморок.

В ходе рабочего процесса, сотрудник осваивает, казалось бы, стандартные навыки,

исполняя вполне привычные для подобных компаний обязанности. Но трудовые будни регулярно разбавляются неадекватными выходками собственника. В частности, если работник вызывается к руководству, предвидеть, будет ли он поощрён или вычитан, представляется крайне затруднительным. По слухам, руководитель ведёт секретный календарь, в котором дни «кну́та» или «пряника» распределены, только задумайтесь, случайным образом!

Кроме того, всему персоналу может быть приказано прибыть на следующий день в нелепых костюмах, а то и вовсе без одежды. Не является ли это прямым нарушением прав наёмного работника? Несоблюдением требований Конституции о неприкосновенности личности и уважении к человеческому достоинству? Впрочем, сексуальная тематика является большим вопросом владельца компании. Внутренний интерьер офиса больше напоминает древние храмы Каджурахо — скульптуры, изображающие соитие расположены повсюду, а дверные ручки и выключатели исполнены в виде половых органов. Сотрудникам и сотрудницам, вынужденным регулярно обнажаться, волей-неволей приходится проводить значительную часть свободного времени в спортивных залах, чтобы сохранить хоть какое-то уважение среди коллег.

Кульминация всех ужасов и унижений наступает на корпоративных праздниках. В компании существует специальная должность, на которую с самого момента основания назначен выдающийся учёный Павел Ярута. Широко известный в области создания новых химических соединений, Павел применяет свой талант для разработки так называемого «праздничного меню», погружающего участника действия в наркотический транс с первого же отведанного блюда. Таким насильственным образом добропорядочные работники исполняют роли подопытных кроликов, теряют над собой контроль, а мероприятие превращается в дионисийскую вакханалию.

Запуганные и истощённые люди держат внутри коллектива круговую поруку. Мы можем лишь предполагать, насколько реальными должны быть угрозы со стороны руководства, чтобы удержать в шкафах такое количество скелетов! Кто знает, возможно, коллектив давно превратился в секту, состоящую из безвольных зомби? Наша редакция ни в коем случае не навязывает читателю какое-либо мнение, ведь цель журналистики — беспристрастное освещение фактов.

Помните, посещая ночной клуб «The Movie», вы поддерживаете многочисленные бесчинства и произвол, а нанимаясь на работу, рискуете навсегда превратиться в сектанта, поставив крест на

нормальной жизни и отношениях с родными и близкими».

— «Родными и близкими», — передразнил я. — Сплошные низкопробные штампы! Неужели нельзя было найти нормального автора для заказной статьи? Они думают, что современный человек может поверить в этот смехотворный бред?

Мою тираду прервал вызов от секретарши.

— Слушаю! — отозвался я, нажимая на иконку интеркома.

— К Вам главный бухгалтер, — сообщила красотка. — Говорит, срочно.

— Хорошо, приглашай! — попросил я и убрал руку с сенсорной панели.

Лифт загудел, и вскоре в дверях моего кабинета появился высокий седой мужчина. Его вид меня несколько озадачил.

— Чух, чух, чух, добрый день! — произнёс он устало.

— Хм. Как тебя сюда пропустили?

— Да как обычно, чух, чух, чух, — главбух подошёл к столу и положил передо мной пачку документов, — надо подписать. Срочно.

— Понимаю... — сказал я, просматривая счета на оплату. — Но как это связано с тем, что ты засунул себе в жопу какую-то...э-э-э... трубу и изображаешь грёбаный паровозик?

— Но Вы же сами сказали мне так сделать, когда поймали на обеде с сигаретой.

— Ох уж это... курение! — я вспомнил о досадном моменте, произошедшем на днях. — Так, быстро вынь эту хуйню из брюк!

Главный бухгалтер повернул голову и огорчённо посмотрел на импровизированную выхлопную трубу.

— А мне нравится...

— Клоун! — вскочил я в раздражении. — Дай сюда!

Я совершил обходной манёвр и рывком вытащил свёрток из-за пояса главного счетовода.

— Не выкидывайте, пожалуйста! — взмолился он. — Это акты выполненных работ. Их тоже надо подписать.

— Устраиваете здесь балаган, а потом о нас пресса чёрт знает что пишет! — я разгладил бумаги и вернулся на своё место. — Садись, не стой над душой, бога ради!

Главбух затянул ремень и, отодвинув мой кейс, уселся за стол для совещаний.

— Я так понимаю, работы выполнены? — спросил я, доставая ручку.

— Да, крокодилы на месте.

— Отлично... — пробубнил я, подписывая акт. — Вы там поосторожней давайте, чтоб мы их больше по всему офису не ловили.

— Разумеется.

Я открыл ящик стола и заглянул в свою таблицу.

— Какое сегодня число?

— Тринадцатое, — ответил главбух, разглядывая интерьер с таким любопытством, словно был у меня в первый раз.

«Хвалить», — прочитал я про себя и задвинул ящик обратно.

— Кстати, я как раз собирался тебя вызвать.

— Что-то случилось? — лицо главбуха напряглось, взгляд остановился на висящей на стене грамоте:

«Почётный член
Академии адвокатуры
имени Оскара Акосты»

— Нет, наоборот. Хотел сказать, что очень доволен твоей работой в последнее время, — после этих слов я подошёл к сотруднику и крепко пожал его руку. — Благодарю, Александр, я немедленно издам приказ о твоём премировании.

— Спасибо большое!

— И ещё. Передай, пожалуйста, этому новому менеджеру... как его...

— Такой тихоня?

— Да, ну ты понял, — кивнул я. — Так вот, передай ему, что если он будет и дальше сливать информацию журналистам, заставлю ходить в костюме крысы до конца месяца!

— Может, лучше расскажем всем, что он в первый день обоссался?

— Не стоит, Саша, это не наши методы. Между прочим, теперь это называется обмороком...

* * *

Стены комнаты выглядели хлипкими, они подрагивали от вибрации, как сухая листва от порывов холодного осеннего ветра. Огромный механизм работал где-то неподалёку, издавая пугающий рёв и заставляя звенеть чистую посуду на кухне. Внутреннее убранство помещения не отличалось разнообразием — пара деревянных этажерок, ваза с искусственными цветами и большой обеденный стол, покрытый белой застиранной до дыр скатертью.

— Обычно у нас Мэри занимается резнёй, — сказал кудрявый мужчина с сумасшедшими глазами, выкладывая на тарелку странную маленькую птичку, зажаренную в духовке. — Может быть сегодня Вы, Генри, попробуете?

Генри машинально отпрянул и оглядел присутствующих испуганным взглядом. Его

девушка сидела неподвижно, её лицо ничего не выражало. Будущая тёща также уподобилась каменной статуе.

— Вы ведь не против? — заискивающе добавил отец семейства.

Генри набрал воздуха в лёгкие.

— Конечно! — ответил он с максимально возможной вежливостью. — С превеликим удовольствием.

Взяв со стола длинный кухонный нож, более походивший на мачете, Генри посмотрел на птичку и замер в нерешительности. После секундного промедления он вновь обратился к кудрявому мужчине.

— То есть просто разрезать её, как обычного цыплёнка?

— Да, да, режьте как обычного цыплёнка!

Механический рёв нарастал. Старые обои на стенах стали похрустывать. Казалось, что страшная гудящая машина прорвёт их с минуты на минуту и ворвётся в комнату.

Собравшись с силами, Генри пододвинул к себе тарелку и неуверенно коснулся птички столовым прибором. Послышалось чваканье, на тарелку полилась отвратительная кровавая жижа. Поджаренные птичьи окорочка зашевелились, Генри с ужасом и надеждой посмотрел на остальных участников трапезы. Семья его

возлюбленной сидела спокойно, словно наблюдала подобное каждый день. Исключение составляла лишь мать, глаза которой исполнились одержимостью, а из приоткрытого рта вывалился покрытый пеной язык. Окорочка конвульсировали, извергая потоки загустевшей крови. Маслянистые бардовые пузыри раздувались и лопались, орошая брызгами белую скатерть. Напряжение достигало критической отметки.

В комнате отдыха доктора Ямака зазвонил телефон.

— Мдя? — он поднял трубку, вытирая бороду от белой пудры.

— Доктор, кажется, я безнадежно болен, — слышалось из динамика.

— Не переживайте, уважаемый, у меня полно лекарств, — успокоил меня Док и поставил фильм на паузу.

— Я тебя не сильно отвлѣк?

— Ну что ты! Я уже закончил с учениками, сижу, пересматриваю «Голова-ластик».

— Дэвид Линч? Классика. Ты его... э-э-э... просто так смотришь?

Док выдержал многозначительную паузу, после чего взял из коробки очередное печенье и зачерпнул им пудру.

— Дээээ, я тут... сладостями балуюсь. А что стряслось-то?

— Не могу больше, — я выдохнул и опустил голову. — Гнусная реальность этого мирка просто невыносима. Ли гоняет по городу на моей тачке, СМИ поливают меня жидким поносом, а сам я целый день не могу избавиться от последствий поедания каких-то адских растений с пашкиного подоконника.

— Я рекомендую эвтаназию.

— Спасибо, доктор! Я знал, что на Вас можно положиться, — я засмеялся, откинувшись на спинку кресла. — На самом деле я как раз хотел предложить нечто подобное. Давайте сегодня соберёмся у меня в клубе? Все — ты, я, Ли, Пашка, Стася? А? Сто лет ведь не собирались.

— Ты без машины?

— Без.

— Тогда обзванивай всех, я заеду вечером, — сказал он и повесил трубку.

* * *

— Господин, директор, у нас чрезвычайная ситуация! — на экране интеркома появилась испуганная физиономия охранника.

— Я оторвал от стола отёкшее заспанное лицо и сфокусировал взгляд на дисплее.

— Господин, директор... — голос охранника дрожал.

— Да что случилось? — я отлепил от щеки глянцевый календарь.

— Штурмуют! Немцы...

— Кого штурмуют? Ты что, идиот?

— Война... спуститесь...

Я хлопнул по кнопке «end call» и выругался.

«Видимо, не стоит так частить с корпоративами», — жужжало в моей голове, пока кабина лифта опускалась на первый этаж.

Подтолкнув медлительную дверь, я сделал уверенный шаг по направлению к неизвестной угрозе. Холл был пуст, двухметровый охранник прятался в кабинке у турникета. Из коридора высывались носы зевак. Настроение упало до максимально низкой отметки.

— Где немцы, бля?! — кричал я, озираясь. Внимание привлёк шум, доносившийся со стороны крыльца.

— Танк... — послышалось из кабинки.

— ЧЕГО?? — я был растерян, забыв о роли директора.

При всём желании рассказать, что я бросился в атаку, как разъярённый лев, вынужден признаться, что первая моя реакция была далека от этого. Оказавшись на улице, я увидел виновника массовой паники — от этого ноги мои потяжелели, словно их погрузили в тазик с бетоном. Да и стоило ли шевелиться, когда перед твоим носом, вертя

массивной башней, разъезжал монструозный танк времён Второй мировой войны?

Одурманенный мозг отказывался соображать, взгляд зацепился за некую несурязицу — вместо того, чтоб крошить и уродовать мраморный тротуар, гусеницы танка парили в полуметре от земли. Присмотревшись внимательнее, я понял, что передо мной всего лишь макет — хоть и детализированная, но всё-таки копия устрашающего когда-то оружия. Возмущённый столь дерзким розыгрышем, я сорвался с места и, нарочно бравируя перед подчинёнными, стал приближаться к большой пластмассовой шутке. Тем временем, башня, загудев, повернулась и внезапно для всех выстрелила в неизвестную цель. Стекла задрожали от ударной волны, земля ушла из-под моих ног. Вдалеке что-то взорвалось.

Морщась от дыма, я сидел у крыльца собственного офиса и беспомощно шевелил губами.

— «ИС 2», — прочитал я медленно.

Танк опустился на землю, издав шипящий звук. Задняя стенка приподнялась, будь это дверь дорогостоящей спортивной машины.

— «Иосиф Сталин», — услышал я голос Дока, — самый мощный и бронированный советский танк периода второй мировой войны!

Доктор вышел из кабины и картинно приставил руку ко лбу.

— Прямое попадание! — доложил он с уверенностью. — Этот Макдональдс больше не будет отравлять организмы наших детей!

— Но... кхе..., — ко мне наконец-то вернулся дар речи, — там же люди.

— Всё в порядке, — доктор Ямак поправил ворот халата и осмотрел свои чёрные лакированные туфли, — я позаботился о том, чтобы перед выстрелом там никого не было.

На крыльцо начали стягиваться любопытные зрители.

— Вы зачем мне охранника напугали, товарищ военный? — спросил я, поглядывая на сотрудников через плечо.

— Минутку! — Док нырнул в кабину танка и появился с кожаным портфелем в руках. — Так, где наш больной? — деловито поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, зашагал ко входу. Переступив через меня, он, кряхтя, взошёл по ступеням и приблизился к импровизированному укрытию охранника. Бедолага по-прежнему находился в состоянии глубокого стресса, ведь, скорее всего, это был первый и последний раз, когда он вживую сталкивался с военной техникой в действии.

— М-м-д-я... — обойдя турникет, Док достал из портфеля квадратный клочок бумаги размером с ноготь и без единого слова заставил молодого

человека проглотить лекарство. — Вот та-а-а-к, молодчинка. Богатырь глупо улыбался.

— И-о-с-и-ф С-т-а-л-и-н...

Доктор погладил его по голове, как гладят ребёнка, недавно отучившегося писать в штаны.

— Не надо бояться мой маленький, все мы умрём, — обнадёжил он пациента, после чего вышел на улицу.

К этому времени мне удалось вернуть себе спокойствие и рассудительность. Отряхнув брюки, я поднялся на ноги и обратился к своим подчинённым.

— Господа, ваш рабочий день окончен. Завершайте дела и отправляйтесь домой, — в ответ блеснуло пару улыбок, однако радоваться сокращённому дню открыто никто не рискнул. — Прошу любить и жаловать — мой хороший друг, Руководитель Департамента психоделических исследований — доктор Ямак!

Я взял Дока за плечо, в то время как восхищённые зрители импровизированной военной постановки осыпали его овациями. Поблагодарив всех и раскланявшись, он дождался, пока я схожу за вещами, и после непродолжительного знакомства со своей игрушкой усадил меня в кабину. Антигравитационный двигатель сработал мягко, разглядывая салон, я и не заметил, как

машина оторвалась от земли и заскользила прочь от места происшествия.

Поводив пальцем над приборной панелью, Док нашёл нужную иконку и включил радио.

«Сегодняшнюю программу поздравлений продолжит юное дарование по имени Ванечка. Семилетний внук желает поздравить горячо любимую бабушку».

— Дорогая бабушка! — прогнусавил ребёнок. — *От всей души желаю тебе здоровья, счастья и долголетия! В этот знаменательный день я дарю тебе песенку, которая называется «Osom — Xaggittariuss».*

— Ксаджитариус... — проговорил я вполголоса, продолжая обдумывать события этого дня. В голову пришло пару интересных идей, я достал записную книжку и карандаш.

— По-моему, у меня изменился почерк, — предположил я, разглядывая написанное с расстояния вытянутой руки.

— Ага. На «Times new roman», — подтвердил Док. — Просто не надо слушать так много Грешилова.

— Хм... — я задумался. — KinDzaDza... кто это?

— Читал, что это всего лишь собачка, нажимающая лапами случайные клавиши на синтезаторе.

— Я знал...

Некоторое время мы всерьёз обсуждали возможность существования такой разумной и одарённой музыкально собаки, вскоре наш высокоинтеллектуальный диспут был прерван очередными глупыми поздравлениями.

— Совсем забыл! — спохватился Док. — Ребята, напечатавшие этот военный экспонат по моему заказу, предусмотрели забавнейшую функцию!

Доктор выключил радио и открыл плейлист проигрывателя.

— При желании я могу синхронизировать внутреннюю акустическую систему с уличными громкоговорителями.

— Да ладно!

Док пробежался по дисплею, на экране высветилась надпись:

Global
synchronization enabled

Затем появилось название трека:

Fluke — Atom bomb

В кабине зазвучало творчество старых английских электронщиков. — Проверь! — Док открыл люк, чтобы я смог высунуть голову.

«Baby's got an atom bomb
A motherfucking atom bomb
Twenty megatons
You've never seen so much fun»!

Просторные улицы столицы, сверкающие витринами в свете вечерней иллюминации, заполнились музыкой, словно пересохшие устья реки во время тропического ливня. Трек из легендарного альбома «Risotto» как нельзя лучше вписался в радостную пятничную суету.

«Baby got a poison gas
Baby got a heart attacks
Baby got a pain on tap
Baby gimme some of that»!

Удивлённые прохожие вертели головами в поисках источника звука, трое девчонок, возвращающихся из школы, бросили планшеты на лавочку и принялись беззаботно приплясывать. Наш антигравитационный танк собирал изумлённые взгляды, водители уступали нам дорогу, даже если для этого им приходилось выезжать на встречную полосу. Ветер прижимал к лицу мои чёрные солнцезащитные очки, волосы развивались, как у солиста начинающей рок-группы во время припева. Доктор Ямак получал

наслаждение от происходящего, держа штурвал, он шуршал в коробке с печеньем свободной рукой.

— Оставь мне, троглодит! — вернувшись на своё место, я одёрнул тонкую руку Доктора и сам полез за сладостями. К счастью, он был не против разделить угощение. Достав со дна коробки последнее печенье, я зачерпнул им добротную кучку сахарной пудры и отправил в рот целиком. В следующую секунду мои вкусовые рецепторы парализовало от невыносимой горечи. Губы онемели, а язык превратился в кусок размороженной сосиски. Медленно повернув голову влево, я встретил взгляд Доктора — он посмотрел на меня так, словно надо мной вот-вот застегнётся чёрный полиэтиленовый пакет.

* * *

— Хэй, крошка, ты не против, если я составлю тебе компанию?

— Ш-ш-што? — «крошка» отвлеклась от разглядывания больших наручных часов.

— Чё как, говорю? Чё скучаешь одна? — парень сел на высокий стул у стойки бара.

— Да вот степуху ещё не дали, а так выпить охота... — девушка опустила взгляд и кокетливо потербила бретельку.

— Бедняжка! — улыбнулся юнец. — Бармен, дай нам два «лайта» со льдом.

Парень быстро ловил волну, его уверенность в себе и привлекательность, по его собственному мнению, были просто обескураживающими.

— «Лайта»? — пропищала незнакомка голосом тупой блондинки. — Мож, чё покрепче?

— Джин-тоник?

— Виски?

— С содовой?

— Без. Постой, — девушка коснулась пальчиком губ собеседника, — позволь мне заказать, — попросила она и, не дождавшись одобрения, шепнула бармену на ухо.

Молодые люди молчали до тех пор, пока на стойке не появилась их выпивка. Парень спустил на нос свои широкие клубные очки — двухсотграммовый стакан виски со льдом казался всё таким же огромным.

— А я вот люблю большие размеры! — похвасталась студентка, заметив нерешительность молодого человека. — Просто я закрываю глаза и представляю себе, что это сладенький сироп от кашля! Она взяла стакан в руки. — Смотри как легко! Оп! — хлопнув длинными ресницами, девушка опустошила виски ровно наполовину. Довольная собой, она шумно выдохнула и отвернулась от бара. Дизайн главного танцпола не

пытался произвести впечатление шика и роскоши — напротив, обтёсанный паркетный пол, старые кирпичные стены и тусклое освещение создавали ощущение оторванности от цивилизованного мира. Древние часы над сценой, будто бы снятые с самого Биг Бена, показывали одиннадцать вечера, клуб «Movie» быстро наполнялся посетителями.

Тем временем, юный охотник за юбками покосился на потенциальную цель — та занималась разглядыванием катающегося по полу газетного листа. Воспользовавшись моментом, он поднёс стакан к губам.

— Подаришь мне балалайку? — услышал он в самый неподходящий момент.

— Кхо! Кхо! — по его розовым щекам покатались слёзы.

— Чёт, ты слабый совсем! — заметила незнакомка и с нарочной лёгкостью допила свой виски.

— Кхо... а мне казалось, что девочкам уже надоели эти балалайки... кхо... такая банальщина.

— Да ты чего, паря! — девушка толкнула нового знакомого в плечо. — Балалайки рулят! — она подсела вплотную. Вторжение в интимную зону заставило молодого человека непроизвольно отодвинуться.

— Смари! — с этими словами хулиганка расстегнула молнию на своём чёрном

обтягивающем пиджаке, вывалив наружу свою основную гордость. Между загорелыми грудями, подобно сверхновой, сверкал тончайшей работы медальон, шедевр был выполнен в виде русского народного инструмента.

— Вау... — произнёс парень одними губами. — Огромный!

Смущённый таким напором, он отсел на соседний стул.

— Первый раз вижу, чтоб кто-то мог вот так просто взять и выпить вискарь! Знаешь, это ведь уже не модно...так пить, — пробубнил кавалер обиженно.

Девушка повернулась лицом к танцполу.

— Кое-кому всегда было насрать на моду... — сказала она полушёпотом, глядя, как из темноты коридора появляются четыре мужские фигуры. — А вот и мои друзья!

— Гол! Хуй! Штанга! — дикарь в шляпе выбежал вперёд четвёрки и с разгона пнул волочащуюся по танцполу газету. Бумага облепила туфель, футболист поскользнулся, грохнувшись на пятую точку. Друзья переступили через него, как через бревно, не отрываясь от беседы.

— Кстати, меня зовут Стасей! — незнакомка протянула руку, — к сожалению, я вынуждена признаться, что гожусь тебе в бабушки, — сообщила она, потеряв по дороге свой молодёжный

сленг. Почувствовав себя одуроченным и, в общем-то, лишним во взрослой компании, молодой человек откланялся и затерялся среди веселящегося люду. Я проводил его взглядом, пытаюсь понять, как выгляжу в его глазах. В далёкую пору, когда я был молод не только душой, но и телом, мы посвящали себя протесту, бросали вызов сложившимся устоям, много делали назло обществу из чистого принципа. Но каковы идеалы молодёжи, выросшей на почве свободы и вседозволенности? Забыв об окружающих, я погружался в пучину собственных мыслей, я ощутил себя плывущим в стремительном течении страстей, в клубе начинался коллективный трип, люди объединяли энергии в стремлении к удовольствию. Я тонул, но кто-то или что-то пыталось меня вытащить...

— Да что с тобой?! — Стася махала перед моим лицом чёрной перчаткой. — Чего вы уже наелись?

— Э-э-э, — я очнулся, — чёртов Док подсунул мне чистый DXM в виде сахарной пудры.

Стася приветливо улыбнулась.

— Ничего нового, кстати, где он? — я обнаружил, что наша компания сократилась до двух человек.

— Исследует другие танцполы, — подруга взяла меня за руку, словно ребёнка. — Присаживайся, пропустишь со мной по стаканчику.

— Я-я-я, думаю, что можно взять по коктейлю и выпасть в ближайшем чилл-ауте.

— Валяй, дорогой! Хозяин-барин.

Вооружившись бокалами с мохито, мы отправились в путешествие по извилистым коридорам ночного клуба. Подыскав уютное местечко, мы уселись на подушки вокруг большого кальяна, продолжив беседу под расслабляющий восточный downtempo.

— Ты молодец, — сказала Стася. — Собрать всех нас вместе, как в старые добрые...

— Да-а-а.

Мы опустили глаза, вспоминая былые подвиги.

— Выглядишь потрясающе, — заметил я без преувеличения. — Хотя это ещё не повод дурачить молодёжь.

На Стасином личике появился оттенок смущения.

— Да он сам подкатил, клянусь!

Я потянул коктейль через соломинку.

— Как движется бизнес? Твои глупые балалайки уже на каждом углу.

— «Balalife» растёт, дорогой. Люди хотят балалайки, скоро и ты украсишь ими свой интерьер.

— Не дождёшься! — засмеялся я. — Не знаю, чем ты промываешь им мозги, но на меня эта хрень

не действует. Почему ты не учредила компанию, распространяющую что-то полезное?

— Это личное, — тихо сказала Стася. — С тех пор, как я поняла принцип, решила проверить его на какой-нибудь сложной и немного безумной задаче, например, продавать самый бесполезный в мире товар.

Я выдохнул сладкий дым кальяна.

— Надо же? Мне стоило догадаться.

— Стареешь. А, между прочим, обороты у нас зашкаливают. Осенью планируем запускать электронную сеть дистрибуции «E-Balalife».

— «E-Balalife», — повторил я, улыбаясь, — «E-Balalife»...

* * *

Стеклянная кровля разъехалась в стороны, распахнув над нами усыпанную звёздами холодную бездну космоса. Приближался рассвет, бережно постриженная зелёная поляна была заполнена посетителями клуба, мы сидели вчетвером бок-обок на берегу реки. Уставший от ночного гулянья народ собрался чуть поодаль, все мы ощущали единство, коллективный трип подходил к своей кульминации. Не было Пашки, Дока, Стаси и Ли, не было меня и сотен других людей, всё пришло к единому, все стали одним любящим, могущественным

солнечным существом. Стирались условности — пол, раса, возраст, незнакомые люди прижимались друг к другу, испытывая предельную близость. Волны Любви проникали в скрытые уголки сознания, обнажая и высмеивая наши глупые и наивные пороки. Зачем быть корыстным — ведь забрав у другого, ты забираешь у самого себя? Зачем быть враждебным, ведь нет ничего внешнего, нет ничего отделённого — ты враждебен по отношению к самому себе. Нет смысла хитрить, красть, обманывать, бессмысленно накапливать блага — дарить Любовь, вот что имеет ценность. Понимание этого пришло сегодня ко многим участникам действия, я был доволен. Сквозь влажную утреннюю дымку я увидел восходящее солнце, словно в знак одобрения, оно сверкнуло мне тёплой отцовской улыбкой».

Закончив последние строки, Марк снял с головы перемотанные изолентой беспроводные наушники. Издаваемый ими звук был таким громким, что вещал рекламу на всю его маленькую комнатку.

— ... принесёт вам гарантированную победу в февральской лотерее рабочих мест! Мечтаешь работать в иностранной компании? Хочешь получить гражданство за рубежом? Хватит мечтать, регистрируйся на сайте...

— юноша ударил по иконке «СПАМ». Это был не первый раз, когда кому-то удавалось взламывать его радиочастоту. Что мог поделаться он, простой пользователь, если сами производители электроники умышленно создавали уязвимости в защите, получая за это приличные гонорары в конвертах?

Марк извлёк из груды хлама пульт от окна и повернул регулятор.

Transparency — 0 %-7%-18 %-91 %-100%

Оконное стекло стало прозрачным. На улице шёл снег. СНЕГ! Пусть грязный, жёлтый, но всё-таки снег! Когда-то снег в январе был чем-то обыденным, но календарь показывал 2142 год, а это значило, что в Киеве всю зиму будет лить проливной дождь. Молодой человек подошёл к окну и взял с подоконника электронный бинокль. Прямо под его домом, борясь с непогодой, пробирались двое полицейских и патрульный бот. Марк заморожено следил, как плавно тот переставляет свои вывернутые назад ноги, как останавливается, сканируя территорию, как вертит пулемётом, торчащим из сплюснутой башни, словно ядовитое жало.

— «К.О.В. Systems», — разобрал он надпись на роботе. Снег посыпал уличные фонари, отчего тени мерцали, появляясь и исчезая.

— За... зачем здесь понадобилась техн... — он не успел закончить, как ночную тишину нарушила длинная пулемётная очередь.

Поэзия большого города

*«Oops!
... I did it again.
I played with your
heart.
Got lost in the game.
Oh, baby, baby»...*

Пятилетняя девочка в розовом костюме из латекса танцевала на сцене, повторяя вымученные движения. Плохая координация несформированного тела превращала танец в пародию, а детский голос, хоть и прошедший многократную обработку, звучал всё так же пискляво. Шоу пользовалось большой популярностью, концертный холл был переполнен, восторженная публика толкалась в проходах, обсыпая певицу овациями.

— Блин, они ей си... сиськи имплантировали что ли? — Марк распахнул поеденный молью плед и, щурясь, подошёл к монитору. — Ну, реально ж сиськи! Хотя, может и просто ваты под низ

натолкали. Был бы у меня нормальный проектор, а не эта двухмерная рухлядь.

Борясь с лёгкими угрызениями совести по поводу собственного безделья, он выключил TV-плеер и открыл файл с рукописью романа. Беглое прочтение первой главы оставило в целом дурное впечатление. Такое же дурное, как и сама идея писать продолжение к забытому произведению столетней давности. Подумав о том, что более важной задачей является выяснение подробностей вчерашнего ночного происшествия, Марк в десятый раз убедился в отсутствии какой-либо информации в Сети и со спокойной душой вернулся на диван.

«Не можете приучить малыша носить на улице фильтр? А как сильно вы беспокоитесь о его здоровье?» — спросила пожилая женщина с экрана с видом авторитетного медика.

— «По официальным данным за 2141 год более четверти обращений в больницу так или иначе связаны с пребыванием на открытом воздухе без защитной экипировки. Не подвергайте ребёнка угрозе, устанавливайте дыхательный имплантат «Ozone AF3» прямо сейчас!» — На дисплее появилась зелёная ветвь папоротника. — «Корпорация Stiorlbiotech — подарите своему ребёнку новую жизнь!»

Лицо Марка приобрело скептическое выражение, а рука потянулась к пульту.

«Рекомендовано Министерством здравоохранения Восточнославянской Таможенной Федерации», — протараторил диктор, будто бы предвидя, что зритель собирается переключить канал. К счастью, искать новостные сводки долго не пришлось, ведь новости давно стали ключевым продуктом массового потребления.

«Тем временем, ситуация на международной арене усложняется. Сегодняшним утром архиепископ и митрополит Папа Римский заявил о скором назначении нового Экзарха Западной провинции, призванного реализовать разработанные им планы по укреплению веры и распространению католицизма не только в подконтрольных землях, но и за их пределами. Папа Римский заверил, что избрание кандидатуры Экзарха будет проводиться легитимно, в полном соответствии с Кодексом канонического права. Позднее в течение дня поступили заявления глав Объединённых Стран Америки и Восточнославянской Таможенной Федерации.

— Мы не допустим какого-либо вмешательства в политические, социальные или духовные дела славянского народа, — заявил спикер Верхней палаты парламента Федерации. — Любые формы открытой и тайной деятельности

Церкви Новой Эпохи на нашей территории будут безжалостно пресекаться.

— Распространение радикального католицизма в Римском альянсе привело к сворачиванию гражданских прав и свобод населения, — прокомментировал президент ОСА. — Наша армия находится в режиме полной боеготовности, и если придётся, мы, несомненно, остановим это антидемократическое религиозное нашествие».

Марк с отвращением досмотрел выпуск новостей, как никогда изобилующих бесконечной политической трескотнёй о «новых» планах по выходу из экономического кризиса (обычно все планы сводились к «вынужденному», но «временному» увеличению рабочей недели и уменьшению социальных выплат).

— О ночной перестрелке ни слова... — констатировал он вслух. Привычка разговаривать с самим собой выработалась у Марка непроизвольно как результат многолетнего проживания в одиночестве. В редкие дни хорошего настроения, а особенно в такие, когда он мог позволить себе немного выпивки, ему приходила мысль завести отношения с девушкой или хотя бы что-нибудь предпринять для поиска второй половинки, но хроническое отсутствие денег, врождённая робость и странноватые увлечения не вписывались в

воспетый телевидением образ завидного жениха. С одной стороны, яркая и запоминающаяся внешность, высокий рост, спортивное телосложение и острый ум ещё со школы привлекали немало достойных поклонниц, готовых простить широкоплечему красавцу все недостатки. С другой, по непонятной для себя самой причине молодой человек отторгал не только симпатичных кандидаток, но также потенциальных друзей и знакомых. В свои 27 лет он освоил искусство одиночества не хуже оставшегося без родных доживающего пенсионера. Среди соседей по общежитию, большая часть которых состояла из алкоголиков и выходцев из неблагополучных семей, он слыл чудаком и тихоней. Лишь иногда соседи слышали, как он разговаривает сам с собой или включает старинную электронную музыку, похожую на бессмысленный шум. Поговаривали, что и сам Марк не разобрался в этой какофонии и коллекционировал записи с одной целью — поддержки своего виртуального магазина антиквариата (наивной и бесприбыльной затее, служащей в качестве прикрытия от назойливых социальных органов, давно мечтающих отправить тунеядца на работу).

Впрочем, несмотря на характерную отчуждённость, называть Марка изгоем было бы ошибочно. Благодаря его простодушию, открытости и постоянной готовности шутить над

собой, люди тянулись к нему непроизвольно. Как бы там ни было, но настоящая дружба, понимание и родство душ сложились у Марка лишь с одним человеком. Человеком, с которым, по иронии судьбы он никогда не встречался. На самом деле Марк даже не знал его имени, только ник, используемый в Сети. Он называл себя Wolf и жил где-то в Странах Америки. Познакомившись на одном форуме, посвящённом боевым искусствам, юноши обнаружили в своих вкусах и мировоззрении множество совпадений, с тех пор между друзьями сложилась традиция вести регулярную переписку.

Марк сел за компьютер и прислонил ладонь к палм-сканнеру, залогинившись в киберпространство, в народе именуемое Сетью. Аватар материализовался в виртуальной среде, пылающей рекламными баннерами, указателями к магазинам, порно-сайтам и другим тухлым развлечениям. Марк взлетел к «облакам», где располагались врата в Социальную сеть. После непродолжительного сканирования боты напомнили пользователю о задолженности, но всё же впустили его внутрь. Пролетая мимо публичных форумов, Марк прибыл в личную комнату, где провел следующие несколько минут за чтением свежих рассылок.

Взглянув на короткий список друзей, он нашёл в нём долгожданную надпись:

Wolf — online

Вызвав своего друга с помощью чата, Марк договорился о встрече у «высохшего дерева» на окраине сайта.

Wolf не показывал своего лица, маскируясь под аватарами несуществующих животных. Сейчас он воплотился в отталкивающего вида двуногого зверя с волчьей головой.

— «Хеллоу, бро!» — написал Марк по-английски, зная, что Wolf не использует микрофоны и камеры.

— «Хай!» — ответил он, прочитав текст на всплывшем облачке.

— «Ты в порядке? Как твоя травма стопы?»

— «Заживает, дружище, заживает. Ещё неделя, и смогу вернуться к наработке своего любимого удара»

— «Маньяк:) Слава богу, мне никогда не придётся с тобой спарринговаться. Приколись, у меня под окнами вчера разгуливал патрульный робот от «К.О.В. Systems».

— «Bullshit!»

— «Серьёзно! Дальше — больше. Откуда ни возьмись, появились чуваки в противогазах и начали поливать патруль из гранатомётов!»

— «Ты сказал в противогазах?»

— «Да, это такая старинная маска с фильтром от химического оружия. Понятия не имею, откуда и зачем они достали эти экспонаты. Представляешь, они напали на механизированный патруль прямо под моим окном!»

Какое-то время Wolf обдумывал прочитанное, зависнув в полуметре над поверхностью виртуальной лужайки.

— «Unbelievable. Конечно, можно предположить, что это обычные бомбилы, но достать армейское вооружение не так уж легко, да и технику против них задействовали неспроста. Думаю, полиция знала о готовящемся теракте или что-то в этом роде. А чем всё закончилось?»

— «Ну, механоида они не подбили, естественно. Я так понял он вообще неубиваемый. Робот гнался за ними до поворота, дальше я не видел. Не знаю, может это была Церковь Новой Эпохи, сегодня по новостям передавали, что они там всё «веру укрепляют».

— «Ага, видал такое. Они были в мантиях?»

— «Не. В широких штанах, наподобие индийских. И все как один в противогазах», — Марк поводил руками вдоль тела, обрисовав контуры увиденной им ночью одежды.

— «Забавно...»

— «И главное — по новостям ни слова. Это меня больше всего удивляет, кстати».

— «Да уж. У кого-то должны быть веские причины, чтобы прикрыть рот журналистам».

Марк спохватился, взглянув на часы.

— «Слушай, у тебя там утро, а у меня уже к вечеру дело. На тренировку пора, давай потом спишемся?»

— «Валяй! А то будешь отжиматься:»

Освободившись от клемм, Марк свернул в охапку снятое с верёвки недосушенное кимоно и затолкал его в потрёпанный спортивный рюкзак. Туда же были отправлены резиновые шлёпанцы — времени на упаковывание в отдельный пакет не оставалось. Из верхнего ящика стола юноша взял недавно приобретённый голофон и, отогнав мысли о нехватке денег на аренду жилья, с гордостью защёлкнул браслет вокруг запястья. Драньё, именуемое одеждой, складировалось во встроенном в стену шкафу. Марк водрузил туда руку и выудил светлые джинсы, радиоуглеродный анализ которых мог бы поставить в тупик исследователей Туринской Плащаницы.

Короткая матерчатая куртка с высоким воротом, ботинки на толстой жёлтой подошве и волосы, выкрашенные в огненный цвет — Марк покрутился у зеркала и добавил последний штрих — перед выходом нужно было обязательно взъерошить ежик, благо, жирные волосы позволяли обходиться без средств для укладки. Уже на пороге

молодого человека, так лихо преобразившегося в городского панка, пронзила интуитивная мысль. Не теряя времени на раздумья, он повиновался желанию и, пройдя обутым по пропаленному пластиковому линолеуму, взял из тайника жменю грибов. «Съем после занятия, как раз дома «догонит», — подумал он и выскочил на площадку.

От попыток поймать фортуна за хвост, вызывая лифт, Марк с уверенностью отказался, выбрав надёжный метод спуска на первый этаж с помощью лестницы. Бежать с десятков минут по пыльным надколотым ступеням было не бог весть каким удовольствием, но жителям верхних этажей приходилось проводить значительно больше времени в ожидании единственной рабочей кабинки.

Юноша защёлкнул на голове свои чёрные беспроводные наушники в форме циркулярных пил, защитив восприимчивые уши от вездесущего радио. Остановившись на секунду, он выбрал нужную музыку в плеере (по плану было прослушивание очередного «антиквариата»).

Через несколько минут он спустился в холл первого этажа, заваленный поломанной пластиковой мебелью. Краем глаза Марк заметил несколько завистливых взглядов, сосредоточенных на голографической надписи, парящей над его предплечьем: «Queens of the stone age — The sky is

fallin'». Владелец дорогостоящего голофона щёлкнул по браслету, название трека исчезло. Тихий и мелодичный вокал заглушил противный скрежет радио, круглосуточно извергаемый натыканными в каждом углу громкоговорителями. Марк не просто любил музыку, будь это рок, dubstep или psychedelic, он впускал её внутрь, позволяя заполнить всё тело, как наполняют кровь молекулы кислорода. Не раз юноша замечал, что, проникаясь музыкой, он каким-то необъяснимым образом синхронизировал окружающие события с музыкальным ритмом, будто участвовал в съёмках фильма. Так и сейчас, стоило ему застегнуть на затылке фильтр и шагнуть на улицу, как к вокалу добавилась мощная гитарная партия. Завороженный таким совпадением, Марк на секунду остановился и посмотрел на небо.

Начавшийся ещё ночью снег, продолжал падать крупными жёлтыми хлопьями. Многоуровневые дорожные развязки, которыми, словно извилинами гигантского мозга, был покрыт OSO-core district, не справлялись с буксующими в снегу машинами. Раздраженные водители, непривычные к таким ситуациям, переходили на ручное управление, пытаясь перестраиваться между рядами и обходить пробки, гладкие покрышки их авто беспомощно скользили по обледеневшему асфальту, превращая упорядоченное дорожное

движение в хаос. Шумные электролёты маневрировали среди небоскрёбов, двигаясь на маленькой скорости и периодически зависая на месте — в условиях плохой видимости безопасность пассажиров зависела от умения пилота ориентироваться по приборам. Чуть выше, едва различимые сквозь толщу осадков, напоминая вымерших голубых китов, неспешно дрейфовали яркие рекламные дирижабли. OSO-core district был самым густонаселённым районом Киева, во многом это объяснялось тем, что несмотря на множество бизнес-центров, развитую инфраструктуру и отличное состояние улиц, городские власти открыли свободный транспасс для всех жителей города с категориями вплоть до «D». К этой прослойке горожан относились мелкие сетевые торговцы, работяги и «вечные студенты», к коим и причислялся разгильдяй с огненным ёжиком на голове. Всё это сделало OSO-core жемчужиной Левого берега Днепра, год от года превращая его в современный техногенный Вавилон.

«Close your eyes and see the skies are falling
Close your eyes and see the skies are falling» -

— напевал Марк, отмечая у себя редкое состояние, когда ему удавалось произносить слова без заикания. С лёгкостью перепрыгивая через застрявших в снежных кучах роботов-свипперов, Марк добрался до остановки канатной дороги и

поднялся на вышку, откуда, образуя небесную паутину, во всех направлениях расходились колышущиеся стальные нити.

Кабинка причалила к платформе, пошатываясь, турникет опустился, и поток людей с безразличными лицами заполнил пространство. Мало кто из коренных жителей столицы испытывал какие-либо эмоции, переправляясь через Днепр, но иногородние визитёры были, как правило, впечатлены видом сияющего в огнях Киева, в особенности неоготическим архитектурным стилем Правого берега, встречающим их заострёнными арками, многоэтажными башнями и толстыми витражными стёклами. По известным причинам доступа к престижным районам у Марка не было, к счастью, спортивный зал находился в некотором отдалении от центра, на Московской площади в здании старой кондитерской фабрики.

Скорое приближение тренировки внушало страх, отдающий холодной тяжестью в животе. Марк занимался карате уже много лет, но страх покидал его лишь на пару дней после соревнований, после чего вновь возвращался, часто выставляя молодого спортсмена на посмешище. В мыслях об истоках своей скованности Марк прибыл на Правый берег, где после пятнадцати минут толчеи увидел столь знакомые скрипучие двери зала.

Большинство напарников по секции испытывало к нему некоторое уважение, отчасти из-за хорошей техники, боевого опыта и возраста, приближающегося к возрасту самого тренера, однако, для немногочисленных чемпионов, ежегодно приносящих в секцию урожай медалей, он не был серьёзным соперником, как не был и удобным партнёром в силу тяжёлой весовой категории, где каждый пропущенный удар мог превратиться в травму.

Поздоровавшись с напарниками, Марк отшутился по поводу своего «помятого» вида и стал переодеваться, повернувшись лицом к стене. Влажное кимоно обдало голое тело морозом, обледеневшие шлёпанцы пощипывали босые ноги, страх продолжал нарастать. Поёживаясь от холода, он выскочил из раздевалки и, поднявшись на второй этаж, вошёл в зал. По традиции Марк отпустил низкий поклон додзё, после чего разулся и пошлёпал к окрашенным белой краской металлическим трубам отопления — в тёплом местечке собрались его коллеги.

Заброшенный промышленный цех был переоборудован под тренировочный зал за счёт собственных средств тренера. Условия были далеки от комфортных, но учитывая экономическую ситуацию и общую непопулярность спорта, заполнить помещение с высокими потолками

вместо стандартных вонючих подвалов было недостижимой мечтой для большинства конкурирующих секций.

— Построиться! — скомандовал старший инструктор — коренастый усатый парень с потёртым чёрным поясом. — Ич, ни, сан, си! — он выждал несколько секунд, после чего окликнул двух болтунов. — Вы двое, в конец зала, упор лёжа на кулаки, по пятьдесят отжиманий. Остальные по кругу бего-ом марш!

В зале поднялся шум. Опытные ученики бежали бесшумно, будто их крепкие тела были легки как пух, начинающие наоборот неуклюже грохотали пятками.

— Так, на носочках передвигаемся, грохочите как лошади! — закричал инструктор суровым тоном. В помещении стало тише.

После пробежки, ученики построились для разминки и в течение следующих двадцати минут выполняли махи ногами, тянули шпагат и всячески готовили мышцы к нагрузкам.

Марк стоял в заднем ряду, имея при этом возможность наблюдать за всем залом. В секции занимались как парни, так и девушки, всего около семидесяти человек. Основная масса имела цветные пояса — жёлтые, зелёные, синие, и всего несколько бойцов были удостоены чёрных и коричневых.

Правила требовали, чтобы спортсмены строились в шеренгу, соблюдая иерархию. Таким образом, левая часть додзё была заполнена старшими каратистами, справа же находились новички, ещё не прошедшие ни одной аттестации. Над разгорячёнными телами поднималась испарина, свидетельствуя о неудовлетворительном отоплении фабрики.

— Сорок четвёртый размер... — за спиной Марка послышался холодный бархатный голос. Обращиваться было запрещено, разговаривать тоже. — Не знай я какой ты оборванец, подумал бы, что след на спине отпечатался от удара.

«Попал», — пронеслось в голове юноши. — «Надо было засунуть тапки в отдельный пакет».

— В следующий раз отстраню от занятий за неуважение, — тихо произнёс тренер, на что Марк ответил коротким поклоном.

Появление Владимира на тренировке было явлением нечастым и не сулило ученикам ничего хорошего. Общеизвестно, что многие учителя боевых искусств в молодости были выдающимися бойцами, завоёвывали места на соревнованиях, получали почётные звания от именитых мастеров, после чего сбавляли тренировочный темп, занимаясь, по большей части, преподавательской деятельностью. В случае с Владимиром всё было по-другому. Несмотря на то, что свои первые

тренировки он начал едва ли не с пелёнок, жажда к постижению мастерства со временем лишь усиливалась. Для своих учеников он был фигурой загадочной, во многом достойной поклонения. Так называемый костяк секции включал в себя сильнейших спортсменов не только Федерации, но и мира, о чём свидетельствовали многочисленные завоёванные награды. Владимир курировал тренировочный процесс глобально, предоставляя широкую свободу инструкторам, сам же в это время занимался изолированно, появляясь на людях редко. Ещё реже он демонстрировал ученикам свою технику, как ни странно, имеющую мало общего с карате-до.

Оснований для поклонения тренеру было предостаточно. Испытывая потребность в отработке изученных техник, сенсей иногда устраивал поединки с лучшими учениками, вызывая на татами до пяти противников одновременно. Опытные бойцы, мастера спорта международного класса, порой даже не могли коснуться Владимира, не говоря уж о нанесении ему удара. Проверя какие-то свои наработки, он мог играть в кошки-мышки довольно долго, после чего красиво и непринуждённо размазывал соперников по стенам. Именно размазывал, так как называть это «зарабатыванием очков», «проведением

результативных атак» или «демонстрацией превосходящей техники» было как-то неуместно.

— Ямэ! Камае-те! — закричал усатый инструктор, завидев вошедшего в зал тренера. Ученики перешли в позу абсолютной готовности — ноги на ширине плеч, сжатые кулаки выставлены немного вперёд. — Сенсей-ни рей!

— Ос-с-с! — спортсмены развернулись к учителю, исполнив низкий продолжительный поклон. Подняв головы, они приглядывались к сенсею, пытаясь определить, в каком он сегодня настроении, и чего можно ожидать от предстоящей тренировки. Владимир внушал уважение одним своим видом, причём впечатление производили не только ледяной взгляд и значительные габариты, а какая-то необъяснимая прочность, можно сказать монументальность телосложения. Глядя на эту икону боевых искусств с её литыми руками, непробиваемым торсом, тяжёлым подбородком, украшенным тонкой спускающейся от усов бородкой, казалось, что врезавшийся в неё на танк должен непременно погнуться, как хлипкая жестяная банка. Сама идея напасть на такого человека, заставить это лицо изобразить столь привычное для него выражение спокойной сосредоточенности, с каким наблюдает за прыгающим под носом кроликом голодный лев, по

своей сути была не то чтобы смелой, скорее абсурдной и до скукоты предсказуемой.

Владимир ответил поклоном и жестом приказал продолжать тренировку. Инструктор заставил своих подопечных какое-то время повторять стандартные удары и стойки, затем разделил их на три группы в зависимости от уровня подготовки. Начинающие изучали базовую технику, продвинутая часть вооружилась макеварами для наработки ударов, а так называемая «спортивная группа» разбилась по парам.

— Так, делаем «троечку», — сообщил инструктор, когда его напарники надели тонкие перчатки, защищающие лишь от царапин и ссадин. — Входим передней рукой цки-дзёдан, далее задней рукой тоже дзёдан и мощный маваши-гери чудан. По десять комбинаций в каждую сторону. Хаджиме!

Марку достался значительно уступающий по опыту, но подходящий по комплекции и весу партнёр. Поклонившись друг другу, они договорились, кто будет начинать, и приступили к отработке связки. Без особого напряжения, полноватый парень показал два удара в область головы, Марк поднял локти, имитируя защиту, затем последовал боковой удар ногой по рёбрам. Силу в удары никто, разумеется, не вкладывал, дабы избежать возможных увечий. Тяжеловес

исполнял простую комбинацию довольно умело, но чересчур медленно. Перед тем как совершить вход в зону поражения, он явно сигнализировал о начале атаки, приседая, моргая и даже немного замахиваясь. Финальный удар ногой по корпусу он выполнял после небольшой паузы, так что потенциальный соперник, скорее всего, успел бы не только опустить локоть, но и контратаковать.

Владимир расхаживал между парами, делая замечания и исправляя ошибки. Подойдя к Марку, он остановился, наблюдая за работой его партнёра. Последний, заметив тренера, прибавил скорости, отчего его стало слегка заносить, а техника исполнения смазалась. Владимир молчал, позволив ученику завершить все десять атак. Теперь первым номером стал рыжеволосый неряха с перепачканной спиной. Атака с его стороны последовала неожиданно, со взрывом, партнёр едва успел среагировать на длинные хлёсткие удары руками, Марк дал ему опомниться, после чего показал завершающий мавашигери, легонько шлёпнув напарника по рёбрам.

— Играем в поддавки? — спросил Владимир.

Марк вышел из стойки и ответил, запыхавшись.

— Так я ж да... даю время защититься. Ч... чё ж я бить-то буду, если он не успевает?

— Тебе что сказали делать?

— Нарабатывать комбинацию.

— Так ты и наработывай! — Владимир повысил голос. — Это не твои проблемы, что он не успевает. Пару раз по рёбрам съездишь, успеет.

Оба напарника стали по струнке и поклонились сенсею.

— Ос-с!

Тренер хлопнул в ладоши несколько раз.

— Так, внимание, послушайте сюда! — спортивная группа прекратила работу. — Что это ещё за медвежьи услуги?! Ваша задача переиграть соперника, сделать вход и двойку в голову резко и правдоподобно, чтоб он вам поверил и открылся для мощного маваша в корпус. А если не поверит, то пусть в эту голову получит, понятно? Не надо имитировать удары, оденьте шлемы и бейте в полную силу!

— Ос-с!

— Инвалиды! Калеки! Вы что сюда прохлаждаться пришли, мне непонятно?! — Владимир заводился. — Почему вы позволяете себе работать так, как будто до реального боя у вас есть пять лет в запасе? Посмотрите, что творится на улицах, полиция не справляется с преступностью, со дня на день правительство введёт комендантский час! Каждый второй бандит вооружен, многие вживляют себе кустарные боевые имплантаты — пропущенный удар может раскрыть череп, как

глиняный горшок! Я говорю вам — времени на расслабление нет, ваш бой будет не через неделю, он состоится сегодня!

От последних слов живот Марка скрутило, страх охватил тело ядовитым плющом. В конце занятия обычно проводились учебные поединки, с появлением Владимира это часто выливалось в кровавую бойню. Стараясь не думать о будущем, Марк посмотрел в большое мутноватое окно. Снегопад нарастал, вдобавок к нему поднялся резкий порывистый ветер, он разметал жёлтые хлопья в разные стороны, будто снег падал не с неба, а наоборот вырывался откуда-то из-под земли. Недовольство Владимира увеличивалось; на какое-то время он отвлёкся на вычитывание средней группы, используя при этом свои любимые обороты: «я в ваши годы», «любой пьяница» и «гоняете порожняки». Не успели старшие спортсмены перевести дух, как их мучитель вернулся и дал следующее задание.

— Сейчас делаем «ручeёк», постройтесь в один ряд!

«Ручеёк» был излюбленным упражнением Владимира. Один боец становился лицом к выстроенным в ряд напарникам, каждый из которых должен был по очереди провести атаку, после чего становился в конец строя. Принцип был позаимствован из старинной детской игры.

— Со стороны атакующего — любая атака, со стороны защищающегося — защита и контратака. Комбинация или одиночный удар, не важно. Главное — результативность. Шлемы, обязательны, в партере не валяться — буду поднимать пинками.

Поперёк зала выстроилась цепочка спортсменов. Молодые парни и девушки прыгали на носочках и отряхивались, настраиваясь на поединок. Первым, демонстрируя отвагу, перед строем вышел инструктор.

— И никаких медвежьих услуг, — пригрозил Владимир, поправляя своё чёрное кимоно с красными нашивками. — Будете жалеть друг друга, переведу к младшим!

— Ос-с! — ответили ученики, и через секунду на инструктора посыпался шквал ударов. Сложность заключалась в том, что, сменяя друг друга, противники обрушивали атаки непрерывно, не позволяя отдышаться и подготовиться к обороне. Действия обороняющегося должны были совершаться машинально, автоматически, так как любое обдумывание и посторонняя мысль могли послужить причиной заминки, следовательно, привести к поражению.

Смельчак отбивался великолепно, с достоинством отстаивая своё высокое положение в секции. Большинство выпадов он отражал успешно, заканчивая контратаку бросковым приёмом или

добиванием. Самые медлительные из нападающих зачастую не успевали даже войти в зону поражения, как в их корпус или голову следовал молниеносный опережающий удар. Глядя на результаты своего труда, воплощённые в этом коренастом чемпионе, Владимир, кажется, стал немного спокойнее, глухой стук кулаков по стеклянным шлемам был для него самой приятной музыкой.

Едва не сорвав аплодисменты среди наблюдающих со стороны младших коллег, инструктор отбился от всех атакующих и отправился в конец строя. Боец, следующий за ним, вышел из ручейка, развернулся лицом к очереди и принял эстафету. Вскоре впереди группы замаячил и огненный ёжик Марка. Как это всегда случалось, соперники нападали на него осторожно, не рискуя бросаться в атаку сломя голову, нарвавшись при этом на крепкий встречный удар. Будучи по своей природе существом ленивым, в поединке Марк предпочитал действовать из обороны, отчего с годами довольно неплохо освоил мастерство выманивания, выцеливания и работы на опережение. Пробив брешь в защите противника с помощью своих длинных рук, ему оставалось только завершить контратаку нокаутирующей комбинацией или борцовским приёмом, что он, собственно, в данный момент и демонстрировал. С каждым новым соперником сохранять

концентрацию становилось всё труднее, дыхание заканчивалось, маленький ручеёк превращался в бурлящую реку ударов.

— Ещё один круг, — страшные слова тренера прозвучали, когда марафон подходил к концу.

— П-почему я два раза?! — Марк повернулся к Владимиру и тут же пропустил звонкий удар в голову.

— Молодец! — тренер похвалил девушку, воспользовавшуюся моментом. — Не было б шлема, вправляли бы челюсть.

Желания взывать к справедливости у Марка резко убавилось, зато добавились одышка, головокружение и звон в черепной коробке. Быстро собравшись с силами, испытуемый вновь занял оборону, теперь главной задачей стало не превратиться в мешок для битья. Под строгим надзором Владимира ребята старались изо всех сил, отчётливо ощущая его намерение устроить публичное наказание за поддавки. Попав в безвыходное положение, Марк вынужден был исполнять чудеса концентрации и выносливости, однако несмотря на старания, качество техники падало, удары теряли вес, а своевременно реагировать на выпады удавалось значительно реже. Мобилизовав оставшиеся ресурсы, Марк выстоял последнюю атаку, худо-бедно отмахнувшись от своего полноватого напарника по

наработкам. Упёршись руками в колени, измочаленный юноша приподнял стекло шлема. Стоящий в двух метрах Владимир, ласково улыбнулся:

— Ещё раз по кругу!

Это был приговор. По вздымающемуся над бойцами пару стало заметно, что от сумасшедшего темпа измоталась даже выстроенная в «ручеек» атакующая линия. Свежие воспоминания о пропущенном по неосторожности ударе заставили Марка без лишнего промедления занять позицию и продолжить работу. Где-то на третьей атаке с ним начало происходить нечто необычное. Ощущение времени растянулось, поток мыслей остановился, движения напарников стали казаться плавными, а реакция на конкретные действия появлялась ещё до начала их выполнения, как будто Марк заранее знал о том, что произойдёт в следующие пару секунд. Увернувшись от прямого удара передней рукой, он прикрыл локтем живот, куда тут же последовал сильнейший удар рукой задней. Далее, по необъяснимому наитию Марк пригнул голову, и тут же ощутил пролетевшую над ней ногу. Не дав ноге опуститься, он сделал шаг вперёд, подхватил своего партнёра под колено и, сместив центр тяжести, опрокинул его на пол.

— Добивание!!! — закричал Владимир, подбегая к упавшему.

Но Марк не нашёл в себе сил, чтобы выполнить даже символический удар.

Следующие атаки развивались аналогичным образом, Марк уклонялся, реже блокировал, но воспользоваться своим новым преимуществом уже не мог. Отведя предплечьем прямой удар ногой и, прокрутившись по часовой стрелке, словно тореадор, он посмотрел за окно — движение снежинок почти прекратилось, словно они просто парили в воздухе. Перед глазами мелькнул потолок, спина опустилась на выщербленный паркетный пол, боль не ощущалась. Противник начал болевой приём, но увидев, что тело Марка обмякло, в испуге поднялся на ноги.

— Яме! — скомандовал Владимир и подошёл к лежащему ученику. Развязав шнурок на затылке, он снял с него шлем и осмотрел зрачки. — Хорош валяться, это тебе не пляж!

Марк глотал воздух, как выловленная из воды рыба. Остальные участники марафона чувствовали себя ненамного лучше.

— Я вижу, что вы устали. Тогда в качестве отдыха — упор лёжа на кулаки!

Строй рассредоточился и подготовился к отжиманиям. Марк перевернулся на живот, опёршись на дрожащие руки.

— Ич! — сосчитал Владимир. — Ни! Ич! Ни! Повторяем за мной: «У меня железная воля!»

— У МЕНЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛЯ!!! — ответил ему хор.

— Ич! Ни! «Я никогда не сдамся!»

— Я НИКОГДА НЕ СДАМСЯ!!!

— Ич! Ни! Ич! Ни! Касаемся грудью пола, руки разгибаем полностью!

Владимир следил за тщательностью выполнения команд, не забывая «подбадривать» нуждающихся стимулирующими тумаками.

— Я готов сражаться до смерти!

— Я ГОТОВ СРАЖАТЬСЯ ДО СМЕРТИ!!!

Отсчитав ещё с три десятка повторений, сенсей, наконец-то, произнёс заветное «яме, закончили». Оставив бойцов разбросанными по «полю боя», он отошёл к младшим группам, приказывая им построиться.

— Так, поднимаемся, поднимаемся, полы сегодня холодные! — бросил он в сторону спортивной группы. Ребята начали вставать на ноги, отряхивая куртки от мелких прилипших щепок. — Все себя хорошо чувствуют? — Владимир окинул их опытным глазом. — Построиться!

Подровняв ряды, сенсей вышел вперёд зала.

— Если кому-то трудно заниматься, я никого не заставляю, это понятно? Я хочу быть уверенным, что все здесь присутствуют добровольно. А кому не нравится — смело возвращайтесь к своим мамам,

они вас пожалеют. Видите ли, беда нашего общества в том, что женское начало стало доминировать над мужским, мальчиков воспитывают женщины, с пелёнок внушают им, что главное в жизни — семья, дети, домашний очаг. Мне тошно смотреть, как взрослые мужики носятся с младенцем, облепленные испачканными дерьмом подгузниками!

В зале послышались смешки.

— Да какие это мужики? Одно слово! Где это видано в природе, чтобы самец нянчил детёнышей? Тьфу! Призвание мужчины — это война, состязания, завоевания! Разве может мужчина «обидеться» на кого-то или сказать «прекрати, я этого не выдержу»? Малодушные и трусливые они гордятся тем, что переспали с женщиной и убежали, многие даже ведут счёт таким «подвигам», приписывают их к своим достижениям. Вместо того, чтобы освоить какое-то дело, броситься с головой в опасные приключения, они часами крутятся перед зеркалом, коллекционируя педерастические наряды с глубокими вырезами и дырками на заднице!

Теперь хохот прокатился по всем рядам. Многие вспомнили о типичных образах звёзд эстрады и телевидения.

— Пляшут с микрофоном, напевая сопливые песенки «про любовь»!

Владимир так разозлился, что слушатели начали переживать о судьбе тех несчастных поп-звёзд, которых фортуна столкнёт с ним лицом к лицу.

— Девушки, дорогие, — обратился он к женской половине, — я очень надеюсь, что здесь вы научитесь разбираться в людях. Отличить настоящего мужчину от размалёванного павлина очень просто — просыпаясь каждое утро, настоящий мужчина должен видеть перед собой четыре слова: доблесть, честь, благородство, мужество!

* * *

«Доблесть, честь, благородство, мужество» — повторял про себя Марк, стоя по колено в снегу, — «Бла-бла-бла...»

Ждать зелёного сигнала светофора не было смысла — движение транспорта на Московской площади стало похоже на сползающий с вулкана поток магмы. Перебраться на другую сторону в таких условиях представлялось невозможным. Отметив у себя полное отсутствие желания исследовать обходные пути по пояс в заносах, Марк обречённо вздохнул и уселся в сугроб. Даже такой снегопад не мог скрыть пестрящие вечерними огнями рекламные борды, нагромождённые на всех

открытых поверхностях. Центр Токио или Нью-Йоркский Times Square полторы сотни лет назад выглядели бы безлюдной окраиной со скудным оформлением по сравнению с этим, далеко не самым информационно-насыщенным местом. Названия торговых марок, анонсы фильмов, фотографии известных актёров наслаивались друг на друга, терзая перегруженное восприятие городского жителя. Наряду с визуальным рекламным террором, атаки на слуховые центры также не прекращались. Визгливые дикторы буквально выпрыгивали из обледеневших громкоговорителей, обещая моментальный успех, здоровье и привлекательность счастливым покупателям правильного вида чипсов, пива и обезжиренного майонеза.

Не имея такого распространённого в прошлом аксессуара, как перчатки, Марк засунул замёрзшие руки в карманы своей матерчатой куртки. Пальцы нащупали маленький полиэтиленовый пакет, уголок рта приподнялся в зловещей улыбке. Издевательства Владимира на тренировке, позорное поражение во время «ручейка», надоевшие однообразные нравоучения и проигранный бой в довершение — сплошная череда сегодняшних неудач, похоже, заканчивалась благодаря предстоящему психоделическому развлечению. Принимать пищу на улице было небезопасно, так

как существовал шанс надышаться вредоносными газами, но годы упорной практики научили Марка при надобности даже распивать спиртные напитки, а уж отправить в рот жменю грибов было для него элементарной задачей.

Юноша задержал дыхание и ослабил крепление маски. Отсыпав в ладонь половину пакета, он произвёл особый шаманский ритуал — сначала поместил в ротовую полость свежие грибы с остроконечными шляпками, затем сделал резкий выдох, закрыл рот и, поджав язык к нёбу, выпустил наружу остатки воздуха. Маска вновь встала на место, теперь можно было заняться тщательным пережевыванием. Волшебное блюдо имело противный гнилостный вкус, отвращение к которому усиливалось с каждым трипом. Марк встал из сугроба, отряхнул растянутые джинсы и осмотрелся в поисках ближайшего автомата с газировкой. Давка на Московской площади увеличивалась, обессиленные после многочасового рабочего дня труженики спешили попасть в свои тесные квартирки, пахнущие пластиком и фаст-фудом. Личная жизнь уходила на второй план, ведь сейчас надо было любой ценой успеть к вечернему телешоу. Игнорируя навязчивую рекламную мишуру, люди протапывали тропинки вокруг установленного в центре площади корпоративного монумента. Огибая вращающуюся

голограмму ядовито-зелёного папоротника, они исчезали за исцарапанными стеклянными дверями подземки.

Пораскинув мозгами, Марк решил поискать пищевой терминал в каком-нибудь тихом дворике. С этой мыслью он поволочил налитые свинцом ноги в тёмную подворотню.

— Разбитый, разбитый, разбитый... — констатировал он, проходя мимо грязных парадных, — Got it!

Исправный терминал сиял, словно спасительный оазис в пустыне. Это была хорошая новость. Плохая заключалась в том, что путь к спасению пролегал через непроходимые снежные барханы, на преодоление которых сил почти не осталось. Марк провёл языком по зубам и совладал с подкатывающими приступами тошноты, ситуация требовала немедленного разрешения. Вспоминая о погибшей полярной экспедиции Роберта Скотта, он трезво оценил свои шансы повторить его судьбу, но несмотря на плохие предчувствия все же отправился к цели. Чем ближе был свет пищевого автомата, тем больше токсичного снега попадало Марку в ботинки. Оранжевая каша проникала под джинсы, едкие химикаты заставляли кожу воспаляться и зудеть.

«Скорей бы под душ» — подумал Марк, раскапывая терминал голыми руками. Порывы

ветра становились более яростными, начиналась настоящая снежная буря.

— *Пожалуйста, выберете категорию!* — произнёс женский голос, и на дисплее появилось несколько изображений. — *Напитки!.. Газированные!.. «Coca-Cola»!.. «Ёмкость ноль тридцать три»!*

Мучимый жаждой Марк, щёлкал по иконкам, не давая им развернуться на весь экран.

— *Стоимость — пятьсот двадцать пять тысяч кредит!*

Молодой человек задрал рукав и прислонил браслет голофона к датчику.

— *Спасибо за покупку! Пожалуйста, воспользуйтесь сегодняшней акцией, приобретите сочный питательный бургер из натурального соевого мяса по цене всего в один миллион кредит!*

Марк достал бутылку колы и замешкался, тратить деньги на фаст-фуд не хотелось, но дорога домой по такой погоде могла существенно затянуться. Дополнительную суматоху вносили первые симптомы действия псилоцибина — под кожей началось лёгкое покалывание, мысли спутывались, по телу поднимались щекочущие волны энергии. Этикетка бутылки смотрелась ярче обычного, на какое-то время Марк позабыл о невыносимой жажде.

— Добрый вечер! Пожалуйста повернитесь к нам лицом и станьте ровно! — прозвучало над ухом, словно гром среди ясного неба. Трое полицейских шли один за другим по свежей протоптанной к терминалу дорожке. — Медленно, без резких движений! — звуковой модуль воздушного фильтра был настроен на максимальную громкость, искаженный цифровой голос привёл Марка в оцепенение.

— Приготовьтесь к опознанию и предъявите содержимое карманов! — полицейский подошёл вплотную, его толстая пластиковая броня гремела, как дешёвая игрушка.

Перепуганный Марк поднял подбородок и расстегнул молнию куртки, в это время двое служителей закона окружили его по бокам. Патрульный взял лицо юноши в фокус, распознавая лицо и выводя на внутренний дисплей персональную информацию.

— ...27 лет, не работает, район проживания — OSO-core, два задержания за мелкое хулиганство и хранение наркотиков, — сообщил он. — Что ты здесь делаешь в десять вечера?

Съеденные натошак грибы давали о себе знать. Голос полицейского внезапно стал звучать тише, на передний план вышел шум от пропеллеров электrolётов. Очертания стоящего впереди

блюстителя смазались, боковое зрение рисовало страшные картины.

— Ффффф, шшшшпп... — Марк попытался ответить, но из динамика донеслись лишь цифровые помехи.

— Отвечай на вопрос! — рука полицейского легла на рукоять резиновой дубины.

— Шшшшш, пффффф... — звуковой модуль не работал. Очевидно, попавший внутрь снег вывел его из строя.

— Ты что, издеваешься?! — послышалось с левой стороны. Марк ощутил вспышку боли и рухнул на левое колено от неожиданного удара во внутреннюю часть бедра. Бутылка с газировкой упала под ноги.

— Обыщите его! — скомандовал старший патрульный. Марка подняли на ноги и начали выворачивать карманы. Через секунду прозрачный пакет был извлечён наружу.

— Что это?

— Пффффф... пф... ффффф...

— Лежа-ать! — резиновая дубина вновь опустилась на левую ногу. Полицейский в броне подошёл к напарнику и направил луч фонаря на содержимое пакета.

— Наркота, что ж ещё. Когда вы, мрази, все передохните? — зашипел он, и ударил стоявшего на коленях Марка сапогом. — Поднимайте!

Удар в живот. Марк сделал глубокий вдох, ощущая, как тёплые слёзы хлынули по замёрзшим щекам.

— Что ты ноешь? Смотри не окочурься! — полицейский поднял стекло шлема — это был парень помладше него, очередной злобный ублюдок, чьим родителям не хватило денег на нормальный колледж. — Вас, чаморошей, только зацепишь, как вы кровью харкать начинаете!

Слёзы лились ручьём.

— Что, стыдно тебе? — язвил молодой коп, видя, как тело Марка сотрясается в рыданиях. Отступив назад, он двинул его ногой в пах.

Марк стоял на коленях, переполненный чувствами. Если бы он мог сказать хотя бы несколько слов...

Телесные ощущения стали менее выраженными, движение снежинок замедлялось, пока не остановилось полностью. Мысли исчезли, неожиданно Марк вернулся в новое состояние, в котором пребывал во время «ручейка». Не раздумывая, он завёл руку за голову и расстегнул ремень воздушного фильтра. Маска упала на снег, Марк поднял глаза к стоящему над ним человеку.

— Я... никому...не сделал... ничего плохого... — выговорил он, сплевывая красной жижей. Полицейский отвёл ногу для очередного удара, увидев это, Марк дождался пока тот начнёт

движение и в последний момент вскочил с колен, смещаясь в сторону. Чёрный щиток наколенника ударил по воздуху, атакующий явно не ожидал от задержанного такой прыти и начал проваливаться, движимый инерцией. Марк был готов перейти к полномасштабной контратаке, но понял, что уже не располагает силами, всё, что он мог сделать, это единственный удар. Перед глазами вспыхнули галлюцинации в виде иероглифов. Перенеся вес тела на переднюю ногу, Марк выполнил встречный прямой удар правой рукой. Шлем, способный разбить в щепки бейсбольную битку, взорвался мелкими осколками. Ноги полицейского взмыли в воздух, снег окропился брызгами крови. Марк чувствовал, как его кулак вошёл глубоко внутрь, кроша зубы и лицевые кости. Двое патрульных повалили его наземь, сквозь завывания ветра было слышно их напряженное кряхтение и глухие удары дубинок. Отравленный воздух заполнил лёгкие, снежные хлопья залепили глаза — юноша окончательно погрузился во тьму.

Тэнсунг

Вдох. Влага. Тёмные стены. Ритмичный стук по металлу. Марк очнулся в грязной тюремной камере. На стене что-то шевелилось, но разобрать было невозможно. Свет, проникающий через щель

в потолке, запутывался в горячих клубах смрада, поднимающегося от пола. Казалось, что спёртый зловонный воздух можно было пощупать, но конечности не шевелились. Шея не поворачивалась, впавшие глазницы вызвали острую боль при попытках осмотреть комнату. Похоже, что тело было парализовано. Марк попытался согнуть пальцы ног, но ничего не ощутил. Охваченный ужасом, он опустил глаза, увидев вместо ног два распухших гниющих обрубка. Источник трупного запаха был обнаружен.

Какой сегодня день? Сколько он здесь пролежал? С того момента, как его избитого и галлюцинирующего погрузили в полицейский электролёт, в памяти осталось сплошное белое пятно.

Чистосердечное признание упрощает судебную процедуру до единственной стадии — приговора. Этот жест раскаяния подозреваемого избавляет следователей от часов монотонной канцелярской работы. Некоторые приходят к нему добровольно, большинство — нет. Применение пыток чревато раздуванием в прессе, за исключением случаев, когда у человека больше не будет возможности о них рассказать.

За убийство сотрудника Органов Внутренних Дел, как и за другие тяжкие преступления, положена высшая мера наказания — смертная

казнь. К таким радикальным санкциям пришли многие современные страны, толчком послужила волна голодных смертей, прокатившаяся по тюрьмам мира, словно эпидемия. Уже через год после всемирной реформы уголовного законодательства к великой радости налогоплательщиков тюрьмы опустели почти на две трети, причём отнюдь не из-за низкой преступности — осознание этого факта лишало Марка всякой надежды. Ещё раз взглянув на свои ноги, он заметил, что их контуры волнообразно пульсируют. Теперь за металлическим грохотом он различил тихий чавкающий звук. Марк отвёл глаза, стараясь не думать о том, что кто-то поедает его плоть.

Как долго можно прожить с такой обширной гангреной? Дождётся ли он суда, или просто сгниёт в луже собственных испражнений? Словно услышав его мысли, кто-то подошёл к двери камеры и остановился. Послышался звук опускающегося рычага, затем его заглушил шум хлынувшей откуда-то жидкости. Вода. Она лилась совсем рядом. Внезапно включилось освещение. Марк ощутил, как будто в его глаза вонзились две изогнутые ржавые вилки. Веки не слушались, а может их просто отрезали, чтоб он от начала до конца видел свои мучения? Полицейские мстили за напарника, другого объяснения подобной

жестокости не было. Лишённые увлажнения глаза покрылись мутной плёнкой. Впрочем, это не помешало различить огромных чешуйчатых тараканов, устилающих стены багровым ковром. Напуганные светом, они хрустели панцирями и шипели, спасаясь от прибывающей воды.

«Главное не смотреть на ноги. Скоро всё это кончится», — взгляд непроизвольно сползал в сторону шевелящейся массы. Ещё секунда, и Марк увидел, как то, что раньше было его ногами, теперь заражено длинными белыми червями. С жадностью поглощая сырое мясо, они пронзали его как могильные гвозди. С таким аппетитом им не потребуется много времени, чтобы расправиться с бёдрами и перейти к остальному.

Уровень воды быстро дошёл до койки, тело заключённого погрузилось в жидкость. Марк задержал дыхание, но вскоре был вынужден сделать глубокий вдох. Вода проникла через трахею и наполнила лёгкие. Выдох. Вдох. Марк открыл рот, выдыхая струи холодной воды. Чешуйчатые насекомые сыпались со стен, но вместо того, чтобы тонуть, они плыли на глубину, приближаясь к парализованному юноше. Плотоядные черви также не собирались умирать — танцуя и извиваясь, они уверенно подбирались к животу. Тараканы доплыли до Марка и облепили

лицо. Чёрным потоком они устремились в открытый рот, ужас дошёл до предела.

— Ааааааааааа! — Марк подскочил с постели, проснувшись от чужого крика. Его влажные пальцы сомкнулись вокруг целых и невредимых ног. Он находился всё в той же комнате, однако увечья и насекомые оказались всего лишь страшной фантазией. Зато пробудивший его крик из соседней камеры был самой, что ни на есть реальностью.

Грохот дверного засова не дал Марку прийти в себя, дверь распахнулась, и он увидел вошедшего охранника, одетого в широкие оранжевые штаны. Лицо стражника закрывал резиновый противогаз, трубка которого не была подключена к фильтру, а болталась свободно как хобот. Слоноподобный великан в узенькой майке жестом приказал Марку подняться и следовать за ним. Волосатое чудовище было настолько устрашающим, что Марк не послушался бы его приказа, даже если б оно скомандовало прыгнуть под поезд. Душераздирающие стоны заключённых также не прибавляли смелости.

Закованный в пластиковые оковы Марк плёлся по узким коридорам тюрьмы, пока не оказался в холодном подвале, о предназначении которого было нетрудно догадаться по

развешенным на стенах кандалам и грязным решёткам для слива крови.

— К-казнить бу...будете? — спросил молодой человек, обращаясь к охраннику. От страха его голос сел до неузнаваемости.

Гигант повернулся к заключённому и посмотрел на него сквозь запотевшие стёкла противогаза. Его молчание нарушал лишь страшный хрюкающий звук, сопровождающий дыхание через гибкую кольчатую трубку. Подведя Марка к постаменту с вертикальной доской, страж прислонил его спиной и стал затягивать ремни до тех пор, пока не услышал характерный хруст рёбер. Позиция для казни была более чем странной — руки и ноги были свободны, заключённый чувствовал себя, как муха, прилипшая крыльями к мёду.

Охранник спустился к грязному столу, осмотрел лежащие на нём инструменты и выбрал старую ручную пилу, которая, судя по крупным разведённым в стороны зубьям предназначалась для пилки дерева. Повязав тёмный заляпанный пятнами фартук, он вытащил попавшую под лямки трубку противогаза.

Рассудок Марка помутнел от избытка адреналина, фигура охранника расплывалась, перед глазами появлялись абсурдные картины, рисуемые агонизирующим мозгом. Тем временем, его палач

подошёл к юноше, привычным движением ударил свою жертву в живот и, пользуясь её беспомощностью, принялся пилить руку поперёк плечевого сустава.

«Там артерия...» — подумал Марк с надеждой на скорую смерть. Такой боли он не испытывал никогда в жизни.

Пила оказалась довольно тупой, ржавые зубья цеплялись о жилы, оставляя за собой болтающиеся ошмётки кожи. Охранник делал свою работу умело и монотонно. В болезненном бреде Марк представил себе, как тот мечтает об окончании рабочего дня, чтобы вернуться в свою государственную коммуналку и поскорее предаться виртуальным развлечениям. Возможно даже, он приобрёл в кредит дорогую голографическую аппаратуру, ведь люди его уровня жизни по необъяснимой причине предпочитают выбрасывать свои жалкие гроши на бесполезные электронные игрушки.

Плохое состояние инструмента компенсировалось силой и опытом палача. Через пару минут он справился с суставом, из раны заключённого вырывались фонтаны крови, повторяя сбившийся ритм сжимающегося в судорогах сердца.

Отпиленная конечность шлёпнулась в лужу крови. Марк слышал всё в искажённом восприятии,

звуки пилы замыкались в бесконечной петле из эха, сплетаясь с собственным надрывным кашлем, хрюкающей одышкой охранника и стонами других бедолаг.

Палач подтянул скользкие перчатки и перешёл ко второй руке. Осознавая, что казнь вот-вот подойдёт к завершению, молодой человек почувствовал облегчение и... что-то ещё. Что это было? Сожаление? Разве он сам не мечтал покончить с этим мучительным и нелепым существованием? Не хотел прекратить этот лицемерный компромисс с обществом и культурой, настолько враждебными и чужеродными, что мысль о рождении в неподходящее время превратилась в паранойю ещё в подростковом возрасте? Что ждало его в будущем? Одинокая борьба с подступающими к горлу тошнотой и отчаянием — единственной возможной реакцией на происходящее вокруг? А может и не одинокая, разницы не было, ведь объединяться с горсткой таких же несчастных изгоев, добровольно оставшихся на обочине успеха, не было смысла. Действительно, жаловаться друг другу на жизнь, высмеивать современных поп-идолов, наблюдать за взаимной деградацией — это просто омерзительно. Лучше страдать в одиночку. И чем раньше эти страдания прекратятся, тем лучше.

Боль выдернула Марка из потока собственного сознания. Левый сустав давался стражнику хуже, однообразный процесс ему совсем наскучил. Палач попытался оторвать руку рывком, но сухожилия никак не хотели разрываться. Марк дёргался, как больной столбняком, моля о скорейшей смерти. Но смириться со столь ранней кончиной по-прежнему мешало какое-то непонятное беспокойство. Словно что-то не было сделано, будто важное дело не было завершено. Но что это могло быть? Что за ничтожная лучина на фоне чёрного океана захлестывающей воли к смерти? Жить, задыхаясь во мраке коррупции, лжи, пошлости и бескультурья, было невыносимо. Но даже если восстать, твой голос гарантировано не будет услышан. Никто даже не станет тратить время на то, чтоб закрыть тебе рот — государство и общество слились в одну бездушную серую машину по производству несчастья.

Марк терял сознание. Вся его прожитая жизнь казалась трусливой попыткой приспособиться, найти компромисс и простелиться перед столь ненавистным врагом. Лучше б он погиб, сражаясь с противостоящими силами, прожил бы короткую, но настоящую жизнь Человека, героя. Нет ничего хуже оказаться в своих глазах таким слизняком на пороге смерти, боль о потерянном времени и отвращение к себе разрывали душу на части. Как обидно, что

человек понимает суть жизни тогда, когда уже ничего нельзя изменить. Подняв взгляд в порыве презрения, Марк увидел перед собой женщину с четырьмя руками. В одной из них она сжимала отрубленную голову, в другой изогнутый меч. В последний момент юноша исполнился страшной жадной к жизни, но острое оружие опустилось ему на шею, навсегда избавив от мук.

* * *

— Очнись же!

Опухшие веки медленно поднялись, в это же мгновение тело заныло от боли, как будто являло собой сплошную травму. Сквозь узкую щель лиловых гематом виднелось знакомое лицо.

— Успели, — этот голос... знакомый и пугающий, он обращался к кому-то ещё. Похоже, что визитёров было несколько. — Как дела? — да это же его чертов тренер!

— Это... опять... сон? — с трудом произнёс Марк, похрустывая засохшей кровью на расплющенных губах-оладьях.

— На этот вопрос я и сам не знаю ответа! — усмехнулся Владимир. — Идти можешь?

Марк аккуратно пошевелил ногами и попытался встать. Осколки сломанных рёбер вонзились в мягкие ткани лёгких.

— Кха!

Владимир уклонился от кровавых плевков.

— Понятно, — сказал он задумчиво, — что ж, тогда план «Б».

С этими словами тренер достал из портфеля медицинский пистолет и сделал своему горе-ученику инъекцию. Через секунду Марк почувствовал, будто его уши наполнились ватой, боль отступила, окунув его в приятное забвение. Владимир поднялся с края тюремной койки и, погрузив заключённого на плечо, словно мешок с мукой, вышел в открытые двери.

* * *

«...эвакуация пострадавших значительно затруднена из-за сложных погодных условий. На данный момент мы располагаем информацией о сорока пяти погибших и более ста двадцати раненых среди посетителей вокзала. Напомним, что Прокуратура по-прежнему отрицает возможность террористического акта, заявляя о повреждении водородного модуля одного из погрузчиков...»

Головная боль дала о себе знать, словно зазубренный деревянный кол, плавно вошедший в затылок.

«...городские службы не справляются с пребывающим уровнем снега...»

Лицо диктора отливалось неестественным блеском, но отличить компьютерную модель от реального человека на маленьком настенном дисплее было невозможно.

«...рекордным за последние сто лет...»

Молодой человек со слипшимися от крови волосами обнаружил себя лежащим в крайне неудобной позе. Кушетка была не только узкой, но и короткой, одну ногу пришлось высунуть в дверной проём. Маленькая комната, вероятно, являлась спальным отсеком поезда, два пассажирских места располагались напротив — такую планировку имели вагоны SV. На второй кушетке сидело три человека, один из них занимал ровно половину пространства. Владимир медитировал у окна, приняв позу лотоса и закрыв глаза. Справа от него сидело двое лысых азиатов, их бардовые одежды состояли из рубашек без рукавов с запахом, свободных брюк и повязанных через плечо накидок. Каждый имел в ухе по наушнику.

— Доброе утро, — тихо произнёс Владимир, не открывая глаз. — Не дёргайся.

Боясь недосчитаться конечностей, Марк опустил глаза и к своей радости обнаружил все части тела на своих местах, грудная клетка зудела и чесалась изнутри.

— Вам было вколото много лекарства! Для регенерации! — сказал один из мужчин по-английски. — Пожалуйста, не надо вставать, кости ещё не срослись!

— Гкхм! — Марк прочистил горло. — А ч... что со мной было?

Азиаты переглянулись.

— Много переломов! Рёбра, ноги, челюсть... Вас сильно побили!

— Гх!.. За что?

— Вы убили полицейского!

— Бля... — Марк вспомнил о своём неудачном задержании.

— Бля! Бля! — подтвердил лысый человек. — Вас собирались судить!

Марк посмотрел на Владимира, но тот не подавал признаков участия в беседе.

— Но как... кто... почему вы меня вытащили?

Азиат поправил свои прямоугольные очки без оправ и сложил ладони в почтительной манере.

— Такова воля Его Святейшества! Мы едем в Тибет.

* * *

Марк отставил чашку с горячим чаем и закутался в монашеские одеяния. Тюремная роба пришла в негодность, и его таинственные

вызволители любезно поделились свободным комплектом одежды. Размер был явно неподходящим, а непривычный способ ношения создавал постоянное чувство дискомфорта.

— Не думал, что ты тоже подсядешь на эту дрянь, — огорчённо произнёс Владимир. — В полиции сказали, что ты был под кайфом, когда нападал на их сотрудника.

— Вы...

— Теперь понятно, почему у тебя нет результатов.

— Я н-не был под кайфом! Психоделики — это совсем другое... — Марк не мог найти подходящих слов. — Они свя... связаны с духовными традициями многих народов.

— И что? У русских тоже есть традиция водку пить.

— Водка, м-между прочим, это тоже способ развоплощения, кратковременного избавления от оков ума, это тоже трип, т-только грязный и отравляющий, опыт превращения в свинью! И кстати, они н-напали на меня первыми, я только защищался!

Владимир оставался в позе лотоса, его ум был спокоен и сосредоточен на беседе.

Марк отхлебнул зелёного чая.

— Не пора ли мне объяснить, что происходит? — принятый душ смысл воспоминания

о побоях, осталось избавиться от озноба. Монахи оторвали взгляды от планшетов.

— Эти люди пришли ко мне в зал, — Владимир кивнул на спутников. — Я видел их впервые. Они сказали, что один из моих учеников в беде и попросили о помощи.

— Хм, — Марк потёр щёку. — Так вы их обезвредили? Охранников?

— Конечно нет. Тебя выкупили за огромные взятки, я просто договаривался с тюремным начальством.

Юноша взялся за мокрые волосы, пребывая в возбуждённом состоянии. Владимир продолжил.

— Не спрашивай, я знаю немного. Они из Тибета, сказали, что ты участвуешь в какой-то программе, если я правильно понял. Что-то вроде учебного семинара.

— Я-я?!

— Сам не пойму, почему они на тебя вышли, — сенсей сделал паузу. — И на меня тем более. В любом случае, тебе лучше в Федерации не появляться.

— Но почему *Вы* поехали со мной?

Владимир молчал.

— Зачем вы меня освободили, эй? — крикнул юноша монахам. Но те лишь улыбнулись, показывая, что всё будет хорошо.

Марк отвернулся к окну, взяв со стола бумажную записную книжку. Судя по местности за окном, они пересекали пустынные районы средней Азии. После того, как авиаперелёты стали невозможными из-за атмосферных загрязнений, железная дорога стала основным видом международного транспорта. Регенерирующие инъекции делали своё дело, но молодой человек до сих пор не мог поверить, что сцены пожирания и казни были всего лишь страшными снами. Никогда ранее он не видел таких ярких и отчётливых сновидений, особенно удивляли реалистичные болевые ощущения, вспоминая которые парень покрывался мурашками.

— Отдай! — Владимир выхватил свой блокнот из рук ученика. Тот к тому времени успел исчёркать страницу.

— Простите! — спохватился Марк. — Я что-то, знаете ли, са... сам не свой.

На лице мастера появилось лёгкое смущение. Будучи противником технических нововведений, он использовал такие устаревшие устройства, что даже сопровождавшие их горные аскеты из Гималаев, кажется, сдерживали улыбки. После того, как юноша разложил на полкомнаты голографический интерфейс возвращённого ему наручного голофона, Владимир поглубже запрятал свой перемотанный скотчем первобытный тачфон, однако убрать с виду

такое древнее ископаемое как бумажный блокнот, сенсей, видимо, забыл. Взявшись за измалёванные страницы, он собрался было их вырвать, но внезапно остановился.

— Это... ты нарисовал? — спросил он у Марка, удивившись глупости собственного вопроса.

— Иероглифы?

— Да. Откуда ты их знаешь? — Владимир развернул блокнот, показывая выведенные карандашом каракули.

— Это просто галлюцинация. Па... просто она въелась в мозг, я увидел её, когда меня били патрульные.

— При задержании?

— Ага. Я как раз с Вашей тренировки возвращался еле живой от усталости.

— Ничего себе усталость, — Владимир разогнул затёкшую ногу. — По новостям передали, что нос того бедняги влип в заднюю стенку черепа.

— Да-а?!

— И это через защитный шлем. Вот тебе и реклама секции — «отдавайте своих детей, дорогие родители, мы научим их убивать копов»!

— Ж... жаль, что Вы в это впутались, конечно. А вот этого уroda мне совсем не жалко.

— Балда! — замахнулся Владимир. — Не знаю, откуда ты их срисовал, но эти иероглифы

обозначают «иккен-хисацу», что переводится как «смерть с одного удара».

Глаза Марка округлились.

— Иккен-хисацу? Это же высшая истина карате!

— Хоть что-то запомнил, — отметил сенсей негодующе. — Не всякий мастер приходит к её пониманию даже к старости. Не хочется верить, что «иккен-хисацу» открылась такому патлатому распиздюю, как ты!

— Надо же, какая т-точная характеристика! Спасибо и на этом!

— Пожалуйста! — Владимир встал из-за стола, придерживая тщательно скрывааемый от учеников живот. — Чёртовы «картонные» бургеры, два часа — и ты снова голодный!

Пожаловавшись на еду, сенсей запахнул махровый халат и, прихрамывая, отправился в вагон-ресторан.

* * *

Рассвет. Выбритая голова монаха показалась в дверях купе.

— Доброе утро, — произнёс послушник тихо. — Через двадцать минут мы будем в Лхасе.

Владимир мгновенно открыл глаза, напоминая зажжённую лампочку.

— Сейчас соберёмся.

Тибетец исполнил жест почтения и удалился. Марк продолжал сопеть, отвернувшись к белой стене. Сенсей перешёл в сидячее положение и подтянул к себе подушку. Взяв её одной рукой за угол, он хорошенько замахнулся и ударил скрюченного в три погибели юношу.

— Шт...бл... а?! — Марк обернулся, мямля нечленораздельные ругательства.

— Проснись, нас обокрали!

— Кто?

— Вставай, говорю, дурачина. Глянь, какая за окном красотища!

Владимир облокотился на стол и поднялся. Аккуратно застелив за собой постель, он достал из дорожной сумки пакетик с личными принадлежностями и вышел по направлению к туалету.

Молодой человек провёл языком по зубному налёту и выглянул в окно прищуренным глазом. Унылые скалистые пейзажи не производили особого впечатления, густой туман скрывал большую часть горной панорамы. С трудом втиснувшись в куцые брюки, Марк надел рубашку-безрукавку и потянулся за другой скомканной вещью. Техника правильного одевания балахона давалась ему с трудом, монашеская одежда имела нестандартный покрой и была

чересчур свободной, после нескольких попыток совладать с непослушной тканью, выпадающей из всех складок, он без особых угрызений совести обмотался ей как попало. Запах изо рта оставлял желать лучшего, но чистить зубы было нечем. Повесив на шею беспроводные наушники-пилы, юноша залез с ногами на койку, дожидаясь тренера. Тот не заставил себя долго ждать. Переодевшись в заранее заготовленное парадно-выходное чёрное кимоно с вышитым на спине золотым драконом, Владимир обулся в белоснежные мокасины и первым вышел в коридор. Вскоре все четверо спутников стояли на пыльном бетонном перроне.

— Почему вы без масок? — Владимир смотрел на монахов с удивлением.

— Воздух в Лхасе, конечно, не такой чистый, как раньше, но кроме некоторых упрямых туристов, фильтры здесь никто не использует, — пояснил послушник в прямоугольных очках.

Переглянувшись, гости расстегнули ремешки на затылках, таким образом, маски были отправлены в багаж. Высокогорный воздух был сильно разрежен, дышать приходилось глубоко и часто. Сладкая восточная музыка, звучащая из громкоговорителей, прерывалась восторженной китайской пропагандой.

Хлынувшая из вагонов река людей, донесла четверых до привокзальной парковки, монахи указали на ожидающую их длинную машину.

— Вау! — воскликнул Марк, глядя на чёрное представительское авто. — Это ж лимузин! Неужто на водороде?

— Да, это гидрокар, — ответил тибетец. — Пожалуйста, кладите сумки в багажник.

Компания избавилась от поклажи и заняла места на мягких сиденьях. Обшивка диванов была выполнена из редчайшего заменителя кожи, отчего в салоне стоял особый запах, ассоциирующийся с роскошью и высоким социальным статусом. Гидрокар тронулся с места, восторженный юноша прильнул к окну.

— И это священная столица Тибета? — через несколько минут он уже не мог удержаться от недоумения.

Послушник опустил глаза.

— Когда-то была...

Редкий путешественник смог бы узнать в современной Лхасе древний религиозный центр гималайской земли, называемой Бод. Бетон был основным строительным материалом многочисленных серых многоэтажек, обклеенных красными флагами. Идеологические лозунги чередовались с нелепыми рекламными плакатами. Вот одноразовая мебель, выкрашенная под дерево,

далее пачка каких-то чудо-таблеток, на следующем борде не очень красивая модель рекламировала не то нижнее бельё, не то сексуальные услуги.

На улице стояла пасмурная погода, голофон показывал 16 градусов Цельсия, широкие автомобильные дороги были пусты, в то время как тротуары заполнялись зеваками европеоидной внешности. Улицы Лхасы были не просто обыденными, с первого взгляда можно было сказать, что город беден, а повсеместные портреты Мао Цзэдуна лишь наводили тоску на приезжих. Марк хотел было откинуться на кожаный диван, когда из тумана, словно корабль-призрак, выплыла фигура, моментально приковавшая к себе взгляд. Это был мужчина, одетый как буддистский монах — бардовая накидка, жёлтый жилет, на месте глаз — зрительный имплантат, выглядящий как сплошная чёрная панель, немного сплюснутая в области переносицы. На ушах он носил устройство, похожее на наушники, от каждого «уха» отходил пучок мелких проводов, теряющихся в складках одежды. Персонаж абстрагировался от окружающей суеты, ступая плавно и несколько неуверенно. В руках он вертел цилиндрический предмет на длинной ручке.

— А это ещё что за фрик? — Марк высунулся из машины, опустив стекло.

Монах выглянул на секунду и равнодушно отвёл взгляд.

— Это наш послушник.

— КИБОРГ?! — оранжевые волосы юноши встали дыбом от встречного ветра.

— Обычно мы не используем этот термин...

— А вон е... ещё один! Что за срань у вас здесь творится?!

Тибетцы втащили паникёра обратно в салон.

— Пожалуйста, успокойтесь! Сейчас мы всё поясним.

— Да уж, бу... будьте любезны.

Стекло задней двери поднялось, «выключая» звук многолюдной улицы.

— Возможно, вы знаете, — обратился послушник к гостям, — что в результате так называемой «культурной революции» и «мирного освобождения» Тибета, проведёнными Мао Цзэдуном и его приспешниками в XX столетии, наш народ был лишён независимости, а китайские власти грубо вмешались в политическое и социальное устройство тибетцев. Разрушили устоявшийся в течение веков баланс веры и духовности!

Марк скривил губы.

— Ты б ещё дня зарождения Земли начал... ауч! — не успел он закончить реплику, как его нос встретился с каменным кулаком сенсея.

— Мы просто хотели рассказать, — разъяснил послушник в очках, — что тибетцы всегда были мирным народом, жили в гармонии с природой, не испытывали страсти к неоправданному обогащению, как это принято на Западе. Вместо чрезмерного потребления люди отдавали свои заработки на духовные нужды, строили молельни, божницы, возводили прекрасные храмы.

«Useless shit», — отметил Марк про себя, поглядывая на опасную глыбу, сидящую по соседству.

— И при этом нам всего хватало, население жило в достатке, а главными ценностями были духовность и религия. В Тибете существует четыре школы буддизма, иногда, правда, встречаются и языческие пережитки...

— Ко... короче, тибетцы такие классные, а злобные китайские коммунисты взяли и всё обосрали? — паясничал Марк.

— Зря Вы так насмехаетесь! Наш народ действительно жил очень спокойно! Мы даже преступников в тюрьмы не сажали, а только в колодки заковывали на некоторое время.

— Продолжайте, — попросил Владимир.

— За период «культурной революции» тендра уничтожили около полутора миллионов людей!

— Что за тендра? — учитель сложил руки на груди.

— Так мы называем врагов веры, — ответил второй монах. — Они сдирали с нас кожу живьём, отрезали головы и конечности, разрывали людей пополам, подвешивали за рёбра...

— Варили в смоле! — подхватил его напарник. — Медленно выдавливали печень и дробили пальцы!

— Ладно, ладно, подвязывай! — Марк остановил рассказчика, видя, как тот расстраивается. — Скажи лучше, что это за киборги, и что за штуки у них в руках?

Чёрный лимузин остановился на светофоре. Дорогу переходили две старушки в широкополых шляпах. В руках они вращали всё тот же цилиндрический аксессуар.

— Во, вот эти!

Послушник спустил очки на нос.

— А, это молитвенный барабан, используется вместе с чтением мантр.

— Его Святейшество обязательно всё расскажет!

— Та-а-к! — Марк листал страницы Википедии. — Здесь написано, что ваш Далай-Лама постоянно возвращается на землю с помощью реинкарнации?

— Совершенно верно! — хором ответили монахи, на их лицах появилось выражение глубокого почтения. — На самом деле ещё

Далай-лама XIV обещал, что это будет его последнее перерождение, но трудная ситуация, в которой пребывает тибетский народ, вынудила его делать это вновь и вновь.

— В 1959 году, преследуемый тендра, Далай-лама XIV был вынужден тайно бежать в Индию. Он находился там долгое время, пока не была достигнута... договорённость с китайскими властями.

— Договорённость? — переспросил Владимир.

— Да... — ответил монах, — Сейчас Далай-лама находится в Потале не на правах духовного лидера, а скорее как... как...

— Как почётный гость! — помог ему коллега. — Любые религиозные обряды строго запрещены! Особенно медитация!

— Прошу прощения! — прервал их водитель. — Дальше ехать нельзя.

— Благодарствуем! — кивнул послушник. — Придётся пройти пешком.

Лимузин припарковался на стоянке недалеко от просторной площади с каменным монументом. Слева открывался вид на огромный белый дворец, выполненный в древневосточном архитектурном стиле.

— Вы не против, если мы немного осмотримся? — Владимир вытаскивал сумку из багажника.

— Пожалуйста! — ответил монах. — Жаль, что погода подвела!

Марк закутался в заимствованные бардовые одеяния, попрыгал на носочках, после чего нехотя поплёлся за своим тренером.

— Золотые вы... вышивки? — крикнул он вдогонку. — Вы думаете, что национальное японское ки... кимоно вызовет восхищение у тибетцев?

— Рот закрыл! — рывкнул Владимир, не оборачиваясь.

— Хо... хорошо хоть не китайская военная форма...

Делегация шагала к памятнику, обходя туристов-фотографов, часами подбирающих удачный ракурс. По пути Марк заметил ещё несколько отстранённых монахов-киборгов раскручивающих молитвенные барабаны, рядом с ними религиозного вида старушки подметали площадь.

— А чё свипперов у вас тут нет, я смотрю?

— Некоторые традиции не подвластны времени...

— Ага-а-а... — протянул Марк. — Этот бетонный член тоже?

Все посмотрели на продолговатый монумент, сужающийся у самой верхушки.

Послушник прикрыл улыбку рукой.

— Гм-гм, это подарок наших китайских друзей! Памятник «мирному освобождению» Тибета! Раньше на этом месте находилось прекрасное озеро.

— Полтора миллиона, говорите? — Марк посмотрел на памятник, вспоминая данные о геноциде.

— Это, не считая расстрелянных на демонстрациях и умерших в тюрьмах!

— Мда... — юноша сфотографировал мемориал, затем отошёл в сторонку и надел наушники, Владимир продолжил беседу с экскурсоводами. Для молодого человека столица Тибета была полна противоречий. С одной стороны, радостная музыка и утопические плакаты пытались создать внешнюю ширму благополучия, с другой, коренное население, точнее его религиозная часть, изображала многолетнее противостояние захватчиков и угнетённых. И то, и другое выглядело одинаково фальшиво. Неужели его хотят завербовать в качестве шпиона? Ну, уж нет. Являясь противником любой религии, Марк не хотел быть обвинённым в шпионаже и закончить жизнь у расстрельной стены, защищая при этом «глупые и надуманные идеи».

«Поблагодарить за освобождение и смотаться», — повторил он про себя и с уверенностью в походе вернулся к остальной троице.

— ... таким образом, четыре школы буддизма объединились против общего врага! — закончил свою речь смуглый тибетец, поправив наушник, словно кто-то диктовал ему заготовленный текст.

Владимир, похоже, тоже не особо проникся «битвой добра и зла», в беседе наступила неловкая пауза.

— Ну что ж, вы, наверное, очень проголодались? — участливо поинтересовался монах. — Вам нужно хорошо кушать, чтобы восстановить здоровье.

— Его Святейшеству наверняка не терпится с вами повидаться!

— Тогда не будем задерживаться! — решительно заявил Владимир, взявшись за урчащий живот.

Оставив позади памятник «мирному освобождению» Тибета, спутники пересекли площадь по направлению к роскошному дворцу. Пройдя через высокие деревянные ворота, они оказались во внутренней территории комплекса.

— Вот это де... действительно красиво, фух... — выговорил Марк, поднимаясь по

ступеням, обвивающим подступы к сооружению. — Так тяжело дышать...

— Старайтесь не разговаривать! — посоветовал ему послушник. — Здесь воздух особенно разрежен!

— Но нам это не страшно! — заверил его напарник. — Научно доказано, что организм коренных тибетцев усваивает больший процент кислорода, чем любой другой организм!

— Прекрасно... — прокрихтел Владимир, которому, судя по виду, было труднее всех.

— Да! — радостно воскликнул обладатель «прекрасного организма». — Дворец Потала — это наше главное национальное достояние! Более ста пятнадцати метров в высоту, и не единого гвоздя!

Древний архитектурный шедевр не мог оставить равнодушным даже искушённого туриста XXII века. Устремляющиеся в небо трапециевидные белые башни имели узкие прямоугольные окна, похожие на бойницы. В центре сооружения высился тёмно-красный многоэтажный храм, служивший местом пребывания правителя. В целом дворец Потала более походил на оборонительную крепость, чем на буддистский монастырь.

— Я... хэ... читал, что все строительные материалы люди тащили на го... горбу, так как... минутку... — Марк перевёл дыхание. — Короче,

использование колеса было запрещено по религиозным соображениям.

Тибетцы замешкались, не зная, что ответить.

— Вы очень любознательны! — сказал послушник в очках, сделав вид, что не заметил скрытого антирелигиозного подтекста.

Туристические экскурсионные группы попадались и здесь. Китайские гиды с лицемерной официозностью произносили заученные фразы по поводу истории создания и реставрации дворца. Лица туристов также не выражали воодушевлённости, большинство из них было сосредоточено на фотографировании. Результаты немедленно выкладывались в Сеть, где быстро обрастали оценками и комментариями.

— «Тридцать пять видов тибетских блюд!» — оповестили громкоговорители, — «уникальный шанс познакомиться с национальной кухней по рекордно низким ценам! Караоке-бар «В гостях у Будды» обеспечит каждому туристу тёплый приём! Только сегодня — всем, предъявившим билет до Лхасы, скидка 10 %!»

Внутренние помещения Поталы приводили Марка в уныние. Несмотря на основательный подход к вопросу строительства, коридоры оказались чересчур узкими, а старинные свечи и лампы, используемые для освещения, не могли рассеять многовековую тьму, отчего всем

посетителям приходилось блуждать в полумраке. Скульптуры Будд и настенная живопись выглядели необычно, но вскоре надоедали из-за своего однообразного исполнения. Ароматы восточных благовоний, доносящиеся из разных залов, вызывали необъяснимые скачки настроения.

— Далай-лама жи... живёт в этом красном здании? — спросил Марк, когда они вышли на небольшую площадку внутри дворцового комплекса.

— Красный дворец сейчас служит лишь в качестве погребального склепа! — тибетец задрал голову, осматривая стену здания. — Ранее в нём проводились различные ритуалы, но как я уже говорил, на данный момент они находятся под строгим запретом.

— Его Святейшество ждёт вас в Жигуандянь — Дворце Солнечного Света!

Владимир выдохнул и затянул пояс на кимоно.

— Надеюсь, это недалеко. Честно говоря, мне уже поднадоели ваши лабиринты.

— Ага! — присоединился юноша. — А ч... что здесь делает индуистский символ? — Марк подошёл к вращающейся голографической инсталляции, похожей на древний знак «Ом».

— «Первый национальный мобильный оператор Восточного Народного Союза! «Ом 3G» — вибрация Вселенной!»

— Три джи... — тихо возмутился молодой человек. — Точно, что самая древняя связь.

Через несколько минут путешественники прибыли в резиденцию Далай-ламы. В былые годы помещения западного павильона имели естественную иллюминацию, но пелена атмосферных загрязнений не пропускала солнечные лучи даже к этой величественной вершине мира. Тем не менее, несмотря на видимое отсутствие осветителей, Жигуандянь сиял в буквальном смысле этого слова.

— Раньше сюда допускались только представители высшего буддистского духовенства! — с гордостью заявил один из сопровождающих. Иностранные гости из Федерации молчали, приближающаяся встреча с личностью, овеянной легендами, вызывала у Марка нервозность.

«Неужели я такой трус, что даже простой ни к чему не обязывающий разговор вызывает у меня страх?!» — корил себя Марк в порыве отвращения.

— Скажите, надо ли нам становиться на колени при виде Далай-ламы, склонять головы или что-то в этом роде? — спросил Владимир, спокойно осматриваясь.

— Да, точно! — поддержал Марк. — В фильмах по... показывали, что ему даже в глаза смотреть запрещено.

— Сушие глупости! — послышалось откуда-то сбоку. Визитёры вздрогнули от неожиданности, из бокового коридора совершенно внезапно появился лысый человек в одежде монаха. — Поразительно, что такие образованные люди могут смотреть современные фильмы!

Марк хотел что-то сказать, но вместо этого остался стоять с открытым ртом.

— Всё время держать рот открытым тоже необязательно! — захохотал человек. — Ну что вы стоите посреди прохода? Пройдёмте же в Зал для приёма гостей!

Путники зашагали в указанном направлении, оставаясь при этом в состоянии ступора.

— Кстати, Далай-лама XVII — это я! — заявил монах-весельчак, зайдя в просторную комнату первым. — Моё имя вам знать ни к чему, даже если ценой невероятных усилий вы сможете его выговорить, через четыре минуты оно непременно вылетит из головы!

Зал для гостей был освещён ярче, чем предшествующие ему помещения. В центре стоял тяжёлый деревянный стол, накрытый на трёх человек. От еды доносился приятный запах масла и

сдобы, Марк неожиданно понял, что больше всего на свете он хочет есть.

— Знаю, знаю, вы очень голодны! — сказал Далай-лама, словно читая мысли. — И я не позволю больше проронить ни слова, пока ваши желудки не будут полны, а мысли спокойны, как утреннее озеро!

Марк осмотрелся, сопровождающие их послушники чудесным образом испарились. Вслед за хозяином гости вытерли руки влажными антисептическими полотенцами и без лишних уговоров сели за стол. На больших фарфоровых блюдах были разложены румяные лепёшки разных форм, в тарелках поменьше находилась пахучая каша с лужицами растаявшего масла.

— Приятного аппетита! — сказал Далай-лама, пододвигая к себе чашку с горячим напитком. — Не переживайте, здесь нет никаких экстремальных для западного желудка блюд. Основой местной кухни является цампа — обжаренная ячменная мука с маслом.

— А-а-а-а... — протянул Марк, глядя на чашку с неизвестным напитком.

— А это тибетский чай с маслом яка.

Голодные путешественники принялись за угощения. Таращиться на духовного лидера тибетской нации было как-то неудобно, но взгляд произвольно соскальзывал на чудаковатого

монаха. Поначалу тот производил впечатление старика, однако при ближайшем рассмотрении можно было определить, что ему нет и пятидесяти лет. Далай-лама не отличался особым атлетизмом, от его глаз и рта расходились тоненькие морщины-лучики, очевидно из-за привычки постоянно смеяться. Пожалуй, самое необычное во внешнем виде лидера лам было ощущение, что его непрерывно разбирает от смеха. Казалось, что он прилагает большие усилия, чтоб не расхохотаться, как будто не существует проблемы, способной его расстроить смутить или заставить задуматься. И это при том, что именно на нём лежало бремя по выходу из непростой ситуации, в которой оказался его народ. Трудно было поверить, что предводителя обходят стороной проблемы тибетцев, для них он стал последней надеждой в борьбе против колонизаторов, но откуда же столько любви в его сердце, столько счастья и необъяснимой радости?

За этими мыслями время завтрака незаметно подошло к концу. Количество еды было точно рассчитано — гости были сыты, а на блюдах не осталось ни крошки.

— Большое спасибо, Ваше Святейшество! — Владимир встал из-за стола и поклонился. — Наверное, этого хватило бы, чтобы накормить дюжину тибетцев!

— Ха-ха-ха-ха! — не сдержался Далай-лама. — Вы оба — настоящие богатыри!

Сытые гости поймали себя на том, что сами стали хохотать, как дети — смех этого человека был очень заразительным. Стоило Марку поставить пустую чашку на стол, как вошедшие послушники убрали посуду и свернули соломенную подстилку.

— У меня к Вам много во... вопросов, — наконец-то решился заговорить молодой человек. — Например, что это за киборги ра... разгуливают по улицам? Одеты точно, как Вы.

— Мы не используем слово «киборги», — ответил предводитель без промедления.

— Я у... уже это слышал.

— Зрительные и слуховые имплантаты создают в головном мозге изменённую картину действительности. Специально разработанная интерактивная программа меняет внешний вид города по образцу Лхасы в период её расцвета.

Марк расфокусировал взгляд, осмысливая услышанное.

— То есть... они живут в ви... виртуальной реальности? Иллюзии?

— Не совсем. Компьютер всего лишь моделирует текстуры объектов. Внешняя оболочка и ничего более. Своего рода компромисс с китайскими властями, не разрешающими физическую реконструкцию города.

— А с ушами-то что?

— Обыкновенные наушники, — резво ответил Далай-лама.

— И что в них звучит? — продолжал Марк.

Тибетец пожал плечами.

— Ничего особенного — музыка, мантры. Хотите, я устрою вам небольшую экскурсию по дворцу? У меня есть для вас ещё немного времени.

Марк и Владимир озадачено посмотрели друг на друга.

— Я думаю, ученик меня поддержит в том, что мы предпочли бы продолжить беседу здесь, — ответил сенсей с неприсущей ему вежливостью. Марк кивнул.

— Понимаю, — улыбнулся Далай-лама. — Владимир, я бы хотел выразить Вам огромную благодарность! — монах поднялся и протянул сенсею жилистую руку. — Если бы не Вы, этого юноши, скорее всего, уже не было бы в живых.

Гости засмутились.

— Ну что Вы, для меня большая честь сидеть за одним столом с такой выдающейся фигурой. Я практикую медитацию в течение многих лет, но ни разу не видел такого высокого уровня сознания. У меня создаётся впечатление, что так может вести себя мудрец, одинаково хорошо видящий прошлое, настоящее и будущее. Вы как будто знаете... и

вместе с этим принимаете всё, что должно произойти...

Лучики вокруг глаз Далай-ламы засияли ещё ярче.

— Вы пронизательный человек, Владимир! Мои способности — это всего лишь тусклый след былого могущества родоначальников буддизма. Для просветлённого учителя Падмасамбхавы не составляло труда в точности предсказывать события на много веков вперёд. Двигайте стулья поближе, я хочу вам кое-что показать.

Далай-лама встал из-за стола и вышел из комнаты. Через минуту он вернулся со свёртком в руке. Развернув перед гостями гибкий дисплей, тибетец перелистнул несколько страниц и остановился на небольшом тексте.

— Вот, например, выдержки из одного занимательного пророчества Падмасабхавы, или как его ещё принято называть — Гуру Ринпоче.

«Особенно много разрушений будет по прошествии пятидесяти поколений. Тогда придёт в упадок учение победоносного Будды Сакьямуни. Монастыри наполнятся женатыми мужчинами, храмы превратятся в военные укрытия, а главные монастырские залы — в помещения бойни. Отшельников с гор сгонят в долины. Великие созерцатели станут сеять зерно, медитаторы пустоты — обогащаться.

Монахи заведут жён, а благородные духовники станут разбойниками и грабителями. Распри поднимутся словно ветер. В центральных районах начнутся раздоры и смута. Мудрецы станут военачальниками, святые духовники пойдут воевать, а благородные монахини начнут убивать детей. В отцовских владениях будут хозяйничать чужие, и сыновья не будут наследовать дома отцов. Предводителями станут варвары. Маленькие девочки будут бродить в грязи. В пустынных скитах будут раздаваться голоса тибетцев. Храмовое имущество растащат, изречения и вещи святых распродадут. Святыни тела, речи и мысли разграбят, назначат цену и продадут.

В храмах поставят лошадей и коров, и соберут там нечистоты. В то время в сердца монахов проникнут цари демонов, в сердца тарничей — злые духи, в сердца тибетцев — огненные духи, в сердца мужчин — демоны-самцы, в сердца детей — злые черти, в сердца женщин — демоны-самки, в сердца благородных монахинь — страшные вампиры, в сердца девочек — чертовки; одним словом, в сердце каждого человека обоснуется злой дух. Признаками этого будет следующее. Люди будут носить различные непарные одежды. Благородные духовники станут наряжаться, монахини — красоваться в зеркале. Охраняя себя, люди будут уповать на оружие, в еду подмешивать

яд. Мудрецы и учителя станут обучать дурному. Правители не смогут быть хозяевами своего ума. Люди потеряют скромность и стыд, женщины лишатся власти над телом.

Каждый год будет разноситься весть, и люди станут надевать новые украшения и одежды. Простолюдины примутся преподавать учение. Женские речи наполнятся высокомерием. Лжецы будут давать благословение. Обманщики займут место великих созерцателей. Болтунов и краснобаев нарекут мудрецами. Мужики будут нарушать клятвы и гордиться этим. Рабы станут управлять государством, а цари превратятся в рабов. Жестокие палачи выйдут в начальники. Ужасных грешников будут считать народными защитниками. Изверги, убивающие людей, наденут светло-красные накидки духовенства. Люди начнут с усердием учить неверные заклинания. Торговлю и обман будут принимать за одно и то же. Начнут сочинять и печатать различные лживые книги. Наказы Будды станут подвергаться сомнениям. Благие обычаи будут забыты, плохие дела и дурное поведение станут привычными.

Так живые существа пойдут по неверной дороге. Придерживаясь дурных дел и поведения, они забудут всех былых хранителей веры и перестанут защищать веру и служить ей. Все планеты заблудятся, появятся новые огромные

звезды. Дожди в нужное время идти не будут. Один за другим будут следовать плохие года с голодом и бескормией. Демоницы и злые духи впадут в страшный гнев. От этого болезни людей и скота умножатся так, что нельзя будет даже перечислить их названия, они распространятся как пожар. Неожиданно станет трястись земля, происходить наводнения, возникать пожары, подниматься ураганы. Храмы, ступы и города разрушатся в одно мгновение.

Это будет время, когда в Индии люди будут умирать от голода, в Непале — от заразных и других болезней, в других странах будут землетрясения, эпидемии, голод, провалы земли, обвалы, в Тибете на его пяти вершинах появятся три неприступные крепости... Везде будут конфликты и войны... Это будет время, когда верующие будут бесправны и бессильны, неверующие, потерявшие совесть, будут главенствовать, мудрецы и учёные монахи станут старостами, простолюдины же будут начальниками. Это будет время, когда, защищая добродетель, будут надеяться на вознаграждение...»

Марк дочитал последние строки и отпрянул от дисплея.

— Что случилось? — Владимир удивился его реакции.

— Странно... не знаю... го... голова закружилась, — юноша сделал медленный и глубокий вдох. — Всё хорошо, продолжайте.

— Я думаю, вы узнали в этих пророчествах новую историю Тибета, — Далай-лама, смотрел собеседникам в глаза. — К слову, описанные события касаются не только моей страны. Тёмный период человечества охватил всю землю. Вот, посмотрите на аналогичные предсказания в индуизме, — тибетец перелистнул несколько электронных страниц. — Индусы называют этот период Кали-юга в честь тёмной богини Кали. Вот, почитайте сами:

«Из-за могущественного влияния века Кали в людях с каждым днём будет оставаться все меньше и меньше религиозности, правдивости, терпимости и милосердия, с каждым днём будет сокращаться продолжительность их жизни, уменьшаться физическая сила и ослабевать память.

В Кали-югу просто богатый человек будет слыть аристократом с безупречными манерами и возвышенными качествами.

Мужчины и женщины в этот век будут вступать в сожитительство лишь из-за сиюминутного влечения, а успех в бизнесе будет полностью зависеть от умения обманывать. О женственности или мужественности будут судить по тому, насколько человек преуспевает в сексе, а

священниками будут признаваться те, кто просто носит на шее соответствующий знак.

Почти все цари превратятся в воров, а основными занятиями людей станут воровство, обман и бессмысленное насилие. Все классы общества скатятся до самого низкого уровня шудр.

Бескультурные люди будут от имени Бога собирать милостыню и зарабатывать себе на жизнь, просто рядясь в одежды монахов и играя в показную отречённость. Не имеющие никакого представления о религии люди будут осмеливаться разглагольствовать с высоких помостов и трибун о религиозных принципах.

Мужчины в Кали-югу будут совершенно жалкими созданиями, находящимися под властью женщин.

В облаках будут непрерывно сверкать молнии, а люди по качествам станут не лучше ослов».

— Ха-ха-ха-ха! — рассмеялся монах. — Поразительная дальновидность!

— Ты чего? — сенсей посмотрел на Марка.

— Ой!

Все обратили внимание на юношу, лицо которого побагровело.

— Да не... не знаю я! — испуганно крикнул он.

Владимир взял «больного» за руку и проверил пульс.

— Сердце колотит как ненормальное. Давайте пока остановимся с этими текстами.

— Конечно, конечно! — понимающе кивнул Далай-лама.

— Мне та... так стыдно, Ваше Святейшество! — Марк едва не плакал. За столь короткое время монах успел вызвать у обоих гостей симпатию, граничащую с поклонением.

Из коридора послышались громкие возгласы. Не нужно было знать китайский язык, чтобы понять, что кто-то очень недоволен. Грохот сапог приближался с пугающей быстротой. Ещё мгновенье, и в Зал для приёма гостей, спотыкаясь, ворвался послушник, точнее сказать, его втолкнули следовавшие за ним люди.

Крикунами оказались пятеро китайских полицейских. Увидев Далай-ламу, они стали кричать на него, размахивая листом бумаги. Приведший их монах, упал от толчка в спину и теперь лежал неподвижно, боясь поднять голову. Далай-лама что-то отвечал, сохраняя спокойствие и благожелательность. Старшим по званию был самый низкорослый из служителей закона, одетый в голубую офицерскую рубашку без рукавов, на голове — чёрная фуражка с серебристым гербом. Если бы не ляпка, застёгнутая через подбородок,

головной убор, вероятно, давно бы слетел — так сильно тот мотал головой. Сопровождающие его конвоиры носили серый городской камуфляж и имели более внушительное телосложение.

Доводы религиозного лидера, похоже, только озлобляли полуметрового крикуна, периодически он указывал на иностранных гостей. Отряд был явно осведомлён о силе и количестве визитёров, трое сотрудников полиции без всякой команды окружили Владимира, двое их напарников стали позади Марка. Щёлкнули застёжки на кобурах.

Марк был разгорячён и взволнован, о чём свидетельствовали вздымающаяся грудная клетка и мечущийся взгляд. Его тренер, ощутив угрозу, напротив, был расслаблен и смотрел в одну точку, концентрируясь на дыхании.

Спокойствие Далай-ламы привело офицера в ярость. Не зная, как запугать монаха, он схватил его за грудки и толкнул на стол. Тот лишь рассмеялся, поправив сползающую накидку. Офицер натянул фуражку и достал пистолет.

— Остановитесь! — закричал Марк, пытаюсь подняться. Крепкие руки легли на его плечи, блокируя движение. — Мы уйдём прямо сейчас! Он здесь не причём!

— Вы уйдёте вместе с нами и будете отвечать за свои преступления перед судом! — сказал

офицер по-английски. — Восточный Народный Союз — это не приют для беглых преступников! Если журналисты узнают, что мы укрываем убийц, тень позора ляжет на всю нашу великую страну! Эти наглые монахи воспользовались своим правом предоставлять политическое убежище в своём чёртовом храме, мы не можем забрать вас без его письменного согласия! — офицер потряс документом, — прошу в последний раз — подпишите это или пожалеете! — он протянул бумагу Далай-ламе.

Владимир был по-прежнему неподвижен, напоминая одну из многочисленных статуй будд, увиденных за сегодняшний день.

Блюститель снова перешёл на китайский. Стащив Далай-ламу со стола, он поставил его на четвереньки, бросив заявление ему под ноги. Любящая улыбка осталась на лице тибетца, что окончательно вывело из себя его китайского побратима. Офицер щёлкнул затвором и направил дуло в лицо монаха. В этот момент длинная рука Марка совершила быстрое движение. Одновременно с этим, словно действуя по молчаливой договорённости, Владимир выбросил руки в стороны, схватив стоящих по бокам бойцов точно за кадыки. Марк обхватил выставленную руку с оружием и дёрнул её на себя. Лёгкое тело потеряло равновесие, крикун полетел лицом на

стол. Владимир сомкнул пальцы, гортанные кости полицейских хрустнули. Послышались звуки передёргиваемых затворов. Марк вскочил с места и, прокрутившись вокруг оси, сконцентрировал энергию удара на ребре ладони — удар шуто-уке опустился на ключицу полицейского, стоящего позади. В это время сенсей оттолкнулся ногами от пола, сбив тяжёлым стулом третьего надзирателя, эффект от столкновения мог сравниться со встречей с трамваем. Атакованный Марком конвоир врезался в стену, сломанная ключица вошла в трахею грудой острых костей. Прозвучал выстрел, второй охранник юноши успел нажать на курок. Марк развернулся на пятке, взрывным движением оторвал правую ногу от пола и, продолжая вращение, обрушил круговой удар маваша на рёбра стрелка. Табельное оружие полетело в одну сторону, применивший его полицейский — в другую. Звук упавшего с крыши мешка с костями не сулил ему ничего хорошего. Владимир схватил прижатого стулом конвоира и бросил его через плечо на стол, куда за секунду до этого приземлился его начальник.

— Ты сдурел?! — крикнул сенсей на ученика, придерживая ошарашенного китайца.

Глядя на лежавших крест-накрест служителей закона, он на мгновение растерялся, но стоило полицейским пошевелиться, как мастер вернул себе

уверенность и нанёс им два коротких удара выставленными суставами пальцев в область шеи.

Марк ощупал себя, убедившись, что пуля прошла мимо. В зале воцарилась тишина.

— Они... все... мертвы... — ледяным голосом констатировал рыжеволосый зачинщик драки.

— Ты... ты придурак, — Владимир обдумывал произошедшее.

— А ты хотел, чтоб они убили Далай-ламу? — оправдывался Марк, неожиданно перейдя с тренером на «ты».

— Кретин, они б никогда этого не сделали! Да ты просто псих!

— Не вините себя! — Далай-лама поправил одежду. — Ваш поступок — это образец человечности, у меня просто нет слов...

Марк присел на стул и взялся за голову.

— Что же я натворил...

Монах переступил через труп и подошёл к юноше.

— Никогда не жалею о том, что поступил, как человек, чем бы это тебе не грозило.

Парень вспомнил, как совсем недавно сожалел о своей бесцельной трусливой жизни.

— Есть ли смысл прятать трупы? — Владимир провёл пальцами по бороде.

— Нет, нет, это не ваша забота! — уверенно сказал Далай-лама и отдал какие-то команды

притихшему в углу послушнику. — Пойдёмте, я отведу вас в безопасное место, завтра нам предстоит провести важный религиозный ритуал.

* * *

Марк проснулся от шума. Первую секунду он не мог понять, где находился и как сюда попал. Память вернулась к нему быстро — тесная комната, пахнувшая древесиной, была тем самым укрытием, в которое их ранее привели монахи. Капли дождя барабанили по крыше, столицу Тибета окутала ночь.

Юноша потёр заспанное лицо и попытался встать. Чья-то тяжёлая рука легла ему на грудь, не позволив подняться. Владимир не спал. Он поднёс палец к губам, приказывая не шуметь.

— Я только наушники возьму, — прошептал Марк и, нащупав свои «пилы», лёг обратно.

Вечером у них состоялся неприятный разговор. Похоже, что его тренер не планировал впутываться ни в какие криминальные дела, тем более, ставить под удар репутацию секции. Они всерьёз обсудили произошедшее, сойдясь на том, что ситуация всё ещё находится под контролем (возможно, никто из них не хотел признаваться, что случившееся, мягко говоря, выбило его из

нормальной жизненной колеи, а будущее внушает серьёзные и небезосновательные опасения).

После тревожных размышлений о будущем, Марку захотелось послушать чего-нибудь ночного, успокаивающего, гармонирующего с погодой. Покопавшись в архиве, он включил трек The Prodigy — Weather experience.

«Wales, and in the more central and southern parts it'll be a fine dry day.

A good deal of sunshine begins with clouding over somewhat later on»...

— произнёс диктор новостей. В течение следующих минут электронная мелодия рассеивала тревогу и укрепляла веру юноши в собственные силы. Творчество было для него идеальным лекарством, что немаловажно — с годами оно не портилось, а лишь становилось лучше. Вскоре сердце Марка успокоилось, и ему удалось заснуть.

В следующий раз, когда он проснулся, наступило утро. Койка Владимира пустовала, его тихий голос слышался через деревянную перегородку. Вторым собеседником, судя по всему, был сам Далай-лама. Наушники, в которых Марк по неосторожности заснул, лежали рядом бережно свёрнутые.

— Как твоё самочувствие? — спросил тибетец, когда оранжевый ёжик показался из убежища.

Аура любви, исходящая от этого человека, вновь ошарашила парня. Улыбающийся Владимир, похоже, и сам находился под воздействием чар.

— Спа... спасибо, у меня всё хорошо! — ответил Марк застенчиво.

— Вот и чудно! — монах потрепал парня по плечу. — Сейчас вам принесут завтрак и чистый комплект одежды, Ваше кимоно мы тоже постирали — обратился он к сенсею.

— Благодарю!

— Не за что. Так вот, я уже говорил о религиозном обряде. Не хочу забивать вам головы исторической подоплёкой, скажу лишь, что при Далай-ламе всегда находился своего рода провидец, по-вашему, экстрасенс. Тибетцы называют его Нейчунгский Оракул или Государственный Оракул Тибета. Хотите верьте, хотите нет — но на протяжении многих столетий правители доверялись ему при принятии важных государственных решений и, к слову, никогда не ошибались. Многие люди со всего мира, включая вас, были приглашены в Лхасу, сегодня мы соберём всех в Зале для церемоний, чтобы познакомить ближе с нашей национальной традицией.

— Н-ничего н-не понятно, а обещали, что всё расскажите, — Марк скривился, будто к его лицу поднесли грязный носок.

— Хорош выделяться! — скомандовал тренер. — Сходи-ка лучше умойся!
— Лажа... — буркнул Марк по-русски и неохотно повиновался.

* * *

Тибетская монашеская одежда по-прежнему не поддавалась юноше, он возился с ней до тех пор, пока Владимир не вытолкнул его пинками наружу. Зал для церемоний был полон людей; несмотря на дисциплинарные меры сенсея, гости из Федерации опоздали к началу действия. В центре сидело несколько десятков человек, очевидно, это и были те самые «прибывшие в Лхасу», система их отбора, при этом оставалась неясной.

Послушники усадили юношу среди остальных приглашённых, Владимира они отвели к «зрителям» церемонии, среди которых был и сам духовный лидер. Воздух в Зале был насыщен благовониями, по периметру располагались музыканты, они играли на тибетских духовых инструментах и звенели медными тарелками. Музыка состояла из повторяющихся элементов, бессвязные, на первый взгляд, звуки, со временем складывались в особую медитативную гармонию.

Нейчунгский Оракул был молодым тибетцем с умным волевым лицом, на голове он носил

большую ритуальную корону, расписанную позолотой. Оракул бегал вокруг сидящих на полу гостей, размахивая какими-то предметами. Через неопределённое время Марк ощутил себя в изменённом состоянии сознания, провидец вошёл в глубокий транс, шатаясь и угрожая обрушить немалый вес своей экипировки на испуганных участников ритуала. К счастью, предусмотрительные послушники бегали за ним следом, поддерживая безумца под руки и помогая сохранить равновесие. В конце концов, Оракул остановился и начал что-то бормотать. Один из монахов наклонился к его уху и через минуту побежал передавать предсказание Далай-ламе. Тот удовлетворённо кивнул, и в это мгновение зал вздрогнул от мощного взрыва. Часть наружной стены разрушилась, осколки камней разлетелись в стороны, пронизывая плоть, словно разорвавшаяся мина. В помещении начался хаос, раненые гости бросились в коридор, Марк лёг на живот, не отводя глаз от Далай-ламы.

— СЕМЬ ВОИНОВ СМОГУТ ПОБЕДИТЬ КАЛИ! — закричал тибетец, озвучивая послание Оракула. — ОБЪЕДИНИТЕ СЕМЕРЫХ ВОИНОВ И УНИЧТОЖЬТЕ КАЛИ!

— Вам надо спастись! — Владимир обхватил стоящего под градом осколков Далай-ламу.

Прикрыв монаха своим телом, сенсей отвёл его вглубь помещения.

Вытряхнув из уха бетонную крошку, Марк подполз к образовавшемуся в стене проёму и выглянул наружу. У подножия Дворца в сторону площади с памятником мирному освобождению Тибета двигалась целая армия. Сотня китайских пехотинцев, два танка и шагающий робот посередине — судя по всему, власти Восточного Народного Союза очень расстроились по поводу пропавшего полицейского отряда.

— Они разрушат Дворец! — прокричал Марк, вскочил на ноги и отряхнулся. — Надо выйти наружу и добровольно сдаться, им нужны мы.

Расталкивая окровавленных послушников, он рванул что есть мочи, с трудом вспоминая путь, которым сюда добрался.

— Дорогу!!! Дорогу!!! — кричал он через шум разрывающихся снарядов. Встречающиеся по дороге люди прижимались к стенам, заведя мчащуюся на них огненную ракету. Посетители дворца пребывали в глубоком шоке, ведь известно, что даже армейский человек пугается от звука работающей артиллерии, а уж лицо гражданское, судящее о войне из фильмов и компьютерных игр, неизбежно цепенеет, впервые услышав её подлинный голос.

Преодолев каменные ступени, юноша вскоре оказался у деревянных ворот. Два послушника как раз закрывали вход в дворцовый комплекс.

— Стойте! — Марк выбросил руку вперёд. — Выпустите меня наружу!

— Туда?! — тибетцы опешили. — Вы с ума сошли!

— Это личное указание Далай-ламы!

Монахи замешкались, воспользовавшись этим, Марк распахнул красные ворота и вышел навстречу приближающимся солдатам.

— Тэнсунг... — услышал он вслед незнакомое слово.

Военные двигались не спеша, останавливаясь и обстреливая Дворец с помощью дальнобойной артиллерии. Сопровождавшая их шагающая машина была размером с многоэтажный дом, своим видом и издаваемыми звуками она наводила ужас, в том числе, и на самих китайцев. Земля успела высохнуть после ночного дождя, из-под гигантских стоп робота вздымались серые клубы пыли. Поверхность механоида маскировалась пятнистым светло-коричневым камуфляжем, вооружённый двумя крупнокалиберными пушками, робот грозил смести каменный дворец Потала, как хлипкий картонный домик.

До сближения оставалось двести метров. Сто. Пятьдесят. Следовавшие впереди разведчики,

заметили человека, пересекающего дворцовую площадь. Солдаты присели на колени и вскинули винтовки. Послышался свистящий звук, в глазах Марка помутнело. Он снова погрузился в видения так и не покинувшие его после церемонии. Сквозь цветную пелену он увидел, как в пространстве появилось сверкающее отверстие, оттуда буквально из пустоты выскочил странный субъект, по очертаниям напоминающий человека. За ним также из ниоткуда появились ещё несколько неизвестных.

Юноша обомлел, когда шестеро бойцов приземлились прямо перед его носом. Они были защищены бронёй матового оттенка, имели продолговатую форму головы с неестественно длинным затылком. Каждый имел на поясе холодное оружие, за спиной — винтовку незнакомого образца. Субъекты немного отличались по росту и комплекции, единственным одинаковым элементом была вертикальная надпись вдоль позвоночника:

Ближайший гуманоид сделал шаг по направлению к Марку. Его лицо не имело глаз, на их месте была лишь отполированная металлическая поверхность. Робот совершил лёгкий волнообразный толчок рукой в центр грудной клетки, Марк оторвался от земли и отлетел к краю площади, покотившись в колючий постриженный

куст. Отодрав вонзившийся в руку репейник, он ощущал грудь — на месте касания зрела округлая гематома. Теперь ему ничего не оставалось, кроме как наблюдать за происходящим с безопасного расстояния.

По строю китайских солдат пробежала паника. Появившиеся из воздуха воины выстроились в ряд. Крупнокалиберное оружие механоида затряслось, сопровождающие его пехотинцы бросились в стороны, уклоняясь от посыпавшихся на головы огромных гильз. Гироскопический указатель прицелился точно в группу неопознанных противников, но те, нарушая законы физики, сместились от пуль, оставив за собой лишь трассирующие следы. К грохоту пулемётов присоединился отрывистый звук винтовок, силуэты гуманоидов мерцали слишком быстро для человеческого глаза, появляясь то в одном, то в другом месте. Неожиданно трое из бойцов совершили головокружительный прыжок над головами атакующих, оказавшись за их спинами. Попав в окружение, солдаты регулярной армии ВНС превратились в беспомощную толпу, пытаясь не то чтобы противостоять налётчикам, а скорее сбежать от них. Увиденные китайцами чудеса здорово их напугали, ведь ни один из известных киборгов не был способен на подобные трюки.

Марк, тем временем, наблюдал, как иероглифы появляются над площадью в виде дымки, в голове зазвучала знакомая музыка.

— Это же Filteria! — поразился он. — Navigate! Я знал, что такое могут написать только инопланетяне!

Башня шагающей бронемшины вертелась хаотично — отряд был взят в кольцо. Демонстрируя поразительную слаженность действий, шестеро бойцов выхватили оружие и устремились в атаку. Со скоростью электрической мясорубки они кромсали военных мечами, разбрасывая вокруг себя части человеческих тел. Вращая холодным оружием, словно пропеллерами, неизвестные сметали всё на своём пути, не оставляя солдатам ни единого шанса.

Добравшись до двух танков с разных сторон, воины запрыгнули на крыши и вонзили в них свои клинки с такой лёгкостью, словно военная техника была сделана из горячего сыра. Ещё через минуту пришла очередь шагающего многотонного монстра. Заскочив на башню, воин с продолговатой головой пробил мечом бронированное стекло кабины, пронзив им пилота в грудь. Конечности бедняги рефлекторно задёргались, двигая рычагами управления — от этого машину перекосило на бок. Послышался скрип металла и, словно погибающий

мамонт, механоид повалился на землю прямо на памятник мирному освобождению Тибета.

Наступила тишина. Пыль рассеялась. Шестеро неизвестных спасителей исчезли бесследно.

— Кажется, «мирному освобождению» пришёл конец... — медленно произнёс сенсей, глядя с балкона на кровавый пазл из человеческих тел.

— Что ж, священная война началась, — ответил ему Далай-лама и вставил наушник в ухо.

Век машин

— Ну, у тебя и вкусы! — сверкающий рыцарь, парящий под потолком, осматривал виртуальную комнату девушки. — Нет, чтоб оформить уютненько, под старину.

— Привет! — сексапильная фея из жидкой ртути обернулась. — Спускайся, Сэмюэль, мне неудобно задирать голову.

Рыцарь сделал эффектный кувырок и бесшумно коснулся зеркальной поверхности пола.

— Твоей оболочке не хватает правильной «металлической» озвучки, — сказала обнажённая фея. — Или ты решил заделаться скрытным рыцарем-ниндзя? — она встала из-за стеклянного стола, сиденье осталось висеть в воздухе.

— Я выключил это ужасное лязганье, — Сэмюэль восхищался изгибами её тела, отражающего обстановку, словно зеркало. Персональная комната Доминик была заставлена плоской хромированной мебелью в стиле ultra futuristic и больше походила на офис одной из компаний Кремниевой долины.

— А мне нравятся такие звуки, — сказала она.

— Кстати, насчёт ниндзя, я удивлён, что ты тут сидишь в одиночестве, в то время как все тусуются на форумах, затирая до дыр это... видео из Тибета.

Девушка хлопнула ладонью по стене, превратив её в большой экран.

— «...несмотря на то, что главы трёх крупнейших держав выразили свои соболезнования по поводу погибших в Лхасе и заверили, что не располагают подобными технологиями, Генеральный секретарь ЦК ВНС заявил о мобилизации армии на случай полномасштабной войны с иностранными захватчиками...»

— Ни один земной материал не может так разрезать броню! — воодушевлённо сказал Сэмюэль. — Говорят, что это марсиане!

— Почему тогда марсианские экспедиции не обнаружили следов разумной жизни?

— «...эксперты и аналитики в один голос заявляют о внеземном происхождении оружия...»

— продолжал диктор.

— И ты веришь этим шакалам? — возмутилась Доминик и выключила новости. — Да мы даже приблизительно не знаем, какие технологии есть у корпораций! Кто ж тебе правду-то скажет?

— Ну, ну, детка, не злись! Между прочим, я купил этот рыцарский скин специально для тебя!

— Правда? — девушка застеснялась.

— Йоу! — парень сделал полный оборот, демонстрируя виртуальные доспехи. — За один день он собрал больше сотни «лайков»!

Доминик опустила глаза.

— Ты не подумай, я пришёл сюда не для того, чтобы хвастаться, — рыцарь стал на одно колено и материализовал в руке красную розу. — Я хочу пригласить тебя на ужин... в реале!

— Правда-правда?!

— Я знаю одно приличное заведение на пересечении 117 St. и Дуглас авеню!

— Дуглас? — повторила фея в растерянности.

— Ну да! Фредерик Дуглас.

Девушка понюхала розу.

— Хэй, ты чего, она же не пахнет!

— Извини... я просто вспоминала о своих планах на вечер...

— Да каких планах, вечер *уже* наступил! Я же знаю, у тебя сегодня нет тренировки. Хватить торчать в Сети, отказы не принимаются!

— Ладно, идём. Я отключаюсь... — Доминик вызвала перед собой голограмму настроек профиля.

— Подожди, ты даже не спросила время!

— А... да, так во сколько?

— Ну, ты даёшь! В восемь устроит?

— О.К

Девушка сняла кибер-очки и в спешке сорвала с тела датчики.

— Экое блядство! — заявила она сама себе, глядя на часы.

До назначенной встречи оставалось менее часа. С учётом времени на сборы, добраться до западного Гарлема к восьми можно было только на электролёте. Мечтать о воздушном транспорте было бы верхом наивности — оставшихся до зарплаты денег не хватило бы и на простое такси.

— Что там у нас с погодой? — Доминик подбежала к окну, одёрнув залатанную занавеску.

— «...посетившим все игры сезона, скидка на Супер Боул! Заказывайте билеты сейчас!»

— призывала крашенная блондинка с красно-синими звёздами на сосках. Электронный билборд составлял 80 % вида из окна, а установленный на нём громкоговоритель замолкал только ночью. Снежный фронт, накрывший Альянс

и Федерацию, до Америки ещё не дошёл, в Нью-Йорке стояла обычная для зимы слякоть.

Девушка отодвинула в сторону пластиковую дверь шкафа и разразилась новой порцией ругательств. Две пары дырявых джинсов, коричневый балахон (бывший когда-то чёрным), бесформенные шорты, растянутые до колен футболки, толстовки из секонд-хенда — всё это плохо вязалось с термином «приличное заведение», прозвучавшим из уст её ухажёра. Дело в том, что Доминик не только была редкой посетительницей ресторанов, но и чуждалась такого термина, как «свидание», ведь прелюдия к сексу с её друзьями-уголовниками обычно не заходила дальше распития бутылки самодельного вина. Теперь, когда она решила покончить с прошлым и, как это принято выражаться, «выбиться в люди», на её пути появился целый ряд трудностей.

— «...не пропустите начало турнира плей-офф по нейкболу!»

Она бросила гневный взгляд на смазанные маслом силиконовые груди звезды нейкбола. — Заткнись, дура!!! — Повернувшись к резиновому манекену, она под села на передней ноге и выполнила чудовищной силы апперкот. Спортивный снаряд оторвался от пола и с грохотом перевернулся. Аккуратно расставленная на полке

коллекция игрушечных роботов посыпалась на пол. Послышался стук тяжёлым предметом в стену.

— Господи Иисусе, сколько можно!! Я сейчас полицию вызову!! — свихнувшаяся на сериалах соседка стучала шваброй в потолок. — Чёртовы сучки, опять устроили бордель!

— Сорри, м-э-эм!

Доминик сделала шаг назад и ещё раз осмотрела свой скудный гардероб. Нервы натянулись, под ногами хрустнула упавшая игрушечная модель.

«... первая игра — «Кливленд быютиз» против «Чикаго бичез»! Предпродажа стартует сегодня!»

Девушка подняла робота с пола и поставила обратно на полку.

— Бинго! — вскрикнула она, увидев свою фотографию с сестрой, сделанную перед выпускным балом.

Отыскав голубое вечернее платье младшей сестры, Доминик сбросила с себя всю одежду и подошла к зеркалу. Недавняя выпускница Энис никогда не была дохлячкой, но на фоне широченных плеч и монолитных мускулов своей единственной родственницы она ощущала себя крохотной дюймовочкой. В теле Доминик было мало от женщины — узкие бёдра, тугие подтянутые ягодицы, длинные жилистые руки и в довершение ко всему полное отсутствие груди. Если б не

маленькая красивая ножка и доставшееся от матери изящное личико чернокожей француженки, перспектива до старости мыть посуду в местной забегаловке под названием «Соевый рай» была почти гарантирована.

Расставшись с нижним бельём, она втиснулась в обтягивающее платье. В комнате послышался треск.

* * *

— *Стероп — 1, доложить обстановку!*

— База, это Стероп-1, всё чисто. База, повторяю, всё чисто! — тяжёлый сапог агента шлёпнул по луже, разбрызгивая грязную воду.

— Эй, громила, смотри под ноги! — его вёрткий напарник подпрыгнул на метр в высоту, уклоняясь от брызг.

— Да-да-да! Ноги! Поднимай ноги! — протараторил второй ловкач. Оба носили бриджи защитного цвета, остроконечные туфли, короткие куртки до пояса и массивные рюкзаки за спиной. Из рюкзаков торчало по два толстых электрода, между шарообразными контактами, издавая пугающие звуки, гуляла электрическая дуга.

— Джимми, я не пойму, ты что уже «ускорился»? — пробасил солдат, не поворачиваясь к собеседнику.

— С чего ради, толстяк? С чего ради?

— Так хрена ли ты прыгаешь как горный козёл?

Джим поправил вязанную шапку, спустившуюся на чёрный глазной имплантат. Учитывая зелёную татуировку, оплетающую шею и половину лица, он смотрелся невероятно стильно.

— Пытаюсь увернуться от этих сраных цунами!

— Точно, Джимми, толстяк пускает цунами! — поддакивал второй прыгун. — Вот скажи, толстый, сколько ты вешишь? Фунтов семьсот не меньше!

Агенты посмотрели на своего друга-тяжеловеса, похожего на передвигающийся шифоньер. Даже при наличии бурного воображения трудно было представить, какая мускулатура могла создавать такие внешние габариты. Называющий себя Стероп-1, носил длинный плащ до пят, на его поверхности сверкала пуленепробиваемая керамическая чешуя. Стоячий ворот плаща прикрывал татуированное лицо до самых глаз, вернее, до того места, где обычно находятся глаза. В данном случае их заменял выступающий изо лба шар. Единственным человеческим признаком были виднеющиеся из-под обрезанных перчаток фаланги пальцев.

— Да ну семьсот! Новый титановый сплав... он легче... Хотя знаете, что? Пошли вы оба, это коммерческая тайна! — агент подтянул многоствольный пулемёт.

— Аха-ха-ха! Тайна! Ты это слышал Джим? — агент зашёлся смехом, перепрыгивая с ноги на ногу. Электрическая дуга подыгрывала искрящимся неоновым лампам.

— Да что тут понимать, толстяк сам не знает точной цифры!

— А-ха-ха-ха! Секретность, мать вашу!

— Заткнитесь, я, кажется, кого-то вижу! Туда! — Стероп-1 развернулся к предполагаемой цели и вскинул пулемёт. — База, это Стероп-1, по 111 st. в направлении Второй авеню движутся подозрительные субъекты.

Остальные члены патруля растерянно вертели головами.

— Ты имеешь в виду этих детей? — Джимми указал короткой палицей в сторону собравшихся на крыльце здания чернокожих тинэйджеров.

— Нет, они за стенами, — шаги агента были неравномерными, плавность походки нарушали едва заметные рывки.

— Стероп-1, это база! Прошу включить ретрансляцию данных с термального сканера.

На круговом дисплее Центра управления заданиями появилось изображение вечерней улицы.

Угол обзора в 360 градусов позволял хорошо рассмотреть восточный Гарлем со всеми его заброшенными трёхэтажками, грудями мусора и обгоревшими каркасами машин.

— *Визуальный контакт с объектами установлен, —* послышалось в наушнике. — *Группа 4, следуйте ко Второй авеню!*

Джим посмотрел на своего напарника не без восхищения, в который раз ему удавалось обнаружить цель раньше, чем сотне глазастых операторов, сопровождающей их задание и анализирующих информацию с городских камеры наблюдения.

— Ну, давай, веди нас, Мистер рентген!

Троица вышла на проезжую часть, двинувшись в заданном направлении. Стоявшие по краям тротуара криминального вида компании громко толковали о насущных делах, не обращая внимания на агентов. Редкие для местных окраин машины, завидев военных, брали в сторону, другие сигналили, выкрикивая угрозы — похоже, что местным водителям было наплевать, будь перед ними хоть сам Господь Бог.

Агенты прошли сотню метров, расстояние между охотниками и жертвами сокращалось. Вскоре, преследуемые попали в пределы видимости.

— Так, так, так! — запрыгал агент с электродами за спиной. — Пора поджарить парочку «хоботов»!

Четверо людей в широких штанах и противогазах исчезли за дверями баптистской церкви из красного кирпича. Прямо у входа пиликал игровой автомат, мозоля прохожим глаза яркой надписью «Vector selector».

— Чего они медлят?! — второй «прыгун» снял с пояса палицу в ожидании приказа.

— Вот это сисяндры! — Джимми уставился на светящийся билборд, висевший по соседству с оббитой нержавеющей готической башней.

— *Группа-4, это база! Идентификация объектов окончена. Адреналин 200 единиц, приступить к ликвидации!*

— Ну, наконец-то! — группа остановилась, агенты сжали кулаки, впрыскивая в кровь дозу адреналина. Механические сердца заработали в боевом режиме.

В этот момент здание церкви взлетело на воздух, для агентов взрыв выглядел в замедленном варианте. Без особого труда они уклонились от дрейфующих обломков и взялись за оружие.

* * *

— Энис меня убьёт, — прошептала Доминик и неуклюже повернулась. Красно-синие блики билборда плясали на её тёмной коже.

— Сначала доканывают меня этой ужасной музыкой, потом начинают прыгать с дивана на пол!! — не унималась соседка. Чокнутая старуха давно ждала повода, чтобы затеять ругань.

«Зрителям, посетившим все игры сезона, скидка на Супер Боул! Заказывайте билеты сейчас!»

ВЗРЫВ...

Билборд стал нехотя угасать, словно до последней секунды желал поведать любителям нейкбола о выгодных предложениях.

«З-а-к-а-а-а-з-ы-ы-в-а-а-а-й-т-е-е-е
б-и-и-л-е-е-е-т-ы-ы-ы-ы-ы...»

«Бог есть!» — подумала Доминик, с наслаждением наблюдая за кончиной ненавистного билборда. Вместе с ним сравнялась с землёй и богомерзкая церквушка, к слову, облюбованная её не вполне адекватной соседкой.

Осколки взрыва повредили окно, в комнату проник токсичный уличный воздух.

«...с-е-е-е-е-е-е-й-й-ч-а-а-а-а-с-с-с-с-с...»

— Damn! — Доминик задержала дыхание и схватила защитную маску. Уши заложило от грохота пулемёта. Зачистки с помощью киборгов были привычными для местных жителей, каждый

ребёнок в районе категории «Е» знал, что в случае возникновения такой ситуации надо немедленно убираться.

* * *

Киборги модели «KS-H.0018 — Циклоп» могли не только видеть через преграды, но и поражать цели сквозь них, особая форма и сплав пули позволяли им прошивать стены, не меняя при этом траекторию полёта. Несмотря на осколки и дым, Стероп-1 прекрасно видел, как четвёрка террористов удалилась через чёрный ход здания. Линию огня преграждали растерянные прихожане, они выбежали из церкви, не успев захватить воздушные фильтры и теперь вдыхали ядовитый воздух в поисках спасения.

Передав оружию сигнал по синаптической связи, агент привёл пулемёт в действие без помощи курка. Стволы стали со свистом раскручиваться и через секунду изверглись разрушительной очередью. Оглушенных баптистов кромсало на фарш, сметало, как сметает тряпичную куклу реактивное сопло истребителя. Пожилого мужчину задело пулей, его правая рука отлетела вместе с плечом и половиной грудной клетки. На грязный асфальт хлынули фонтаны крови.

— Ублюдки! — крикнул пьяный прохожий на другом конце улицы. — Получайте! — задрал серую толстовку, он достал из-за пояса короткоствольный револьвер.

— И-и-и-х-а-а! — ближайший к нему агент сместился в сторону и одним прыжком взлетел на ржавый кузов бесколёсной машины. Для стреляющего всё происходило чересчур быстро, скакун с электродами, торчащими словно рога механического чёрта, оттолкнулся от полусгнившего капота и, махнув короткой палицей, поразил его электрической дугой. Несчастный издал душераздирающий вопль.

Киборг приземлился рядом с обгоревшим трупом, проводив взглядом падающее тело. Его голова метнулась с несвойственной человеку быстротой, из подъезда напротив выбежала ещё одна потенциальная жертва. Судя по комплекции, это был крепкий мужчина, но голубое вечернее платье, выглядывающее из-под рваного пуховика, а также голые женские ножки выдавали симпатичную чернокожую девушку.

— Проваливайте! — Доминик схватила отвалившийся от крыльца камень и запустила в электрического демона. Запах жареного мяса пробивался даже сквозь её фильтр.

Солдат смотрел, как брошенный предмет плывёт в его сторону. Размахнувшись электрохлыстом, он приготовился к прыжку.

— *Инос — 8, это база, прекратить атаку! Объект находится в Списке 1, немедленно выведите его из зоны поражения!* — киборг летел, приближаясь к цели.

Механические суставы зажужжали, смягчая приземление. Взглядом разъяренной кошки на агента смотрело воинственное юное создание.

«KS-L.0014 — Tesla tamer» — Доминик вспомнила название модели из журнала «Science», подписчиком которого она являлась вот уже пятнадцатый год.

— Список 1? Вы там ничего не путаете? — Джимми не мог поверить, что эта простолюдинка имеет такую важность для Корпорации.

— *Инос-8, повторяю, немедленно доставьте объект в безопасное место!*

— База, вас понял! — киборг вернул хлыст в кобуру и сделал шаг вперёд. — Ну, что, малышка, полетаем?

Доминик стояла в оцепенении, позволяя агенту подойти вплотную. Джимми обхватил даму за тонкую талию так, что она почувствовала, как работает его разрывающийся от адреналина сердечный имплантат. В следующее мгновение с её стороны последовал короткий взрывной удар

локтем, амплитуда движения составила каких-то двадцать сантиметров, увернуться от такой атаки было невозможно. Вероятно, командованию стоило предупредить агента о том, что он имеет дело с чемпионкой штата по тайскому боксу. Диспетчер допустил небольшую оплошность, отчего каблуки Джима оторвались от крыльца, а вязанная шапка улетела в сторону. Его голова оказалась выбритой и покрытой свежими татуировками.

Тяжёлое тело киборга упало спиной на ступени, Доминик перемахнула через перила и прыгнула на газон. Белые кроссовки утонули в грязи. На проезжей части она заметила ещё одного агента, к счастью для неё, он был занят демонтажем оставшихся после взрыва конструкций с помощью пулемёта. Под ногами «циклопа» собралась приличная куча гильз.

В ушах Доминик засвистел ветер, ей показалось, что рекорд по бегу на короткие дистанции бы только что побит. Промчавшись вдоль дороги несколько десятков метров, она заметила знакомое авто, припаркованное поперёк тротуара.

Биинииинииинииинииинииип...

— клаксон электрокара непрерывно гудел.

Беглянка рванула переднюю дверь, чуть не сорвав её с навесов. Машина была похожа на старинный американский «крокодил», обожаемый

поклонниками хип-хопа, только в отличие от своих предшественников прочную сталь заменял рассыпающийся на ходу дешёвый пластик. За рулём находился чернокожий субъект в дутой дырявой куртке и повязанной вперёд узлом бандане. По неизвестной причине молодой человек лежал головой на руле.

— Слоппи?!

Биинииинииинииинииинииип...

— Слоппи, мать твою, ты жив?!! — Доминик толкнула своего друга в плечо.

— Мама?... — водитель с трудом разлепил глаза, его белки были болезненно-красного цвета.

— Слоппи, ты хренов обкурыйш, газуй отсюда, пока нас не превратили в шашлык!

— А?

— Да сделай ты тише! — девушка стукнула по магнитоле. — Зачистка!!

Слоппи пытался свести резкость на лице подруги.

— Домини-ик? — внезапно на крышу машины приземлилось что-то тяжёлое, над головами послышалось зловещее высоковольтное гудение. Вмиг протрезвевший водитель утопил педаль газа в полу, лысые покрышки провернулись на месте.

Киборг прокатился верхом до следующего авеню и спрыгнул на землю.

— Срань господня, это же «тэймер»! — Слюппи настраивал зеркало заднего вида, вцепившись в руль свободной рукой. — Не пойму, почему он дал нам уйти?

Агент надел перепачканный головной убор и посмотрел вслед удаляющемуся зигзагами автомобилю.

— База, это Ипос-8! Объект в безопасности.

* * *

— Желаете расплатиться наличными?

— Да, сдачи не надо! — молодой человек в роскошном костюме «френч» отмерил на глаз пачку банкнот и засунул её официанту в передний карман. — Ты опять заставляешь меня ждать! — гневно крикнул он своей спутнице — высокой красотке на шпильках.

— Благодарим Вас! — любезность официанта не знала границ. — Передавайте привет отцу!

Подпитый парень схватил свою подругу за руку и вытолкнул на улицу. В ответ на такую грубость та лишь комично семенила ножками, застёгивая фильтр на ходу.

— Ну и где, блять, моя машина?! — серый кашемировый шарф волочился по мостовой.

Обходительный швейцар подскочил к клиенту, приподняв упавший предмет гардероба.

— Прошу прощения, но мне кажется, что Вам не стоит садиться за руль в таком состоянии! Пожалуйста, воспользуйтесь автопилотом.

— Выбрось! — человек вырвал шарф из рук обслуги и бросил его на землю. — По-твоему, я настолько пьян, что не смогу довезти эту сучку домой?!

Швейцар предпочёл промолчать.

— Я спрашиваю, где моя машина?! Ненавижу ждать!!!

Неловкую сцену нарушил звук приближающегося автомобиля. Заляпанный грязью электрокар мчался прямо на вышедших из ресторана людей, в последнюю секунду им пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы не оказаться под его колёсами.

— Ты мужик, Слоппи, ты мужик! — девушка в пуховике вышла из машины, по-мальчишечьи стукнувшись с водителем кулак-о-кулак.

— Отпустишь сестрёнку на свидание? — Слоппи высунулся через окно, заметив при этом отряхивающихся от грязи богатеев. — Йоу, чуваки, простите внатуре! — вышедшая из ресторана парочка потеряла дар речи от возмущения.

— Пока, Слоппи! — девушка махнула своему другу ручкой.

— Доминик, ты слышишь? Одно безобидное свидание!

— Спасибо, Слоппи! — поношенный пуховик Доминик скрылся за входными дверями заведения.

* * *

Ресторан «Ренессанс» был по большей части заполнен. Переступив порог, Доминик почувствовала на себе взгляды всех его посетителей, казалось, что даже притаившиеся в щелях тараканы вылезли на неё поглазеть. Видимо, резная дубовая мебель, льняные гардины и прочие заимствованные из Сети «признаки старины» не очень хорошо гармонировали с толстыми ободами грязи вокруг стоптанных от пробежек кроссовок.

Оперативно разыскав уборную, девушка привела себя в порядок, насколько это было возможно, и вышла оттуда с верхней одеждой подмышкой. Сэмюэль ждал её у окна за столиком для двоих. Шикарный костюм, расстёгнутый ворот рубашки, драгоценные камни в ушах — ещё немного макияжа и можно было фотографироваться на обложку *Cosmopolitan man* (немного вульгарный перстень можно было списать на желание произвести впечатление). Увидев свою подругу, юноша потушил сигарету в пепельнице полной

окурков, его выщипанные брови поползли вверх от удивления.

— Ну, вот мы и встретились в реале! — Доминик решила заговорить первой.

— Привет... а-а... — он замешкался, — что это с тобой?

— В смысле?

— Ну... — Сэмюэль соображал со скоростью суперкомпьютера, рискуя сболтнуть лишнего, — ты такая запыханная... и хромаешь! — вывернулся он, скрыв истинные причины своего удивления.

Девушка нервно рассмеялась.

— Летела к тебе, сломя голову... знаешь, эти электролёты такие шумные!

— И не говори!

— Да!

— Впрочем, что же я сию? — кавалер вскочил из-за стола и подошёл к своей даме. — Давай сюда этот м-м-м... пальто.

— Да ладно, я сама! — Доминик скомкала дырявый пуховик и втиснула его на подоконник, прикрыв занавеской.

— ...

— ...

Молодые люди сели за стол и одновременно посмотрели на ободранный локоть девушки.

— ...

— ...

Сэмюэль подозвал официанта и помог спутнице определиться с заказом. Все трое испытывали такую неловкость, что висящая над их головами лампа грозила взорваться. Официант ушёл, напряженность нарастала.

— На следующей неделе стартует плей-офф, ты в курсе? — парень начал беседу с общих тем. — Ты ведь увлекаешься спортом, правда?

Доминик секунду смотрела в стол.

— Если двадцать две толстожопые шлюхи, скопом бегающие за мячом, это спорт, тогда я несу свои медали в ломбард.

— ... не любишь нейкбол, да?

— Не люблю.

Сэмюэль постучал пальцами по крышке стола.

— Да, я тоже в последнее время за Лигой не слежу... времени нет, запары по учёбе...

Доминик посмотрела в окно.

— Классно...

— Что классно?

— Учёба... Хотя я не представляю, как чёрному парню может нравиться эта юриспруденция. Все эти законы, документы — это так скучно.

— Нет, нет, ты ошибаешься! Это очень увлекательно. Сегодня, например, нам объясняли, как развалить любое уголовное дело, если быть внимательным к мелочам. Недавно в Нью-Йорке

открыли уголовное производство по факту дачи взятки одному должностному лицу. Сам факт передачи денег был заснят на камеру наблюдения, и судебный эксперт в своём заключении написал, что на цифровой записи видно, как лицо передаёт подозреваемому пачки наличных кредит. Во-от. А адвокат в суде заявил, что, учитывая качество записи, эксперт не мог утверждать, были ли это настоящие деньги, или, например, календари! Представляешь, календари! Сувениры!

Доминик взялась за подбородок. Парень продолжал свою восхищённую тираду.

— Судье ничего не оставалось, как признать экспертизу недействительной, такая вот мелочь, и человек оправдан за недостатком доказательств!

— ... но он же брал взятку?

— Ну, понятно, что брал, в том-то и заключается искусство адвоката!

— В чём? Извини, я просто совсем в этом не разбираюсь, но разве цель правосудия не состоит... ну... в смысле чтоб всё по справедливости... ну как это...

— Да брось! Ты права, что в этом ничего не смыслишь.

— Прости...

Беседа не ладилась. К счастью, во время очередной неловкой паузы принесли вино.

Доминик по привычке взялась за бутылку, но официант, улыбаясь, наполнил бокалы сам.

— Спасибо большое! — девушка удержалась от того, чтобы потянуться к алкоголю первой.

— Ну, за первую встречу! — Сэмюэль, похоже, и сам был не против обойтись без длительных тостов. — Фух! Так о чём мы говорили? А, собственно, хватит обо мне! Расскажи лучше о себе, чем занимаешься? В Сети тебя встретить трудно, неужели ты всё время на тренировках?

Доминик вытерла рот.

— Я много тренируюсь, да.

— Всё время?

— Нет. Есть и другие увлечения.

— Например?

— Эм-м-м, ну... я интересуюсь современной техникой...

— ?

— Ну, роботами, киборгами, разными устройствами... так и знала, что ты удивишься.

— Нет, нет, продолжай! — Сэмюэль достал сигарету. — И как это... ну... у тебя началось?

— Извини, можешь не курить?

— Не курить? О.К.

— Давай лучше выпьем.

Молодой юрист растерялся.

— Я вообще-то не люблю пить так быстро...
И так по шарам дало...

Доминик постаралась изобразить
кокотливость.

— ... но если меня просит такая дама!

Вторая треть бутылки ушла на глазах. Паузы перестали причинять столько неудобства. В этот раз девушка сама нарушила молчание.

— С детства.

Сэмюэль отвёл взгляд от висящей на стене картины.

— Что с детства?

— Ну вот, ты забыл о чём спрашивал...

— А, да... я спрашивал об увлечениях.

— Спасибо что напомнил.

— А-м-м-м...

Доминик продолжила.

— Так получилось, что мой район всегда был пристанищем всяких... нехороших типов. Настолько, что даже полиция боится к нам соваться, особенно ночью. В перестрелках с бандами погибло немало копов, и в какой-то момент они решили больше не рисковать живыми людьми. Каждая смерть обсасывалась в новостях со всех ракурсов, что неслабо бесило мэра. Родные погибших заваливали Департамент исками, страховые компании отказывались от выплат, короче приближалась полная жопа! Они уволили

несколько начальников, но кресло мэра расшатывалось всё больше, в этот момент очень своевременно в его кабинете появились ребята из «К.О.В Systems». Они сделали ему такое предложение, от которого было трудно отказаться — предложили своих агентов в качестве расходного материала.

— Они отправляли агентов против уличных банд?

— Да. Тестировали разные образцы вооружения. Где ещё взять столько живого мяса?

— Да разве такое возможно? Никогда не слышал о таком в газетах там или по TV.

— Ага.

Собеседники вздохнули, разговор худо-бедно завязывался. Следующий час молодые люди рассказывали о себе, Сэмюэль старался не упоминать о моментах, указывающих на разницу в происхождении, тему родителей он решил также не трогать. Его язык был хорошо подвешен, а природное чувство такта помогало обходить острые углы. Когда вторая бутылка вина подошла к концу, общение стало и вовсе непринуждённым. В зале не осталось ни единого свободного места, началась развлекательная программа. На небольшую сцену вышел ребёнок неопределённого пола, его пёстрый сценический костюм одинаково плохо подходил как мальчику, так и девочке.

— Опа, это же Крошка Би! — закричал Сэмюэль, размахивая сигаретой. — Давай, брат, зажигай!

Ребёнок затянул какую-то песню, Доминик была занята разливом выпивки.

— Детка, это же мега-хит! Крошка Би просто взорвал чарты на этой неделе.

— Дерьмо.

— Что?

— Дети, перепевающие известные песни — это д-е-р-ь-м-о! Дерьмо музыка.

— Знаешь ли... — парень расстегнул ещё одну пуговицу рубашки. — Ладно, хорошо, а что не дерьмо? Что ты слушаешь? «Взрослые» бойз-бэнды?

— Я слушаю techstep.

— Чего-чего?

— Ай, отстань, ты всё равно не знаешь. Это такой... узкий стиль. Типа хип-хопа по мотивам hi-tech.

Сэмюэль глубоко затянулся.

— Понятно. Просто я не слушаю узкие стили, я меломан, ла-ла love me, hate me ла-ла-ла!

— Бля, меломан! Интересно, почему никто не называет копрофагов — гурманами?

— А, нафиг это, я даже не понимаю о чём ты! — лицо Сэмюэля озарилось новой идеей. — Хочешь, покажу прикол?

— Выпей сначала!

Ребята чокнулись, красное вино полилось на белоснежную скатерть. Сидящие за столами посетители раскачивали головами влево-вправо, подпевая исполнителю хита дурными голосами.

— Короче, смотри! — ухажер расстегнул браслет голофона и выложил его на стол.

— Дорогая срань.

— Да смотри ты! — Сэмюэль взял со стола нож и начал полосовать лезвием по высокотехнологичному устройству.

— Не надо!

— Спокойно! — он отстранил руку девушки. — Смотри, кому говорю!

Доминик подтянула к себе голофон и наклонилась. Свежие борозды от ножа медленно затягивались.

— Видала? Это новая фишка — самосто... стосам... самовосстанавливающийся пластик!

Сэмюэль совсем осмелел, его вид теперь выражал деловитость, серьёзность и лёгкую усталость от жизни.

— Вот они — технологии! — разглагольствовал он, чиркая зажигалкой. — Ты давай это... прекращай слушать всякую муть... а то так и будешь до конца жизни разглядывать роботов в журналах!

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, ты поняла, это... тебе надо быть проще... быть со всеми... твоё отчуждение... понимаешь?

— Серьёзно?

— Говорю тебе! — Сэмюэль опустил пьяные глаза в пол и задумался. — В нашем возрасте пора подумать и о семье... Что ты будешь детям советовать? Свой techstep? Послушай нормальных песен, посмотри то, что все люди смотрят, поболей за свою команду. А-ла-ла, love me, hate me, а-ла-ла!

— То есть мне надо начинать смотреть нейкбол?

— Да не, я в общем говорю. Надо быть со всеми... со страной. Щас узкоглазые на нас нападут или европейцы со своей Церковью привалят, нам надо вместе держаться, чтобы надрать им жопы!

— Ты забыл о мусульманах.

— Точно, бля!

Доминик почувствовала себя одинокой. Неужели так выглядело «высокое общество», куда ей до настоящей минуты так хотелось попасть?

— Сто пятьдесят лет боремся с этими террористами, а они всё рвут, всё подрывают!

Девушка ещё раз посмотрела на своего потенциального жениха, пытаясь сложить о нём справедливое мнение. Она успокаивала себя тем, что парень напился, к тому же слишком молод и заносчив. По правде сказать, не было ни одной

видимой причины портить с ним отношения, не говоря уж о том, что этот красавчик был единственной соломинкой для спасения от многолетнего прозябания в нищете.

В какой-то момент ей стало стыдно за свою необъяснимую реакцию на столь благопристойную обстановку. Не потому ли она так ненавидела популярную музыку со всеми этими детскими песенками, что они являлись атрибутами добропорядочного мещанина, нормальной семьи, атрибутами того, чего она, Доминик, никогда не имела? Не было ли её фанатичное увлечение спортом всего лишь бегством от очевидной мысли — никакая она не особенная, она, старшая из сирот, обыкновенная девушка, требующая уюта и ласки.

— Успокойся, Сэмюэль, кажется, ты перебрал, — она взяла его за руку, пытаясь усмирить агрессию.

— Зови меня Сэмми!

— Хорошо, Сэмми, успокойся.

Молодой человек заметно смягчился от проявленной нежности. Он собрался с силами и взял себя в руки, вновь придав деловитости выражению лица. Свидание возвращалось в нормальное русло. К этому времени ценители популярной музыки разогрелись спиртным, налёт аристократичности таял как мороженое, упавшее на горячий асфальт. Самые смелые и пьяные начали

выскакивать из-за столов и плясать, Крошка Би верещал до боли в ушах.

— Садись ко мне на колени, детка! — предложил Сэмюэль, прожигая плечистую красотку взглядом.

Доминик посмотрела по сторонам и замешкалась — вести себя подобным образом было для неё несвойственно. С другой стороны, к чему эти предрассудки? Любая девушка на её месте приняла бы предложение, а уж в её ситуации...

— Легко!

Сэмми встрепенулся — бёдра и ягодицы этой дикарки были не просто тугими — столь сексуальные на вид формы оказались каменными.

— Вот та-а-ак, — запах женского тела сводил с ума. Опытный в любовных делах потомственный адвокат Сэмюэль был поражён необузданностью своей виртуальной знакомой. Доминик прислонилась щекой к губам молодого человека и позволила себя поцеловать. Влажные от вина губы коснулись её нежной кожи.

— Ты та-а-ак пахнешь! — прошептал юноша.

Ребёнок на сцене затаил какой-то романс, посетители затушили сигареты и вышли на медленный танец. Чернокожая пара последовала их примеру.

Возбуждённые тела соприкоснулись, оба партнёра растаяли в волнах сексуальной энергии.

Несколько минут они кружились в беспамятстве, когда рояль исполнил последние ноты, Сэмюэль произнёс:

— Поехали ко мне...

Доминик давно ждала этого предложения. Она приготовила себя к мягкому и непродолжительному сопротивлению, которое, несомненно, должно было закончиться «поражением». Осталось только раскрыть рот...

— Поехали...

Юноша прекратил танцевать, схватил девушку за запястье и бросился к выходу. Доминик остановилась, как вкопанная.

— Чего ты стоишь? — удивился парень.

— Я-я-я-я... — Доминик не могла объяснить своих действий. Хуже того, она не могла их контролировать. Её ум приказывал следовать заготовленному плану, в соответствии с которым она должна была в последний момент отказаться от секса и уехать домой, но какая-то сила вмешалась в нормальный ход событий, и справиться с ней не представлялось возможным. — ТЫ БАБА!

— ЧТО-О??!

Девушка прикрыла ладонью рот в ужасе от сказанного.

— Ты не мужик, и имя у тебя бабское — СЭММИ!

Сэмюэль хотел было сказать обидчице что-то оскорбительное, но судя по сверкающим хищным глазам, она была не прочь добавить к своим высказыванием пару нокаутирующих ударов.

— И заткните вы этого малолетнего педика!! — теперь Доминик кричала на весь зал. Кое-кто из посетителей обернулся, однако большинство ничего не слышало за общим гулом. Тогда девушка схватила с ближайшего стола открытую бутылку вина и бросила её в певца. Крошка Би отскочил с удивительной прытью, в его ловком движении почувствовался богатый опыт. В итоге бутылка попала в барабанную установку, вызвав серию гремящих звуков.

Музыка прекратила играть. Владелец заведения, изображённый на висящем над сценой портрете, смотрел с молчаливым негодованием — через его лицо проходила автоматная очередь из винных брызг. Охрана спешила к разбушевавшейся посетительнице, но та лишила их возможности себя выставить.

— Извини, Сэмми, но я не лесбиянка! — отрезала она и, прихватив с собой фильтр, самостоятельно покинула помещение.

На улице поднялся ветер, оставленный на подоконнике рваный пуховик, который можно было без сожаления выбросить в любое другое время, сейчас приобрёл особую ценность. Холодные капли

секли по покрывшейся мурашками коже, словно ледяные осколки, запасы тепла уменьшались так же стремительно, как и надежды на благополучную жизнь. В очередной раз Доминик хоронила мечты собственными руками. Что будет утром, когда она протрезвеет и проснётся в своей ободранной квартирке от звуков орущего за стеной радио? Нет, пожалуй, её разбудит рёв сестры, и первое, что она увидит — это расплывающиеся круги от слёз, падающих на её разорванное голубое платье.

Кавалер, пытавшийся произвести впечатление своей галантностью на протяжении всего вечера, не счёл необходимым вынести своей даме одежду, подтверждая недавно высказанное о нём мнение. Скорее всего, он уже набирал номер следующей претендентки на скоростной секс. Так или иначе, добираться домой было не на чем. Телефон Слоппи был отключен, да и вряд ли её друг находился в подходящем для езды состоянии.

Доминик обхватила себя руками и вышла на середину проезжей части, что с учётом места и времени приравнялось к самоубийству. Встречные машины сигналили и скрипели шинами, их дворники работали на максимальной скорости, стараясь расчистить противную мокрую пыль. Один из водителей не успел вовремя среагировать и зацепил девушку бампером. Его старый электрокар поддал газу и исчез в темноте. Потерпевшая встала

и пошла дальше, тонкое платье развивалось на ветру рваными клочьями. Столкновение заставило девушку хромать ещё сильнее, удар пришёлся как раз в травмированную ногу. Ещё несколькими автомобилям чудом удалось разминуться с обезумевшим пешеходом.

Во время соревнований Доминик не раз сражалась с травмированными конечностями, но сейчас её воля к жизни иссякла, боль от ушиба не давала дальше идти. Девушка села на асфальт и взялась за колени, её силуэт стал едва различим над проезжей частью. Впереди послышался грохот приближающегося грузовика. Доминик опустила глаза и обратила внимание на мигающий браслет. Грузовик был в двухстах метрах. Коснувшись голофона, она открыла электронное письмо, серебристые буквы засверкали над мокрой дорогой:

«Уважаемый кандидат!

Данным письмом уведомляем вас об успешном прохождении экзаменов на конкурс испытателя прототипов военно-медицинского оборудования...»

Её сердце забилося в бешеном ритме, кровь ударила в голову. Грузовая машина не сбавляла скорости, похоже, водитель не замечал сидящего на дороге человека. В ногах Доминик появилась сила, мышцы сработали словно пружины, и девушка совершила невероятный прыжок. Многотонный

электрокар пронёсся у самого носа, затягивая воздух в образовавшуюся воронку. Отойдя к обочине, Доминик продолжила чтение.

«...Корпорация предоставляет новобранцам постоянное место жительства на территории базы. На время испытания кандидаты также обеспечиваются удобной одеждой и качественным питанием. Размер денежного вознаграждения кандидатов будет зависеть от степени самоотдачи, поэтому рекомендуем подойти к испытанию в максимальной физической и эмоциональной форме. В ближайшие недели Ваше тело подвергнется ряду экспериментальных модификаций, после чего все участники теста пройдут специальный отборочный курс. По окончанию отбора победителю будет предложен долгосрочный контракт.

Пожалуйста, не покидайте город и ожидайте дальнейших инструкций. Наш представитель свяжется с Вами в рабочее время.

Надеемся на плодотворное и взаимовыгодное сотрудничество!

С уважением,
К.О.В. systems».

Падение Римской империи

«Крит — 38», «Анталия», «Лето — 2040» — обложки фотоальбомов сменяли друг друга, складываясь в диафильм. «Девичник на природе».

— Есть! — прошептал Виктор и коснулся голограммы левой рукой. В правой он держал свой эрегированный член.

Объёмные фотографии мелькали одна за другой. Альбом начинался со стандартных снимков, изображающих нескольких молодых девиц, идущих по лесу с сумками и рюкзаками. Следующий кадр запечатлел их с бокалами полными вина, на заднем плане виднелась пластиковая посуда, разложенная на клетчатой подстилке. Худощавая мужская рука сделала широкий взмах, прокрутив диафильм, словно колесо фортуны. Виктор знал, что искал, его член налился кровью, как только подслеповатые глаза увидели выпивших проказниц, стаскивающих друг с друга купальники. Среди хулиганок особо выделялась рыжеволосая бестия; мало того, что она хватала своих подружек за мягкие места, девушка ничуть не стеснялась позировать в откровенных позах. Выгнув спину, она повернулась к камере попкой и натянула тонкую верёвочку трусиков. Мужчина увеличил масштаб, приближая соблазнительный бугорок половых губ, его правая рука при этом задёргалась чаще.

— Как же ты хороша... — кряхтел он. — И умна... пригласить... сегодня... да... ДА! — почувствовав близкую эякуляцию, Виктор сорвал с себя кибер-очки и схватил со стола заранее приготовленную газету. Рекламная надпись на обороте сообщала:

«Филе сельди всего
по 750 000 кредит!»

Брызги шлёпнули по плохо отпечатанному изображению нарезанной рыбы.

Виктор позволил себе расслабиться на секунду-другую, после чего поднялся с кресла, хрустнув коленями, и понёс газету к урне. Важно было не пролить ни капли, для этого Виктор согнул бумагу в двух местах так, что жидкость собралась в середине, в таких опытных руках у неё не было ни единого шанса.

«Пригласить её к себе домой?» — думал он по пути на кухню. — «Боже, какой я дурак. Тупая кобыла. Секретутка».

— Дьявол! — воскликнул он, взглянув на висящие на стене старинные часы с маятником. — На Собор я ещё не опаздывал!

Выбросив газету, он поковылял в ванную в полусогнутом положении, боли в пояснице возобновились сегодня очень некстати.

«И откуда берутся все эти старческие болячки?» — негодовал мужчина, выставя температуру на кране. — «Чего же мне ждать в старости? Cazzo di vita!»

Ополоснув своё тощее тело, Виктор ещё раз посмотрел на часы — время было критическим.

Переступая через катающиеся по полу пустые бутылки, он быстро подошёл к гардеробу, к счастью, одежда была в хорошем состоянии и не требовала глажки. По таким важным поводам, как сегодня, чиновникам Церкви Новой Эпохи полагалось носить церемониальную одежду, именно для этого в дальнем углу просторного шкафа своего часа ждал роскошный плащ феррайоло. Пятнадцать минут приготовлений, и тщедушный римлянин болезненного вида преобразился в богоугодного, вызывающего приступы угрызения совести у грешников, викарного епископа Виктора.

— «Ибо епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель,

Не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец!» — сказал он отражению в зеркале и опрокинул в себя оставшийся с вечера недопитый бокал красного вина. — Послание к Титу, глава первая, стих седьмой.

Покинув свои апартаменты, викарий захлопнул дубовую дверь и, пройдя по сводчатому

коридору, оказался в лифте. Тёмно-красный гранат, украшающий перстень на среднем пальце, блеснул отшлифованными гранями, сенсорная панель отозвалась тёплыми бардовыми бликами.

— Аэропарковка выбрана!

— сообщил женский голос.

Кабина устремилась вверх, небольшая перегрузка, вызванная ускорением, обозначила наличие подагры в суставах. Виктор взглянул на браслет — до начала Собора оставалось всего шесть минут, ни один городской электролёт не способен был так быстро преодолеть необходимое расстояние. Его бледное лицо не выражало ни малейшей эмоции, нервное напряжение выдавали лишь гуляющие по крупным квадратным скулам желваки.

— Удачного пути!

Он вышел на крыше небоскрёба и зашагал к своему транспортному средству широкими ровными шагами. Снегопад, продолжающийся уже несколько дней, немного утих, под ногами хрустела грязноватая снежная масса. До припаркованного электrolёта было не менее тридцати метров, с учётом погоды, расстояние приличное, но Виктор и не думал бежать. Во всей галактике не существовало причины, способной заставить епископа бегать, это мог быть пожар или наводнение, землетрясение или оползень, Виктор

предпочёл бы сгореть, утонуть или погибнуть под завалом — не важно, главное — не допустить какой-либо физической деятельности. Его чёрную машину, представляющую собой идеальный крест, как обычно окружало свободное пространство из нескольких незанятых мест, любой здравомыслящий римлянин хотел держаться от Церкви подальше в прямом и переносном смысле.

Викарий прокашлялся и поводит языком по нёбу. Неприятный привкус мог быть как результатом износившегося фильтра, так и следствием гепатотоксичного влияния алкоголя. В любом случае пора было нанести визит умельцам из «Bullfrog industries».

Гранатовый перстень просканировал приборную панель и запустил двигатели. Городской шум ушёл на второй план, динамики огласили салон густыми аккордами органа — это включилось церковное радио, с недавнего времени являющееся обязательным для прослушивания.

— Три минуты, — констатировал Виктор, взглянув на голубоватый дисплей. — Хороший день, чтобы сдохнуть!

Рычаг скорости перешёл в крайнее положение, электрические двигатели засвистели от перенапряжения. Машина взлетела с крыши, поднявшись над мрачными зданиями столицы Римского альянса. Острые шпили готических башен

выглядели враждебно, словно чёрные острия частокола, они жаждали нанизать на себя любого противника неокатолической веры.

К своим сорока двум годам епископ умудрился потерять интерес ко всем видам развлечений, равно как и любым проявлениям жизни — всё стало серым, скучным, однообразным. Если спросить у Виктора, приносит ли ему удовольствие какое-либо занятие, это заставит его задуматься на длительное время. Когда-то таким занятием был мастерский пилотаж, теперь же от этой любви осталось лишь умение маневрировать на огромной скорости, исполняя суицидальные трюки, которые он, к слову, демонстрировал без всякого повода и необходимости.

Об обязанности каждого пилота придерживаться своей воздушной трассы викарый помнил лишь для того, чтобы ежесекундно её нарушать. Размеренное движение превращалось в подобие преисподней, когда совершенно неожиданно из-за какой-нибудь башни, а то и прямо с небес появлялась его ревущая комета в форме распятия. Заняв свободный на данный момент верхний ряд, Виктор обогнал пару дрейфующих грузовиков и застрял в узком месте между пиками торгового комплекса. Сверху нависли рекламные дирижабли, снизу тянулась вереница белых машин такси, впереди широкий зад

школьного автобуса отнимал последние надежды на лихой прорыв.

— Какая коррумпированная мразь дала разрешение на размещение рекламы?! — епископ зашипел, глядя на билборд, заграждающий полполосы.

«Новая
развлекательная
топлесс-программа

с участием самого
известного голо-джея
Альянса

божественной
АУРЕЛИИ!»

— «Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром!»

— зачитал Виктор, прибавил скорости и направил «распятие» прямо в электронное табло. Красотка с афиши подмигнула в последний раз и превратилась в праздничный салют из осколков.

— Послание к римлянам, глава 12, стих 21.

Зрелище религиозного фанатика-самоубийцы повергло в шок и без того запуганных горожан, семейные универсалы и туристические вэны

врезались друг в друга, разбивая окна, апокалипсис приближался прямо на глазах.

Через три минуты епископ приземлился на Площадь Святого Петра. Выйдя наружу, он посмотрел на казённый транспорт, осознавая, что в этот раз спешка далась ему немалой ценой.

Церковнослужители со всех провинций толпились у входа, некоторые из числа высокопоставленных спокойно курили поодаль, ожидая, пока давка рассосётся. Вид разбитого электrolёта, припарковавшегося в неполюженном месте, никого не удивил.

— Я разыщу этих вандалов! — крикнул Виктор на всякий случай и потряс сохнувшим кулаком.

Совладав с острым желанием выкурить сигарету, он удостоил своих курящих коллег осуждающего взгляда и вошёл в центральное административное здание Церкви Новой Эпохи.

Тёмные матовые стены из особого пластика поглощали свет, словно чёрные дыры, тонкие фиолетовые лампы, встроенные параллельно полу, направляли священнослужителей к Главному Церемониальному залу. Следуя за фиолетовой нитью света, Виктор шагал по расширяющемуся коридору, ламп становилось больше, а увеличивающаяся высота потолка захватывала дух.

«Дешёвые архитектурные трюки», — нервно отмахнулся итальянец, протестуя против навязываемого чувства величия. Стоило признать, что кое-какие причины для волнения всё же существовали. За всю тысячелетнюю историю Церкви в различных формах её существования это был всего лишь десятый по счёту Вселенский Апокалиптический Собор. Данное событие имело невероятно сложную каноническую процедуру оглашения, созыва и проведения, кроме того, оно привлекало к участию всех епископов Западной провинции без исключений. По всей видимости, возникла чрезвычайная ситуация, Виктор подозревал, что это может быть связано с необъяснимыми происшествиями за рубежом, так или иначе, в течение последней недели викарий испытывал недоброе интуитивное предчувствие...

— ... открытым! — молодой человек на трибуне сделал ударение на последнем слове, сорвав шумные аплодисменты.

Епископ сверился с картой посадочных мест и оторопел от ужаса, увидев, чья фамилия значилась за соседним креслом. Этот страшный человек, чьим помощником он являлся так долго, что остальная часть жизни казалась забытым сном, был абсолютно непостижим для здравого смысла, сам факт того, что он до сих пор не был отлучён от Церкви, несмотря на более чем сомнительную

репутацию, порождал дурные сплетни среди многочисленных недоброжелателей. Столь мелкая оплошность — опоздание на пару минут теперь уж точно не останется незамеченной, более того, сулит Виктору непредсказуемыми последствиями.

— Но?!.. — Виктор прищурил подслеповатые глаза и подался вперёд. Ошибки быть не могло, на месте его безумного босса сидела четырнадцатилетняя девочка.

— Виктор, где тебя носит?! — пропищала она с нескрываемой радостью.

— Цыц! — епископ пригнулся, пробираясь к своему бархатному сиденью. — Ч-что ты здесь делаешь, и где отец?!

— Он сказал ждать здесь! — Кумико протянула Виктору руку, видя, как тот кряхтит от подагрической боли. — Скорей, Бенедикт уже начал.

Овации стихли, Папа Римский снял с лица мини-дисплей, прикрывающий правый глаз.

— Спасибо, друзья, я попрошу вас последовать моему примеру и на время перейти в офлайн, — он свернул устройство. — Интерфейс лучше отложить в сторону.

Епископы защёлкали браслетами, меняя сетевой статус на «недоступный». Виктор устало скривился и, разобравшись с лицевым интерфейсом, осмотрел Церемониальный зал.

Помещение, выполненное в форме амфитеатра, поражало своими масштабами, гигантомания здесь сочеталась с любовью к высоким технологиям, однако трудно было определить, существовала ли насущная необходимость во всех этих громадных чипах, толстых кабелях и частях микросхем, покрывающих стены, или же главной задумкой была демонстрация технологического превосходства Церкви над конкурирующими организациями? Лишь одного элемента не коснулись течения времени — семиметровое распятие над трибуной Понтифика выглядело всё таким же древним, священным и... удручающим.

— Я полагаю, многие из вас заметили моё отсутствие в последние недели, — произнёс Понтифик. — Предвещая распространение сплетен, хочу заявить, что я был полностью посвящён одной из труднейших духовных практик. В течение месяца я соблюдал строгий пост и предавался молитве в абсолютном одиночестве. Изоляция далась мне нелегко, отчасти это объясняет мой внешний вид.

— Он так похудел! — шепнула Кумико своему старшему соседу, прикоснувшись к его уху влажными губами. По коже Виктора пробежал морозец.

— Тем не менее, смею заверить вас, дорогие signori, я абсолютно здоров и нахожусь в прекрасном расположении духа.

По залу прошёл одобрительный гул.

— Grazie! — Папа поправил испещрённую проводами высокую митру, дожидаясь тишины. — Находясь в заточении, я многое понял и многое переосмыслил. Я спрашивал Господа, как нам спасти наши души, и он говорил со мной, являясь во снах, отвечал мне, подавая знаки.

Понтифик задумался, вспоминая недавно пережитый духовный опыт, слушавшее его духовенство, почтительно ожидало продолжения речи. Никто не смел усомниться в честности его слов, ведь все знали, что именно благодаря своей самоотверженности в деле служения Господу, своим неслыханным духовным талантам Бенедикт XVII смог снискать уважение среди кардиналов и стать самым молодым Папой Римским из всех когда-либо избранных пап. Юный митрополит поднял голову и продолжил.

— К сожалению, друзья мои, всё говорит о том, что пророчествам из Откровения Иоанна Богослова суждено сбыться очень скоро. Апокалипсис близок, и смириться с этим непросто. Выйдя из информационной блокады, я узнал, что мир стоит на пороге Третьей мировой войны. Я заверяю вас, signori, Восточный Народный Союз не

поверит в эти басни об инопланетном вторжении, распространяемые проплаченными медиа. Я предвижу, что тяжёлые механизированные армии войдут на территорию славянской Федерации, а затем пересекут и границы других государств. Это будет война, в которой проиграет только одна сторона — человечество. Это было предсказано задолго до нас, а посему никто не в силах отворотить катастрофу, *«ибо пришёл великий день гнева Его, и кто может устоять»* . — Так говорится в Откровении...

— Он что о Конце света говорит?! — девочка схватила Виктора за рукав.

— Да тихо ты! — процедил тот, мысленно проклиная её приёмного отца за то, что он допустил ребёнка к такому событию.

— ... как вам известно, доселе нашей основной целью было искать и устранять заблуждения в вере. Затяжной мировой кризис послужил причиной для всеобщего духовного упадка. Преступники объединяются в большие организованные группы, римский народ теряет всякую веру в добро. Заповеди сына господнего Иисуса Христа нарушаются повсеместно, а мировые сверхдержавы вынашивают планы по ослаблению и разделу нашего могучего Римского альянса!

Со стороны духовенства послышалась громкая поддержка.

— Разумеется, *signori*, в таких сложных условиях мы должны действовать жёстко и молниеносно! Предполагаю, что не всем будет легко принять нововведения, которые я собираюсь внедрить, но я попрошу по возможности избегать скоропостижных оценок и довериться моей проницательности в очередной раз.

Понтифик выждал паузу, убедившись, что внимание епископов и кардиналов сосредоточено на восприятии новой информации.

— Друзья мои, сегодня я издам буллу, устанавливающую новый порядок нашей работы. С этого дня мы больше не будем навязывать нашу веру и преследовать граждан за инакомыслие, вместо этого мы сконцентрируемся на очистке душ грешников, очистке от порока и, прежде всего, от семи смертных грехов, коими являются корысть, зависть, лень, чревоугодие, уныние, гордыня и бездуховность. Мы должны спасти как можно больше людей, неважно верующие они или нет, очистить их души накануне Страшного суда!

В зале стояла тишина.

— Утратить поддержку населения в нашей ситуации просто недопустимо, так что с сегодняшнего дня никакого навязывания, *signori*, а лишь просвещение. Мягкое, но уверенное

просвещение. Суть нового подхода трудно раскрыть в рамках одного Собора, но я позаботился о том, чтобы человек, чья кандидатура будет представлена на руководящую должность, понял не только смысл, но и прочувствовал всю важность и глубину широкомасштабной церковной реформы. Своей буллой я создаю отдельную организацию в рамках Церкви Новой Эпохи. Отдельное финансирование, собственная иерархия и исключительные полномочия — в этом контексте роль личности руководителя — Верховного Апокалиптического Просветителя, как вы понимаете, приобретает ключевое значение.

Бенедикт XVII осмотрел слушателей, замерших в напряжении. Каждый из них уже знал о предстоящем назначении, многие часы были потрачены на безрезультатные диспуты по поводу возможной кандидатуры Экзарха Западной провинции, однако, чем больше священники спорили, тем сложнее было предопределить, к кому будет обращена благосклонность Папы. Старые, напичканные имплантатами кардиналы, потеряли сон, фантазии и перспективы абсолютной власти, находящейся столь близко, не давали покоя их властолюбивым сердцам. Теперь же, когда тайна вот-вот должна быть раскрыта, казалось, что Главный церемониальный зал наполнился безмолвными восковыми фигурами.

— Человек, имя которого я хочу представить к голосованию, начал своё служение Господу задолго до моего избрания на папский престол, а скорее всего, и раньше, чем приняли обет даже старейшие из присутствующих здесь епископов. К сожалению, его методы и подходы не всегда находили понимание среди соратников, но заслуги его неоспоримы, а достижения в сфере обращения неверных и наставления заблудших душ на путь истинный достойны высочайших похвал, и с этим, я хочу надеяться, никто не поспорит, *egregi signori!*

...Виктор почувствовал, как его психическая энергия вот-вот извергнется болезненным гнойником накопившихся дурных предчувствий. Шум в ушах сигнализировал об упавшем кровеносном давлении...

— В качестве знака доверия и особого уважения, я позволил себе выйти за рамки священных норм Кодекса Канонического права, удовлетворив его просьбу пригласить на Собор единственного близкого человека, его прекрасную юную дочь...

...Темнота закрывала обзор по углам зрения, голос Понтифика отдалился, голова викария откинулась назад, он больше не мог сопротивляться накатывающему обмороку.

«Филе сельди всего по 750 000 кредит!»

Новоиспечённый Экзарх зачитал вслух заголовок рекламы и отложил газету.

— Это ж надо так испохабить «Вестник апокалипсиса»! Вот уж действительно конец света. Напомни мне разобраться с этой ситуацией, никакой рекламы в нашем издании быть не должно!

Виктор был мрачнее обычного. Ему невыносимо хотелось выпить.

— Вы уверены, что это хорошая идея? — сипло произнёс он, глядя на широкоплечую фигуру, восседающую в роскошном кресле. — Я слышал, что у церковной прессы серьёзные проблемы с финансированием.

— Немудрено, мой юный друг. Кто в здравом уме захочет покупать этот религиозный... как это сейчас говорят — отстой?

— Хм... учитывая вашу высокую должность, я бы рекомендовал воздержаться от таких высказываний. И вообще, если мы запретим размещать рекламу, придётся поддерживать издание в жизнеспособном состоянии из собственного бюджета. Вы об этом не думали?

Морщинистое лицо крайней степени бледности озарилось от света, пролетающего за окном электrolёта.

— Шумно здесь. И прикажи заменить этот «королевский трон» на обычный пластмассовый стул, — Просветитель взглянул на панораму центрального Рима, открывающуюся через тонированную стену. — Никому мы платить не будем, газета вскоре перейдёт на самообеспечение.

— Да?

— Да. Мы обеспечим её горячими эксклюзивными новостями. Я гарантирую.

Виктор вздохнул. Инъекция возымела эффект, но давление всё ещё прыгало. Самочувствие резко улучшилось, когда в кабинет вошла молодая секретарша с рыжими волосами.

— Сегодняшние реестры на Вашей почте!

— Спасибо, Сабина, можешь идти.

Пухлая девушка развернулась на каблуке, сверкнув разрезом короткой юбочки.

Вероятно, в силу своего возраста, а может и по какой-то другой причине Экзарх не носил на лице персонального интерфейса. Вместо этого, на его поясе рядом с ножнами меча висел свёрнутый в трубку экран. С нетипичной для старика сноровкой он вытащил гибкий планшет из специального крепления и зашёл в свой почтовый ящик. Викарий опустил дисплей над глазом, углубившись в

документы. На какое-то время комната показалась пустой, лишь церковное радио в приёмной расточалось органными партиями.

— Воздержался?! — Экзарх нарушил молчание.

Сообразительному Виктору потребовалось пару секунд на то, чтобы понять, о чём говорит его начальник.

— Ма?... Откуда у вас данные, это же тайное голосование!?

Тонкие губы Экзарха были сжаты, образуя ровную горизонтальную линию. Викарию показалось, что в смотревших на него впавших глазах читалось подозрение.

— ...

— Я не голосовал, потому что мне стало плохо.

— Ах, да, действительно, ты вообще не голосовал, — Просветитель прокрутил список ещё раз.

— Можете спросить у Кумико, у меня случился обморок.

— Обморок? — старик оторвал взгляд от экрана, присматриваясь к подчинённому. Виктор любил соврать. Он попадался часто, но исключительно по мелочам. Информационное могущество позволяло Экзарху проверить что-угодно в течение пяти секунд, так что в

серьёзных вопросах его помощник старался быть честным и прямолинейным.

— Кумико, Вы же с ней заодно, она тебе что угодно подтвердит, — чиновник вернулся к изучению данных, — а тебе, дружок, очередной звонок от собственного тела. Занимайся здоровьем, пока не поздно.

— Спасибо, я как раз собирался заехать в Корпорацию, — произнёс Виктор тем тоном, которым обычно врал. — Обидно оплачивать медицинскую страховку впустую.

— Cretino! Здоровье — это не только поменять имплантаты.

Виктор вспыхнул от возмущения. Эти слова звучали нелепо из уст ходячего чуда биоинженерии. Разумеется, никто не мог утверждать наверняка по причине строгой конфиденциальности всех его персональных данных, но только полный дурак не замечал очевидного — в теле Экзарха живых компонентов осталось меньше, чем кибернетических.

Викарий открыл электронный документ, направив свой гнев в полезное русло.

— У тебя есть информация об этих беглых украинских преступниках, устроивших резанину в Лхасе?

Виктор дочитал предложение и поднял глаза.

— Пока ничего особенного, за исключением того, что оба хорошо владеют рукопашным боем. Один даже сам преподаёт карате в Киеве, — Виктор покрутил голограммами. — Вот, нашёл, — над столом появилось фото Марка и Владимира, стоящих в группе спортсменов на каких-то соревнованиях. — Видимо, они большие друзья, так как старший отправился в тюрьму и буквально вынес ученика на руках.

— Бойцы? А почему они решили скрыться в Восточном союзе? Тебе не кажется, что искать политическое убежище в рассаднике тоталитаризма — затея странная?

— Не говоря уж о том, чем она в итоге обернулась, — согласился викарий. — Странно, что никто из них не засветился в каких-либо серьёзных делах, такие себе безобидные лоботрясы, особенно малый.

— Может быть, это сценарий политической провокации?

— Вряд ли. По нашим данным они не участвуют в парламентских схемах и не получают никаких незадекларированных доходов, кроме всякой несущественной мелочёвки.

— Хорошо, какие ещё связи возможны? Что насчёт этой корпорации? «Stirolbiotech» владеет рядом эксклюзивных патентов.

Виктор ответил без промедления.

— Здоровяк известен своей ненавистью к технологиям. Он бы скорее умер, чем имплантировал себе даже воздушный фильтр.

Просветитель помолчал.

— Возможно, мы чего-то не знаем. Установи за обоими круглосуточную слежку, я хочу знать, кто за ними стоит.

— Realizzato!

Викарий приступил к выполнению поручения, отдавая приказы оперативным агентам. Экзарх вернулся к изучению реестров. В далёком средневековье эти документы содержали списки потенциальных еретиков, в современном мире реестры представляли собой сведения о всяких неблагонадёжных персонах, чья деятельность, возможно, противоречила священной миссии Церкви. Через какое-то время в дверях появилась сексапильная секретарша.

— Господин Просветитель, «Омега-банк» подтвердил кредитную линию!

— Сабина, для этого необязательно врываться в кабинет, — заметил Виктор с напускной строгостью.

— Простите, сеньор, просто я знала, что вы ждали от них решения... — она повернулась к Экзарху, изобразив обиду. — Проект договора я отправила Виктору, правильно?

— Да, Сабина, всё верно, — Просветитель обратился к помощнику. — Посмотри его первоочередно, эти средства нужны нам как можно скорей.

Виктор кивнул. Несмотря на паталогическую лень, он был одним из лучших церковных юрисконсультов во всем Альянсе. Годы практики научили его читать документы по диагонали, отыскивая в них слабые места, неведомым для молодых юристов образом.

Секретарша ушла, Экзарх отвлёкся на телефонный звонок — как обычно трезвонила его приёмная дочь, бедняжка не могла прожить и пары часов без обожаемого папочки. В этом случае любовь была обоюдной, старый служитель слушал дочь терпеливо и, хотя его бескровное лицо оставалось в это время спокойным, Виктору казалось, что морщинки на нём всё же немного разглаживаются.

— ... нет, доця, наберись терпения и досиди последний урок... Прошу тебя, вечером получишь подарок...

Епископ заканчивал изучение банковского договора. Он был раздражён и явно желал высказаться.

— ... целую! Я заеду за тобой, смотри не гуляй одна! — он щёлкнул по экрану, обрывая разговор.

— Они вгоняют нас в кабалу, — пробурчал викарий с досадой. — В этот раз банкиры превзошли сами себя!

— Точнее.

— За кого они нас держат?! — Виктор упёрся руками в колени и неуклюже встал. — Штраф за просрочку платежа даже на один день — десять процентов от всей суммы! При досрочном погашении — двойная ставка процента, насчитанная на всю сумму с учётом полного срока! Автоматическое вычитание штрафов из сумм платежей! А если мы захотим их оспорить?!

— ...

— Это хамство! Открытое хамство в сторону Церкви!

— Ты прав, это никуда не годится, — Экзарх поднялся с «королевского трона», исполнившись решительностью. Теперь викарий мог разглядеть новые детали его внешнего вида — сияющая белизной церковная альба была покрыта золотыми дорожками микросхем. Отблёскивая в тусклом свете, они тянулись от ровных краёв плаща и расширяющихся рукавов, собираясь у широкого ворота, согнутого пополам. Драгоценная роспись смотрелась несколько непривычно, зато причёска осталась неизменной — выбритый до середины темени череп и белые волосы, заплетённые в косу,

доходящую до самого пояса. — Я лично поеду на переговоры!

Виктор скорчил недоверчивую мину. Похоже, что его начальник собрался взять показательный старт на новой должности. С другой стороны, какова бы ни была его мотивация, он вызвался сделать часть его работы, так что...

— Двух «тамплиеров», пожалуйста. Да, пусть ждут нас на вертолётной парковке, — Экзарх отдавал команды, прижимая наушник к уху. — Нет, дальнобойное оружие не потребуется... надеюсь.

* * *

«VI-N.0013 — Tamplar» — таково было полное название киборгов, составляющих основное вооружение Церкви Новой Эпохи. Эти великаны создавались только из самых физически одарённых кандидатов и в виду своих габаритов плохо подходили для скрытных заданий. Собственно, агентурная работа и не являлась целью создания этих боевых единиц...

Виктор закашлялся, выплюнув горький снег. Хромая и подаваясь вперёд, он старался угнаться за своим руководителем, старшим по возрасту предположительно в два, а, возможно, и три раза. Оба мужчины были приблизительно одного роста, но по сравнению со своим помощником, Экзарх

выглядел более здоровым и подтянутым. Сутулая спина Виктора и его вечно уставший раздражённый взгляд контрастировали с прямой как струна осанкой Просветителя, спокойно шагающего с заложенными за поясницу руками. Ни внезапные порывы ветра, ни хлещущий по щекам ядовитый снег, казалось, не нарушали его внутреннего равновесия. Взгляд старика поражал редким душевным спокойствием, его мудрые и немного сумасшедшие глаза были окружены морщинами, каждая из которых имела собственную историю, за каждой стоял пережитый опыт. Морщины Просветителя были особенными, словно пересохшие реки, они рисовали на лице сложную и витиеватую карту прожитой им жизни.

— Buonasera, signori! — старик поприветствовал двух агентов, ожидающих его на парковке. — Не замёрзли?

— Фррррррррр... — «тамплиер» включил голосовой модуль, но не найдя что ответить, лишь выдохнул в микрофон. Вопрос был более чем неуместным, ведь «Bullfrog industries» владела уникальным патентом на производство термостойкой кожи. Агенты не замёрзли бы даже в открытом космосе, и старик, разумеется, об этом прекрасно знал.

— Садитесь назад... — он повернулся к помощнику. — Виктор, я попрошу без резких

манёвров, учитывай, что наши воины весят по полтонны каждый.

Двери электролёта поднялись, первый гигант ступил на порог.

— Левый мотор уже шумит, скоро вы мою птичку совсем доконаете... — проворчал Виктор, занимая кресло пилота.

— Ну, доконать они пока не доконали, — Экзарх подмигнул агентам, — но фары, смотрю побили?

— Фррррррррррр...

Викарий вытянул на себя дроссель скорости, лопасти зашумели, вскоре их звук скрылся за церковной музыкой.

— Не пойму Вашей весёлости, господин Просветитель, — епископ поднимал машину под звуки органа. — Лично у меня довольно плохие предчувствия по поводу этой затеи.

— У меня тоже, — согласился старик, потирая руки.

— Фррррррррррр...

Электролёт поднялся над Площадью Святого Петра и направился по заданному адресу. Виктор высказал несколько проклятий по поводу погоды, ожидая, что кто-то подхватит его жалостливую тираду.

Экзарх посмотрел в окно, равнодушно наблюдая за отдаляющимися рядами автомобилей.

— Всюду пробки, — произнёс он задумчиво, затем достал из внутреннего кармана бумажный томик Библии. Внутри переплёта лежала красная ручка, очевидно, служившая в качестве закладки. Старик прочистил горло и зачитал вслух:

«И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки её и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не всё тело было ввержено в геенну»!

Викарий сглотнул слюну.

— От Матфея, Глава пятая, стих тридцатый...

— Молодец, правильно! — Просветитель улыбнулся странной улыбкой, похожей на гримасу самурая, пронзённого стрелой. — Ай да знаток, да, парни?

— Фррррррррр... — «тамплиер» провёл рукой по лежащему на коленях оружию с широким дулом. — Господин Просветитель, мы могли бы услышать брифинг? — спросил агент.

— Да, да — Просветитель собрался с мыслями. — Миссия класса «эскаорт». Ваша задача проста — сопровождать нас во время переговоров. Место — центральный офис «Омега-банка». Возможное сопротивление — секьюрити банка, в основном это люди, но есть и пара механизированных негодяев, скорость их работы не превышает трёхсот ударов сердца в минуту. Огонь по команде.

— Ясно, — отозвался агент.

— Скажите, а если Вы не успеете отдать команду? — слышалось от второго агента, лицо которого было скрыто под белым капюшоном. — Каков алгоритм действий?

Экзарх повернулся к солдатам и молча взглянул на них. Оба поняли, что лучше бы они спросили акулу, не боится ли она нырять. Вопрос был исчерпан.

Тем временем, электролёт перелетел через реку, приближаясь к центральной части Рима. Когда-то это место было плотно застроено старыми зданиями, насчитывавшими всего по несколько этажей, теперь же, когда в столицу стало стекаться множество амбициозного люда со всего Альянса, город быстро заполнился тонкими, словно церковные свечи, готическими небоскрёбами. Единственное, что напоминало о старом уютном Риме, были узкие, вызывающие клаустрофобию улочки, делающие передвижение с помощью наземного транспорта весьма затруднительным.

— Слава Богу, Тибр ещё не замёрз, — заметил Экзарх, отвлёкшись от Библии.

— Уверен, это обязательно произойдёт с приближением Конца Света, — предположил Виктор.

— Ну что ж, тогда мы наденем коньки и прокатимся по реке, пока семь Ангелов апокалипсиса не устроили на Земле крематорий!

Викарий, как обычно, не отреагировал на шутку руководителя, что, видимо, совсем не заботило последнего. Машина прорывалась сквозь снегопад, обгоняя осторожных таксистов, больше всего в жизни боящихся поцарапать свои арендованные электролёты. Вечер только приближался, но город уже лишился естественного освещения. Солнечному свету было не пробиться через слой осадков и загрязнений, но даже если бы потухли все уличные фонари, вечерний Рим по-прежнему сиял бы в огнях абсурдно большого количества наружной рекламы. Широчайший ассортимент благ предлагала национальная корпорация «Bullfrog industries», фиолетовый логотип лягушки присутствовал едва ли не на каждой свободной поверхности.

Вскоре впереди обозначился греческий символ Омега. Увидев объёмный логотип, напоминающий подкову, Виктор сбавил скорость и зашёл на парковочную траекторию. Услуги банка, любезно предоставляющего займы, пользовались широким спросом, на прилегающей к нему стоянке не было и единого свободного места.

— Придётся немного прогуляться, — объявил викарий и, покрутившись над землёй, посадил

электролёт прямо на тротуар. Крики прохожих, разбегающихся в стороны, прекрасно дополнили положенные на новый лад церковные хоралы Иоганна Баха. Группа вышла наружу и направилась к высокому зданию банка.

— ... и вот, конь бледный, и на нём всадник, которому имя Смерть; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвёртою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором, и зверями земными...

— голос, искаженный вышедшим из строя громкоговорителем, пробивался через уличный шум.

— И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились ещё на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число...

— у входа в офис, облокотившись о колонну, стоял бездомный. Увидев приближающуюся процессию, любитель пророчеств на секунду замолк и распахнул обвалянный в грязи синтетический пуховик.

— КРЭЖ! — безумец преградил своим телом дорогу. — Качество гарантирую! — «Продавец» был настолько пьян, что к своему горю не разглядел, кем были его потенциальные покупатели. Рука Просветителя навалила на рукоять катаны, пристёгнутые к поясу ножны

совершили круговое движение, ударив дилера в промежность. Послышался сдавленный крик, бродяга рухнул как срубленный росток бамбука.

— Покайся, сын мой, у тебя как раз образовалось несколько свободных минут, — посоветовал Экзарх, переступая через скрюченного человека.

— Аминь, — Виктор перекрестил лежачего и поспешил в тёплое помещение банка. Стоило дверям захлопнуться за его спиной, как он принялся струшивать снежинки со своего плаща с такой тщательностью и отвращением, будто это были трижды больные СПИДом голодные и скользкие пиявки. В «Омега-банке» был аншлаг, возбуждённые люди толкались в очередях, в офисе царил суматоха и звучала итальянская брань. Основной контингент не производил впечатления зажиточных клиентов, наоборот, посетители были плохо одеты и, скорее всего, выиграли разовый доступ в городской сектор категории «В» в очередной сетевой лотерее.

Тощая рецепционистка подняла усталый взгляд.

— Добрый вечер! Чем могу помочь?

— Ты? Ничем... Хотя нет, можешь, — Просветитель говорил медленно, вдыхая спёртый кондиционированный воздух. — Отведи нас к директору банка!

Девушка сохраняла каменное лицо.

— По какому делу? Вам назначена встреча?

— Если тебе ещё неизвестно, — вмешался Виктор, перед тобой находится Верховный Просветитель Церкви Новой Эпохи. Папа Римский предоставил ему полномочия свободно входить в любую компанию, учреждение или организацию независимо от формы собственности, включая, но не ограничиваясь, государственные объекты, банки, бордели и рестораны!

— Но господин директор не является адептом вашей церкви.

— Тем хуже для него. Слово Господне вольётся в уши его подобно расплавленному свинцу!

— Как скажете... — рецепционистка сообщила директору о визитёрах и провела их в комнату для встреч.

Резная мебель, кожаные кресла, золотая эмблема «Омега» на дубовом столе — похоже, финансовые дела этой компании переживали не худшие времена. Экзарх сел во главе длинного стола, Виктор занял ближайшее место, агенты стали чуть позади. Их лица были прикрыты капюшонами, мощные грудные клетки украшало изображение красного креста — печати ордена тамплиеров. Агенты держали в руках огнемёты, похожие на короткие трубы, такое оружие могло обратить в

пепел даже несгораемый сейф, попадись он на линии огня.

Не прошло и минуты, как в комнату вошёл невысокий человек приятной наружности.

— Добрый вечер! — улыбнулся он, поклонившись. — Меня зовут Антонио Одди, я исполнительный директор «Омега-банка». По правде говоря, я был немного занят, но услышав о том, что мы были удостоены посещения столь знатных персон, я немедленно отложил все дела, — Антонио был максимально почтителен. — И кстати, господин Просветитель, от лица всего коллектива поздравляем Вас с назначением!

— Молодец, молодец, — похвалил его Экзарх.

— Собственно, чем могу помочь?

— Мы прибыли, чтобы обсудить условия заключаемого контракта.

— Открытие кредитной линии, которую вы нам недавно подтвердили, — уточнил Виктор.

Директор взмахнул руками.

— Ах, конечно, я должен был догадаться! — улыбнулся он. — Вы будете не против, сеньоры, если я приглашу менеджера этого проекта и юриста? Боюсь, я не владею всеми нюансами сделки.

— Поскорее, пожалуйста, нам некогда заниматься ерундой, — отрезал Просветитель.

— Questo secondo! — Антонио поднял палец и покинул помещение. Через короткое время директор вернулся в сопровождении двух молодых людей — парня и девушки, у каждого в руках было по настольному дисплею. После коротких представлений, участники встречи перешли к делу.

Виктор провёл пальцем по экрану, листая разделы контракта.

— Кто составлял проект договора?

Молодой человек с грязной головой поднял руку.

— Шаблон разрабатывался юр-р-ридрическим департаментом, после чего утверждался остальными отделами...

— Мы спрашиваем, КТО конкретно этим занимался?! — подхватил Экзарх.

— По большей части... я... — юрист явно не желал брать на себя удар. — Но коммерческие условия и штрафы устанавливаются руководством!

— Руководством?! — Виктор посмотрел на директора банка. — В таком случае мне непонятно, почему кроме кабальной ставки процента, вы закрепляете абсолютно невозможные штрафы?

Антонио продолжал расшаркиваться.

— Просим прощения, монсеньор, мы не хотели продемонстрировать неуважение, но вы должны понимать, что распоряжаясь такой значительной суммой, мы несём огромные риски. Штрафные

санкции — это минимальные гарантии, своего рода страховка для кредитора, это нормальная банковская практика... — директор был спокоен и даже как-то чересчур расслаблен.

— Риски?! — закричал Виктор. Его желание выпить дошло до точки терпения. — Вы называете это рисками?! Да это даже не ваши деньги, вы просто делаете их из воздуха, выдавая пустые, ничем не подтверждённые облигации!

Антонио продолжал улыбаться, медленно опуская и поднимая веки. Такое поведение начало раздражать и самого Просветителя.

— Как вы смее приравнивать Церковь к торговцам, берущим кредиты на открытие очередного супермаркета? Мы отказались от мирского счастья и плотских утех, дабы полностью посветить себя просвещению, искоренению греховности в ваших безверных душах! Ежедневно мы рискуем жизнью, встречаясь со всякой уголовной мразью, совершаем визиты в тюрьмы и колонии, потому что верим, что Божья искра присутствует даже среди самых грязных человеческих пороков!

Пространство в переговорной комнате наполнялось угрожающими вибрациями.

— М-м-м-м, вот и замечательно! — директор мурчал, словно размякший на солнце кот. — Наш банк очень ценит ваши заслуги, именно поэтому мы

вот уже который год предоставляем вам посильную финансовую помощь. Все мы хотим блага нашему измотанному столетним кризисом римскому народу, и каждый из нас старается делать свою нелегкую работу максимально...

— НЕЛЁГКУЮ РАБОТУ?! — Экзарх вскочил из-за стола и взялся за рукоять меча. Агенты скинули капюшоны, открыв татуированные лица цвета извести. — И в чём же она заключается? В раздувании финансовых мыльных пузырей?! В заключении населения в кредитное рабство?! Какое благо для общества вы создаёте своей «работой»? Сколько людей стало счастливее от вашей поганой деятельности?! — Просветитель приближался к директору, пока не оказался прямо перед его носом. — Ваши банкирские трюки создают инфляцию, колебания на рынках и, в конце концов, именно вы ответственны за упомянутый столетний кризис!

Антонио молча ухмылялся, не испытывая никого волнения. Экзарх наклонился к его лицу, заметив, что глаза директора покрыты маслянистой плёнкой.

— Ах вот оно в чём дело! — закричал Просветитель, поворачиваясь к Виктору. — Эта банкирская сволочь обкололась какой-то дрянью! — Экзарх коснулся руки Антонио. — Тамплиеры, к дверям! Адреналин — двести

единиц! — Растерянный директор почувствовал страшную боль в кисти. Повинуясь резким движениям Экзарха, он буквально взлетел со стула и врезался лицом в стену, правая рука осталась заломленной за спину. Просветитель достал из-под альбы шприц-пистолет, выбрал на дисплее инъекцию и с нескрываемым удовольствием вонзил инструмент под лопатку жертвы.

— Немного «отрезвина», мой юный друг!

Двери распахнулись, в проёме появился охранник, и тут же был вынесен обратно столбом жидкого пламени.

— Господин Просветитель, Вам необходимо эвакуироваться из здания! — сообщил «тамплиер», перекрикивая вопли поджаренного секьюрити. Экзарх посмотрел на сидящего на полу директора. Инъекция привела его в чувства, глаза наполнились ужасом, губы задрожали от перенапряжения.

— Мы сами выберемся. Виктор за мной! — Осознавая, что дело пахнет жареным во всех смыслах этого слова, викарий переполз через стол и бросился к двери. — А вы, ребята, сожгите здесь всё, — приказал Экзарх и вышел в коридор.

* * *

Огонь. По необъяснимой прихоти он являлся основой церковного оружия, особая огнеупорная

кожа «тамплиеров» позволяла им безбоязненно испепелять объекты в упор. Виктор страдал от одышки, догоняя прыткого старика, фигура Экзарха то и дело терялась в хаосе промокших от сработавшей пожарной защиты тел. Кое-где попадались и лужи крови, некоторые охранники пытались применить оружие, но Просветитель всегда действовал на один шаг впереди. Его меч устремлялся в то место, где через секунду появлялась рука, сжимающая пистолет. Виктор лишь безучастно наблюдал, как тот разметает в стороны ни в чём не повинных людей.

За время работы под началом своего руководителя, викарный епископ не раз становился свидетелем злоупотреблений, переходящих в откровенное самодурство. Жертвы Экзарха калечились, иногда гибли, каждый раз наблюдая за этим, Виктор успокаивал себя, что он не в силах ничего изменить, не в силах остановить эту мчащуюся по костям церковную машину. С годами чувство вины пропадало, лишь изредка оно напоминало о себе болезненными уколами совести.

Немного работы мечом, и гости выбрались из горящего банка. Виктор опёрся о пластиковую колонну, задыхаясь от нехватки воздуха.

— Так... ыххх... это ваши новые... ыххх... методы просвещения? — спросил он своего руководителя.

Бездомный на входе встретил обоих ошарашенным протрезвевшим взглядом. Экзарх с огорчением осмотрел испачканную одежду.

— Давно собирался спалить это паучье логово. Сколько крови они б ещё выпили с падких на займы людей?

— Пойдёмте в машину!

— Минутку! — Экзарх придержал викария за плечо. В этот момент где-то вверху разбилось стекло. Протяжный крик прервался глухим ударом падающего тела.

— Кажется, мы будем подписывать договор в другом отделении, — предположил Просветитель, глядя на пылающий под ногами труп Антонио Одди.

Araknoise

— Гейские...

гейские...

...так, а-ну повернись... — Владимир устроился на мягком диване напротив примерочной, — эти тоже гейские! — заключил он, поедая ячменные лепёшки из картонной коробки. — Тоненькие ножки и мотня до колен — прелесть!

— Да, но бо... больше моих размеров нет, — Марк сгрёб одежду в охапку. — Учитывай, что мы не в Киеве.

— Ну так бери те нормальные джинсы, и не выделяйся.

— Нет, те с-слишком поповые.

— Тебе больше нечем выделиться, чем одеждой? — сенсей совершил необходимые покупки первым и теперь, надев солнцезащитные очки не к месту, наслаждался свободой и превосходством. — Пора бы выйти...хррум... из подросткового возраста. Тебе скоро тридцатник, а всё детство в жопе играет.

— Вот знаешь... как хо... хорошо, что эти чуваки не понимают по-русски! А я ведь сказал тебе, что хочу ши... широкие, улавливаешь, ш-и-р-о-к-и-е штаны!

Персонал магазина действительно не различал ни слова. Собравшись у кассового аппарата, консультанты с восхищением наблюдали за иностранцами, разговаривающими на незнакомом языке. Особый трепет у тибетцев вызывал вид Владимира, казалось, что они изучали каждую часть его тела, дивуясь огромным пропорциям.

— Широкие или узкие, а я тебя сразу предупреждаю — я не покажусь перед камерами в обществе идиота.

— С... смотрите, какой звёздный! — Марк повернулся к зеркалу, поправляя обмякший ёжик на голове. — Ещё не факт, что наше предложение кого-то заинтересует.

— Хрррум... ничего, газета «Рабочая Лхаса» — это как раз твой уровень!

— Так короче, я беру самые пе...первые!

— Те? — Владимир изобразил скорбное лицо. — Ты безнадежен...

* * *

«Великолепный проход по флангу! Попытка обмануть защиту... Кенди немного запутывается в ногах... пас! Нет, судья показывает офсайд!»

— У-У-У! — зрители отпрянули от экрана. В это время в заведение зашёл новый посетитель и остановился у входа.

«Кажется, Джессика недовольна! Смотрите, как она апеллирует к арбитру»,

— блондинистая красотка жеманно взялась за виски и покачала головой. Камера взяла крупный план, показав её ягодицы, облитые маслом, они сверкали на радость возбуждённой публики.

— Вот это да!! — завизжал какой-то китаец, размахивая открытой бутылкой пива.

— Аккуратнее, недотёпа! — его сосед смахнул пивную пену со свитера. — Раскатал губу

на Джессику, успокойся, с такой рожей тебе один хрен только прыщавых кладовщиц за сраки хватать!

На пороге заурядного тибетского бара появился незнакомец с длинными волосами. Приподняв замшевую ковбойскую шляпу, он осмотрел помещение. В центре вращалась низкокачественная проекция, полуобнажённые модели изображали на поле подобие футбола, судя по накалу страстей, спортивный матч был в самом разгаре. В нейкболе правила игры были упрощены до минимума, техника изуродована до полного примитивизма, девушки могли забыть, с какой стороны находятся их ворота, но здесь, кажется, эти мелочи никого не заботили. Вошедший посетитель опустил головной убор и направился к стойке бара, стараясь не привлекать внимание. Ноги, обутые в резиновые мокасины, ступали по устланному окурками полу. Скучающий бармен опёрся локтями на пластиковую стойку.

— Добрый вечер, приятель! Что будешь пить? — опустив взгляд, он заметил, что новый визитёр имел своеобразный вкус в одежде — кроме шляпы и накидки, тот носил тёмную складчатую юбку, спускающуюся от пояса до пят.

Посетитель расстегнул фильтр и положил его рядом с собой. Бармен незамедлительно возразил.

— Извините, но для масок у нас специальные ячейки у входа. К тому же мы объясняем всем приезжим, что в Тибете воздух совсем не нуждается в очистке!

Незнакомец оставил реплику без комментариев. Бармен немного присел, желая заглянуть под шляпу, но лицо посетителя так и оставалось скрытым.

— Простите, я чувствую себя уверенней, когда моя маска находится рядом со мной, — наконец произнёс он.

«А-я-яй, какая драка! Не может быть, нападающая «Чикаго Бичез» хватает обидчицу прямо за волосы!!»

— ДАЙ ЭТОЙ СУКЕ, ДАЙ ЕЙ!!

Бармен прищурился, разглядывая спортсменок на объёмном экране.

— Что Вы говорите? Ах, да, фильтр... знаете, — тибетец понизил голос, — обычно я заставляю клиентов подчиняться правилам. Если этого не делать, каждый будет творить что хочет... эти иностранцы такие упрямые, таскают за собой фильтры, а потом забывают их здесь... но-о-о-о... Вы мне нравитесь, вот что скажу! Эта шляпа и юбка смотрятся так необычно! Могу я спросить, откуда Вы прибыли?

— Сто грамм белого рома, пожалуйста!

— Рискну угадать, что Вы — актёр!

— Со льдом.

Незнакомец поправил кожаную накидку, покрывающую широкие плечи, и пристроился на высоком круглом стуле. Бармен подмигнул, будто говоря этим «О.К, я понимаю, что таким важным персонам, лучше оставаться инкогнито». Запотевший стакан с ромом опустился на стойку бара. Тибетец заставил себя успокоиться, делая вид, что приём именитых гостей для него обыкновенное дело.

— Я смотрю, Вы тоже не любите нейкбол? — спросил он, стоило мужчине промочить горло.

— ...

— Пропускаете открытие плей-офф?

«Напоминаю, что по правилам нейкбола редакции сорокового года арбитр имеет право остановить драку только по прошествии пяти минут, но хватит ли у девушек сил на такой длительный поединок?! По-моему, они подустали... хотя нет... чернокожая спортсменка берёт соперницу за шею! О, нет, вы только посмотрите, лифчик развязывается! О боже!!!»

— ДАВААААЙЙЙ!!

«Но что это? Свисток! Судья объявляет об окончании тайма, какая досада...»

— УРООООД!!!